

73
30

СБОРНИКЪ

ПАМЯТИ

Д. М. МАЦІЕВИЧА.

(1 Января 1877 г. — 24 Сентября 1910 г.)

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ВОСПОМИНАНІЯ, ПУТЕВНЫЯ СТАТЬИ,
ТЕЛЕГРАММЫ И Т. Д.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

9 -О К Т 1973

15 О К Т 1973

52
54

92
МЗБЧ.

Русский язык

Законы России

Черкотно-слав. язык

Черк. язык

Вспомогательные

Русский язык

Туркменский

он России

порт

артисон

состояние

Состояние

ММ 5089

СБОРНИКЪ

92
МЗБЧ.

ПАМЯТИ

Л. М. МАЦІЕВИЧА.

сб. Макаров

(1 Января 1877 г. — 24 Сентября 1910 г.)

3383/р.40к.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ВОСПОМИНАНІЯ, ГАЗЕТНЫЯ СТАТІИ,
ТЕЛЕГРАММЫ И Т. Д.).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Г 73
30

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАИ.
Отъ редакціи	5
К. Н—д—ли. Л. М. Маціевичъ (біографическій очеркъ)	7
А. Сумской. Памяти Л. М. Маціевича (стихотвореніе)	45
М. И. О. Маціевичъ, какъ инженеръ	47
Н. Морозовъ. Въ лазури голубой (стихотвореніе)	67
К. Арабажинъ. Дзентльменъ-громадянинъ	69
Борисъ Лазаревскій. Левко Маціевичъ	77
В. Трофимовъ. Онъ мертвымъ палъ (стихотвореніе)	89
А. Сумской. Гибель и похороны Л. М. Маціевича	91
Владимиръ Ивановъ. Жертвою палъ ты (стихотвореніе)	107
Н. Могиланскій. Надъ безвременной могилой	109
Б. Сотнякъ. Л. М. Маціевичъ за границей	113
Проф. Д. Зерновъ. Воспоминанія о Л. М. Маціевичъ	123
Заключеніе слѣдственной комиссіи о причинахъ гибели Л. М. Маціевича	125
О. Билоусенко. Чествованіе памяти Л. М. Маціевича въ украинскомъ клубѣ «Громада» въ С.-Петербургѣ	129
Печать о смерти Л. М. Маціевича	133
Телеграммы по поводу гибели Л. М. Маціевича	159
Списокъ вѣнковъ на могилу Л. М. Маціевича	165

Сверено
1988г.



Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ, 13



33 14
73

ГРЕТЪ СОЛН СЕР
Гос. Публ. Науч.-техн.
Библиотека

Сверено
с фондом



А. Магистер

(Со снимка 1909 г.).

Автографъ Л. М. Маціевича.

(Изъ частнаго письма).

Владу того тѣмъ побужденіе въ
постройку аэроплановъ на jobs-
дахъ лучшихъ фирмъ Морскихъ
досѣ имѣть возможность прикупъ
что для, тѣмъ имѣть другіе
очень полезно при изготовленіи
типа морского аэроплана и
приспособленій судовъ для нихъ,
я очень прошу Васъ не
отказаться въ Вашемъ содѣяніи,
если въ раздуміи не погнѣху
зрѣніе ~~ваше~~ въ необходимость
решающаго надъ вопросомъ постройки
аэроплановъ къ морскому делу.

Л. Маціевичъ

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Сборникъ, посвященный памяти Льва Макаровича Маціевича, погибшаго 24 сентября 1910 года во время авіаціонныхъ празднествъ въ С.-Петербургѣ,—литературный вѣнокъ на его могилу отъ друзей и товарищей.

Состоитъ сборникъ изъ ряда оригинальныхъ произведеній—біографическаго очерка, воспоминаній и т. п., а также изъ перепечатокъ газетныхъ статей, посвященныхъ памяти Маціевича, изъ телеграммъ, полученныхъ вдовою покойнаго, и иного матеріала, воспроизводящаго полную картину жизни, гибели и погребенія Льва Макаровича.

Свѣдѣнія для настоящаго сборника были получены отъ отца покойнаго, М. Д. Маціевича, вдовы, А. А. Маціевичъ, отъ ея сестры, М. А. Пожидаевой, и отъ г.г. корабельнаго инженера А. А. Шершова, сослуживца Льва Макаровича, инженера Б. С. Сотника, секретаря заграничной авіаціонной комиссіи, чертежника Н. В. Рожкова, неизмѣннаго сотрудника Л. М. при всѣхъ его конкурсныхъ проектахъ, и прочихъ, близко знавшихъ Л. М., лицъ.

Всѣмъ имъ редація приноситъ сердечную благодарность за живое содѣйствіе дѣлу литературнаго увѣковѣченія памяти Л. М. Маціевича.

Редація.

Левъ Макаровичъ Маціевичъ.

(Биографическій очеркъ).

Введеніе.—Семья Л. М. Маціевича и его дѣтскіе годы.—Гимназія.—Годы студенчества, занятія, товарищескіе кружки, студенческая «громада».—Общественныя настроенія Л. М. Маціевича.—Годы службы.—Увлеченіе авіаціей.—Смерть.

I.

Биографическій очеркъ жизни и дѣятельности Л. М. Маціевича, какъ и вся эта книжка, посвященная его памяти, не только актъ любви и вѣжнаго вниманія къ нему со стороны его родныхъ и друзей, не только потребность души, раненой преждевременной утратой, но и общественный долгъ.

Въ Л. М. Маціевичѣ русское общество потеряло и талантливаго техника, теоретика и практика воздухоплаванія, и смѣлаго летчика, побѣдившаго стихію, и гражданина.

Это былъ человѣкъ съ серьезнымъ, научнымъ міросозерцаніемъ, опредѣленными общественными идеалами и—что особенно важно у насъ въ Россіи—съ цѣльнымъ характеромъ,—воплощенной гармоніей разума, чувства и воли.

Въ Л. М. Маціевичѣ мы имѣемъ типъ поваго человѣка. Сильный, энергичный, вѣрный себѣ и вѣрающій въ себя и свое дѣло, стойкій въ достиженіи поставленной имъ цѣли, упорный, почти упрямый въ осуществленіи разъ намѣченнаго плана, привыкшій къ систематическому труду, выносливый и въ работѣ, и въ

преодоленіи треній на пути къ поставленной цѣли,—Л. М. Маціевичъ, всею своею личностью, какъ бы открывалъ въ нѣдрахъ русской жизни тѣ неисчерпанныя ея возможности, въ существованіи которыхъ русскій человѣкъ, пожалуй, имѣлъ серьезное основаніе сомнѣваться.

Въ странѣ обломовщины—энергія и выносливость въ трудѣ,—не выдуманная, не штотльцевская, а настоящая энергія, полная жизненныхъ соковъ, многогранная, кипящая, какъ лава въ вулканѣ; тамъ, гдѣ исконно воспитывалось безволие—здоровая воля и умѣнье хотѣть и творить. Среди безсильныхъ порывовъ и общаго разочарованія—творчество жизни, радостное наслажденіе работой и борьбой. вмѣсто благихъ порывовъ—плодотворный дѣла, вмѣсто правдивой дряблости и апатіи—доблесть и неутомимая жажда лучшаго. Таковъ былъ Левъ Макаровичъ Маціевичъ.

Это былъ новый, только нарождающійся типъ людей, которыхъ такъ недостаетъ намъ для того, чтобы сдвинуть страну изъ вѣковѣчнаго сна и рабства на путь живого труда и разумнаго творчества новой жизни. У насъ и раньше были талантливые техники, но какъ рѣдко обнаруживали они пониманіе гражданского долга; были у насъ и самоотверженные граждане, но какъ часто страдали они незнаніемъ реальныхъ условій жизни и борьбы, какъ быстро гибли, не осуществивъ своихъ плановъ, не сумѣвъ реализовать съ возможной экономіей силъ сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ своей дѣятельности. Совсѣмъ не хватаетъ намъ цѣльныхъ людей, гармонически сочетающихъ лучшіе порывы души съ знаніями, твердой волей и способныхъ къ планомерному достиженію своихъ цѣлей.

Л. М. Маціевичъ, быть можетъ, былъ первой осуществленной на Руси возможностью такого человѣка,—какъ ни коротка была его жизнь, и какъ ни трагична преждевременная кончина.

Было бы неправильно думать, что то волненіе, которое пережилъ Петербургъ въ день гибели Л. М. Маціевича, тѣ грандіозныя похороны, которыя устроила ему столица,—только слѣдствіе

увлеченія первыми успѣхами авіаціи въ Россіи, только порывъ чуткаго населенія, захваченнаго трагической красотой гибели на глазахъ десятковъ тысячъ публики;—нѣтъ, Петербургъ зачуялъ въ смерти отважнаго летчика нѣчто болѣе значительное и глубокозначительное. Не первую въ Россіи жертву авіаціи—Петербургъ провожалъ до могилы новаго человѣка, и провожалъ съ такой помпой, съ такимъ единодушіемъ и такимъ дружнымъ порывомъ солидарности, какъ еще никого изъ своихъ культурныхъ и политическихъ вождей.

Это были поистинѣ первыя національныя похороны, первая общая и единодушная національная скорбь,—безъ принужденія и вполне искренне объединившая всѣ слои населенія.

Морскіе офицеры, курсистки, рабочіе, студенты, гвардейцы, старые и молодые въ перемежку образовали на похоронахъ почетную цѣпь для охраны порядка.

Ничего подобнаго раньше не зналъ Петербургъ. На самыхъ торжественныхъ похоронахъ такіе разнообразные элементы населенія не смѣшивались въ одну группу единомышленниковъ и друзей по скорби. Похороны всегда носили или строго оффиціальныя характеръ, или совершенно частный: какъ напримѣръ, похороны Тургенева, Достоевскаго, Муромцева. Впервые на этотъ разъ всѣ слои населенія слились въ общемъ порывѣ, въ одномъ переживаніи чего-то трагическаго и вмѣстѣ радостнаго, въ сознаніи громадности утраты и громадности пріобрѣтенія.

Изъ темной тучи скорби и страданія сверкали лучи, озарившіе новымъ свѣтомъ будущее страны. Горечь утраты смягчалась ея всенародностью, и гордымъ сознаніемъ того факта, что у насъ на Руси могутъ рождаться такіе люди, какъ Л. М. Маціевичъ.

Не случайно ко гробу Л. М. Маціевича сложили свои выраженія почтенія и скорби и ученые общества, и кружки зеленой молодежи, и рабочіе, и военные, и одновременно съ залпами орудій и величественнымъ жужжаніемъ морского военного фрегата «Кречета», приплывшаго отдать послѣдній долгъ своему погибшему товарищу-летчику,—раздались надъ могилой трогатель-

тельные слова маститого шлиссельбуржца Н. А. Морозова, взволнованно читавшаго свое надгробное стихотвореніе, и молодежь, собравшаяся въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ на проводы тѣла Л. М. Маціевича, повторяла слова надписи на одномъ изъ вѣнковъ:

— Спи спокойно, дорогой Левъ Макаровичъ, за тобой идемъ мы! Мы побѣдимъ!

И собравшіеся чувствовали какую-то глубокую интимную связь съ усопшимъ военнымъ летчикомъ и могли сказать заодно съ друзьями покойнаго:

— Онъ нашъ! Великая жажда свободы толкнула его на завоеваніе воздушной стихіи.

Въ воспоминаніяхъ друзей и знакомыхъ Л. М. Маціевича, въ статьяхъ о немъ газетъ и журналовъ, приводимыхъ ниже, до извѣстной степени выяснится духовный обликъ покойнаго Л. М. Маціевича, — наша задача сообщить біографическія данныя о Маціевичѣ и выяснитъ тѣ условія, въ которыхъ онъ росъ и развивался.

II.

Семья Л. М. Маціевича и его дѣтскіе годы.

Левъ Макаровичъ Маціевичъ, украинецъ по рожденію и отчасти воспитанію, родился 1-го января 1877 года въ мѣстечкѣ Александровкѣ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Фамилія Маціевичей казацкаго происхожденія, впоследствии получившая дворянство.

Мать Льва Макаровича, Татьяна Ѳеодоровна Подгаецкая, происходила изъ духовнаго званія. Ея отецъ былъ священникомъ одного изъ сельскихъ приходовъ Кіевской епархіи. Это была женщина умная и энергичная, требовательная въ отношеніи къ дѣтямъ и не безъ педагогическаго дарованія. Ей юный Левко обязанъ первыми успѣхами въ грамотѣ. Подъ руководствомъ

матери маленькій Левко, какъ и все другія дѣти семьи Маціевичъ, научился и читать, и писать. Грамотѣ Маціевичъ сталъ учиться довольно поздно — въ 9-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Отецъ Льва Макаровича, Макарій Дмитріевичъ Маціевичъ — человекъ съ сильной волей и большимъ природнымъ умомъ, — сумѣлъ передать и своимъ дѣтямъ лучшія свойства своего характера и личности: ясную мысль, здоровую, бодрую душу, энергію, рѣдкую трудоспособность и силу воли. При нѣкоторой внѣшней замкнутости и сухости, это былъ добрый, сердечный человекъ и прекрасный семьянинъ. Матеріальнымъ достаткомъ семья Маціевича не обладала. Нужно было много энергіи, чтобы при скромныхъ заработкахъ бухгалтера на сахарномъ заводѣ поднять на ноги девять человекъ дѣтей, давъ имъ все необходимое для воспитанія и образованія¹.

Макарій Дмитріевичъ Маціевичъ служилъ на сахарныхъ заводахъ извѣстнаго сахаро-заводчика и миллионера Терещенка, въ м. Городищѣ, Черкаскаго уѣзда Кіевской губерніи, въ м. Андрушовкѣ Житомирскаго уѣзда Волынской губерніи, въ Лозоповскомъ имѣніи того же уѣзда; на сахарномъ заводѣ кн. Щербатова въ селѣ Терны, Лебединскаго уѣзда Харьковской губерніи.

Сахарный заводъ былъ крупнымъ явленіемъ на Украинѣ; онъ сыгралъ видную роль въ исторіи развитія ея сельско-хозяйственной и фабричной промышленности. Глубокимъ слѣдомъ прошли сахарные заводы по лицу земли, вѣками знавшей только плугъ пахаря. Появленіе сахарной промышленности рѣзко мѣняло весь общій укладъ украинской жизни.

Вмѣстѣ съ машинами и новыми способами производства появились и новые люди, новые запросы, новыя настроянія. Въ иную сторону направлялась и дѣтская любознательность. Когда-то маленькій Тарасъ Шевченко искалъ за родными холмами

¹ Одна изъ дочерей М. Д. Маціевича заканчиваетъ образованіе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Харьковѣ, другая учится за границей; младшій сынъ учится въ гравіоронской гимназіи.

конца земли; черезъ полъ-вѣка маленькому украинскому мальчику открылись новые заманчивые горизонты, его пытливости предстояло разобратъся въ устройствѣ громаднаго чудовища, выросшаго тутъ на глазахъ у всѣхъ въ видѣ многоэтажнаго зданія съ высокими трубами, уходящими къ небу и извергающими клубы чернаго дыма, съ страшными машинами, грохотомъ колесъ, съ такимъ таинственно-загадочнымъ устройствомъ.

Фабрика готовила въ нарождающемся поколѣніи своихъ будущихъ работниковъ, техниковъ и усовершенствователей. Такъ всякая эпоха создаетъ своихъ людей.

Левъ Макаровичъ былъ созданъ для этой новой эпохи. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ точность и пунктуальность—почти математическую, выдержку въ мелкихъ и кропотливыхъ подсчетахъ, настойчивость, вдумчивость и напряженность вниманія въ работѣ. Это было именно то, что нужно специалисту-технику для изученія конструкцій машинъ и для созданія новыхъ.

Маленькій Левко пользуется всякимъ случаемъ, чтобы побывать на заводѣ, присматривается къ работѣ машинъ, разспрашиваетъ техниковъ и рабочихъ объ ихъ устройствѣ. Сначала вопросы очень элементарны, напримѣръ о томъ, зачѣмъ на маховое колесо надѣвается пассъ; потомъ вниманіе мальчика направляется на болѣе сложныя особенности устройства машины. Придя домой будущій техникъ пытается своими еще неумѣлыми рученками соорудить модели видѣнныхъ машинъ.

Мальчика приводило въ восторгъ, если ему удавалось получить нѣкоторое подобіе видѣнной имъ машины. Большое удовольствіе доставляло юному «инженеру» демонстрированіе своихъ моделей передъ семьей или многочисленными товарищами по играмъ,—по преимуществу крестьянскими мальчиками и дѣтьми служащихъ на заводѣ.

Левко охотно отдавался играмъ и забавамъ, всегда проявляя при этомъ свою инициативу и самостоятельность. Выходило какъ-то всегда такъ, что Левко оказывался во главѣ товарищей

и тѣ охотно уступали ему первенство и инициативу во всѣхъ дѣтскихъ предпріятіяхъ и забавахъ.

Дѣтскіе годы жизни Л. Маціевича протекали легко и безоблачно: въ благотворной атмосферѣ здоровой трудовой семьи, подъ горячимъ дыханіемъ южнаго солнца, закалявшаго молодую жизнь, среди хорошихъ неиспорченныхъ товарищей—селянъ, подъ сильнымъ, глубоко залегшимъ въ душѣ вліяніемъ чудесъ фабричной техники. Жизнь дала маленькому Левкѣ все, что нужно было для будущаго.

Интересы техника, инстинкты общественнаго дѣятеля и руководителя въ общемъ дѣлѣ, любовь къ родинѣ и уваженіе къ настойчивой работѣ, вотъ что вынесъ Л. Маціевичъ изъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ и понесъ съ собою въ жизнь и прежде всего въ гимназію.

III.

Гимназическіе годы.

Чтобы подготовиться къ поступленію въ приготовительный классъ гимназіи Л. Маціевичъ долженъ былъ нѣкоторое время заниматься съ репетиторомъ. По счастливой случайности имъ оказался человекъ съ большимъ образованіемъ и педагогъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Фамилія его—Знаменскій. Онъ служилъ акцизнымъ надзирателемъ въ с. Тернахъ на сахарномъ заводѣ кн. Щербатова, но раньше былъ инспекторомъ народныхъ училищъ во Владимірской губерніи. Очевидно, это былъ талантливый человекъ, любящій свое дѣло; поэтому-то ему и пришлось промѣнять дѣло просвѣщенія на службу по акцизу. Къ нему обратился отецъ Маціевича съ просьбой заниматься съ его сыномъ. Начались занятія, о которыхъ у маленькаго Левка сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія.

Знаменскій сумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе своего ученика, не разъ и въ послѣдствіи вспоминавшаго съ глубокой благо-

дарностью уроки, удовлетворявшие юную любознательность и запросы дѣтской мысли ума. Знаменскій умѣлъ направить пытливость мальчика на путь самостоятельной работы и изученія.

Рѣшеніемъ задачъ и вообще ариметикой Маціевичъ занимался наиболѣе охотно. Математическими способностями выдѣлялся онъ и въ третьей Кіевской (Подольской) гимназій, гдѣ пробылъ девять лѣтъ (съ 1886 по 1895 г.). Съ раннихъ лѣтъ Маціевичъ научился не терять непроизводительно времени, работать съ педантической точностью и аккуратностью, что не мѣшало ему быть живымъ и отзывчивымъ мальчикомъ, хорошимъ товарищемъ съ чуткой душой и добрымъ сердцемъ.

У Маціевича никогда не было въ гимназій репетитора—этой язвы современной школы, и потому рано выработалась самостоятельность въ работѣ, сразу же давшая свои благіе результаты,—какъ только Л. М. охладѣлъ къ гимназій и увлекся на дому естествознаніемъ.

Гимназія въ то глухое время, когда въ ней учился Л. М. Маціевичъ, какъ и теперь впрочемъ, не умѣла будить душевные силы учащихся и помогать ихъ исканіямъ. Учителя—чиновники, глубоко равнодушные къ своему дѣлу, скованные циркулярами и запуганные всевозможными предписаніями, стояли далеко отъ молодежи, чужды были ея интересамъ. Оффиціальная учеба сводилась къ установленнымъ порціямъ латыни, черезъ пень въ колоду изучаемой при посредствѣ подстрочниковъ, на переѣнкахъ передъ урокомъ. Плохо поставлены были и другіе предметы. Изъ четырехъ кіевскихъ гимназій—третья была едва ли не худшая. Составъ учениковъ былъ тоже неважный.

Ничего не дала гимназія Маціевичу. Еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ въ кіевскихъ гимназіяхъ существовали негласные кружки самообразования и товарищескія библіотеки. Эпоха отъ второй половины 80-хъ до половины 90-хъ годовъ была временемъ полного застоя въ гимназіяхъ. Туда почти совсѣмъ не проникали ни отдаленные отголоски національных теченій въ кіевскихъ украинскихъ кружкахъ, ни общественныя настроенія въ связи съ

народившимся послѣ знаменитаго голоднаго года общественнымъ подъемомъ, особенно съ середины 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ новаго общественно-экономическаго направленія, такъ называемаго діалектическаго матеріализма.



Л. Маціевичъ въ гимназическіе годы.

Къ гимназій у Л. Маціевича не было никакого интереса. Онъ добросовѣстно, но вполнѣ формально исполнялъ ея требованія, съ каждымъ годомъ роста сознательности стараясь удѣлять этимъ требованіямъ возможно меньше времени. Внѣшней приманкой наградъ, конечно, нельзя было привлечь серьезнаго и вдумчиваго юношу. Л. Маціевичъ получалъ въ младшихъ классахъ первыя награды, затѣмъ онѣ смѣнились похвальными лис-

тами. Окончилъ онъ гимназію безъ всякихъ отличій и награжденій, что однако не помѣшало ему прекрасно выдержать конкурсный экзаменъ въ Харьковскомъ Технологическомъ Институтѣ.

Гимназія не замѣтила и ничѣмъ не отмѣтила своего талантливаго воспитанника, въ свою очередь и воспитанникъ старался не замѣчать гимназіи. Всѣ интересы его были вѣя ея. Точно на зло классической школѣ, Л. Маціевичъ увлекался естествознаніемъ и прикладными науками. Тутъ,—нужно думать,—сказалось отчасти и вліяніе Писарева, сочиненія котораго и въ эту уже отдаленную отъ 60-хъ годовъ эпоху не утеряли своего обаянія для молодежи.

Еще въ младшихъ классахъ Левъ Макаровичъ занимается фотографіей и переплетнымъ мастерствомъ, которое изучилъ очень хорошо. Съ шестого класса онъ увлекается химіей. Покупаетъ книги по химіи, дѣлаетъ опыты, много читаетъ.

По свидѣтельству М. А. Пожидаевой, знавшей Л. М. въ молодые годы, комната, гдѣ онъ жилъ, представляла собою маленькую лабораторію, гдѣ были разставлены всякія колбочки, реторты, различные приборы, сосуды, наполненные жидкостями, и различные матеріалы для опытовъ.

Все это содержалось въ образцовой чистотѣ и строгомъ порядкѣ. И часто за этими опытами Л. М. засиживался до глубокой ночи.

Другимъ источникомъ духовной жизни Л. М. въ годы гимназичества было чтеніе.

Сначала Майнъ-Ридъ и Куперъ, потомъ Жюль Вернъ, умѣющій поражать и увлекать воображеніе своими фантастическими повѣстями, и часто наталкивающій пытливаго читателя на путь научнаго творчества—или,—по крайней мѣрѣ,—научныхъ мечтаній. Потомъ сюда прибавились русскіе классики, постепенно вытѣснивъ фантастику романическихъ приключеній. Вскорѣ рядомъ съ классиками и книгами по естествознанію появились фантастическіе романы съ социальными утопіями. Впрочемъ, социальный элементъ въ этихъ романахъ привлекалъ вниманіе

Маціевича въ меньшей степени, чѣмъ фантастика техническихъ чудесъ и гипотезъ. Даже въ болѣе позднее время Л. М. не переставали интересоваться подобными произведеніями. По свидѣтельству его друзей, еще въ 1908 году Л. М. увлекался утопіей А. Богданова «Красная звѣзда» и самымъ серьезнымъ образомъ входилъ въ обсужденіе технической стороны предположеній Богданова, выясняя конструкцію того аппарата, на которомъ должны были летать марсіане.

Въ общемъ, благодаря самодѣтельности Льва Макаровича и умѣнью работать не по указкѣ казенныхъ педагоговъ, гимназическіе годы принесли Маціевичу довольно солидный багажъ знаній и навыковъ по естествознанію и прикладнымъ наукамъ. Это облегчило Л. М. поступленіе въ Технологическій Институтъ и помогало ему быстро войти въ колею серьезныхъ научныхъ занятій.

IV.

Годы студенчества.

Л. М. Маціевичъ поступилъ въ Харьковскій Технологическій Институтъ на механическое отдѣленіе. Работы предстояло много, но Л. М. не боялся ея и отдался ей всѣми силами души. Первый годъ былъ своего рода медовымъ мѣсяцемъ увлеченія наукой.

Въ институтѣ Л. М. приобрѣлъ серьезныя знанія, дисциплину ума, умѣнье критически обращаться съ научными фактами, способность къ точному анализу и синтезу. Все это пригодилось ему для будущей карьеры военнаго инженера. По отзыву профессоровъ Харьковскаго Института, Маціевичъ былъ серьезный студентъ, прекрасно справлявшійся съ работами, вполне подготовленный и къ самостоятельному научному труду.

Серьезное отношеніе къ обязанностямъ студента давало Маціевичу возможность сохранить равновѣсіе интересовъ, столь обычно теряемое въ студенческіе годы подъ вліяніемъ увлеченія общестуденческими вопросами или «политикой». Конечно, Л. М.

Маціевичъ не отстранялся отъ студенческихъ и общественныхъ интересовъ. Онъ принималъ близкое участіе въ студенческихъ «исторіяхъ»; не разъ являлся представителемъ студенчества передъ администраціей. Всегда спокойный, корректный, вѣжливый онъ умѣлъ импонировать и администраціи, и студенчеству. Воля и логика въ соединеніи съ большимъ природнымъ тактомъ выдвигали его въ первые ряды студенчества и давали перевѣсъ его мнѣніямъ на разныхъ собраніяхъ. Какъ въ дѣтскіе годы, такъ и теперь, какъ-то само собою выходило, что Л. М. становился во главѣ студенчества или однимъ изъ его руководителей.

Такимъ образомъ, Технологическій Институтъ воспиталъ въ Л. М. Маціевичѣ и его общественные инстинкты, что впоследствии принесло большую пользу Маціевичу и какъ специалисту-технику. Не ставши ремесломъ, не превратившись въ манію, не заглушивъ высшихъ научныхъ интересовъ, общественная дѣятельность пробудила въ молодомъ человѣкѣ духъ инициативы, смѣлость сужденій, независимость мнѣній, развила въ немъ тотъ благородный идеализмъ души, который толкаетъ человѣка на жертвы, на подвиги, чуждые всякихъ корыстныхъ расчетовъ.

Разумная общественная дѣятельность расширяетъ горизонтъ, толкаетъ специалиста-техника на смѣлыя дерзанія, на выдумку, на увлеченіе, она разжигаетъ творческое и научное воображеніе и возвышаетъ прикладное знаніе и технику на степень науки, поднимая иногда и самую науку на высоты творческой интуиціи.

Общественное воспитаніе убиваетъ микробъ чиновничества и тупого мертвеннаго формализма, губящихъ всякое начинаніе, всякую жажду новыхъ путей и смѣлыхъ открытій. Общественная дѣятельность создаетъ гражданское и личное безстрастіе, устраняетъ рабье чувство страха отвѣтственности, ставитъ человѣка подъ контроль общественного мнѣнія и совѣсти.

Въ годы студенчества Л. М. выказалъ и мужество души, и стойкость въ убѣжденіяхъ, и большую находчивость, и умѣнье ориентироваться въ залутанныхъ общественныхъ настроеніяхъ,

п силу характера. Онъ былъ и хорошимъ товарищемъ, и добрымъ другомъ. Часто онъ оказывалъ изъ своихъ скудныхъ средствъ помощь нуждающемуся товарищу, помогая и совѣтомъ, и научными указаніями, и нравственнымъ вліяніемъ. Однажды Л. М. почти цѣпильно увезъ товарища Н. на хуторъ и заставилъ



Л. М. Маціевичъ—студентъ Харьковскаго Технологическаго Института.

(Со снимка 1900 г.).

его тамъ готовится къ экзамену, поддерживая его и собственнымъ примѣромъ, и объясненіями. И такимъ путемъ добился того, что товарищъ окончилъ институтъ.

Школа общестуденческихъ дѣлъ поставила Л. М. лицомъ къ лицу и съ вопросами болѣе общаго политическаго и націо-

нального характера, подготовивъ его къ обязанностямъ гражданина.

Путь къ общественности, въ широкомъ смыслѣ слова, шелъ у Л. М. повидимому черезъ націонализмъ, никогда впрочемъ не понимаемый имъ въ узко-шовинистическомъ духѣ. Первоначально Л. М. Маціевичъ былъ совершенно чуждъ національнымъ вопросамъ. Дома языкомъ семьи былъ русскій языкъ, и объ украинствѣ не говорилось. Съ дѣтьми крестьянъ Левко, вѣроятно, говорилъ по-украински. Народное начало входило въ жизнь молодого поколѣнія Маціевичей вполне стихійно. Такъ же стихійно, органически, входилъ и другой элементъ жизни—демократизмъ. И по своему общественному положенію, и по матеріальному достатку, и по роду службы отецъ Льва Макаровича принадлежалъ къ той части служилого дворянства, въ которомъ давно угасли всякія сословныя предубѣжденія. Отсюда — близость и Л. М. Маціевича къ крестьянскимъ дѣтямъ, навсегда сдѣлавшая для него родными интересы села и трудового сельскаго населения; отсюда та естественная симпатія къ крестьянской долѣ, которую дальше могли развивать литературныя вліянія—и русскія, и украинскія. Т. Шевченко, конечно, былъ знакомъ Льву Макаровичу съ дѣтства. Симпатія къ крестьянству нашли себѣ поддержку и въ томъ романтически-этнографическомъ сентиментализмѣ, которымъ, отчасти даже въ наши дни, пропитанъ украинскій театръ. Крестьянскій бытъ на украинской сценѣ всегда былъ идеализованъ, припомаженъ и расфранченъ; впрочемъ уже въ срединѣ 80-хъ годовъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ Кривницкаго («Глитай») и Карпенка-Караго пробивались черты здороваго реализма, бросавшаго болѣе трезвый свѣтъ на крестьянскую жизнь съ ея горемъ, страданіями и социальнымъ разладомъ. Несомнѣнно, что въ бытность въ третьей Кіевской гимназіи Л. М. увлекался украинскимъ театромъ и украинской пѣсней, столь популярной тогда въ Кіевѣ.

То настроеніе, которое толкало въ свое время и южно-русскую, и велико-русскую интеллигенцію въ народъ, и привело

затѣмъ къ усиленному развитію культурно-просвѣтительныхъ начинаній въ формѣ обществъ грамотности, воскресныхъ школъ, изданія дешевыхъ книгъ—нашло особенно благодарную почву на украинской территоріи. Для чисто культурной работы тутъ было много особенныхъ основаній и побужденій. Народъ былъ неграмотенъ, народное просвѣщеніе на родномъ языкѣ было запрещено правительствомъ.

Не только въ школѣ не могло быть и рѣчи о преподаваніи на украинскомъ языкѣ, но немыслимъ былъ и частный починъ. На украинскомъ языкѣ цензурою разрѣшались почти исключительно книги беллетристическаго содержанія, и то отнюдь не переводныя.

Закономъ 1876 года надолго была задушена популярно-научная литература на украинскомъ языкѣ. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ какимъ-то чудомъ прошла черезъ цензуру книжка для первоначальнаго чтенія «Читанка», составленная не официальнымъ кружкомъ «культурниковъ», «христоматія»—такъ назывался этотъ кружокъ. Вторую книжку «Читанки», составленную тѣмъ же кружкомъ, пришлось уже печатать въ Галиціи.

Неудивительно, что вопросамъ первоначальнаго образованія въ срединѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ на Украинѣ, среди интеллигенціи, придавалось исключительное значеніе. Культурная дѣятельность, и главное, просвѣтительная работа—вотъ все, что считалось въ тѣ годы необходимымъ. Политическіе вопросы и, въ широкомъ смыслѣ, политическая дѣятельность въ тѣ годы почти отрицались. Такія настроенія на Украинѣ совпадали въ значительной степени и съ общей реакціей въ русской жизни,—эпохи «трезвенныхъ словъ», «здравыхъ понятій» и «малыхъ дѣлъ». Для немногочисленной украинской интеллигенціи заботы о народной литературѣ получали особый смыслъ: ею боролись и противъ неграмотности, и противъ обрусенія; въ ней видѣли средство поддержать украинскую національность.

Культурная работа въ противоположность «политикѣ» не

была лишь отраженіемъ отчасти реакціоннаго умиротворенія въ духѣ «Недѣли» и Абрамова, она невольно получала легкій оппозиціонный оттѣнокъ. Съ популярной литературой на украинскомъ языкѣ соединялись и націоналистическія настроенія— въ разныхъ степеняхъ и размѣрахъ, въ зависимости отъ характера того или другого кружка и тѣхъ или другихъ литературныхъ вліяній. Въ эти темные годы реакціи, естественно, усиливалась шовинистическая волна, поднявшаяся въ украинскихъ кружкахъ до наибольшей высоты между 1888—1892 годами.

Быть можетъ благодаря именно этому шовинистическому настроенію вліятельной части украинской интеллигенціи, а можетъ быть и случайно, въ годы своего пребыванія въ Кіевѣ Л. М. Маціевичъ стоялъ въ сторонѣ отъ украинскаго національнаго движенія, не вступая въ націоналистическіе кружки. Возможно, что онъ о нихъ и не зналъ, будучи всецѣло поглощенъ интересами знанія и самообразования.

Изъ воспоминаній одного изъ друзей Л. М. инженера-механика К. мы узнаемъ, какимъ путемъ Л. М. отдался дѣятельности въ области чисто украинскихъ интересовъ.

Это случилось уже въ Харьковѣ. Гуляя въ городскомъ скверѣ, К. и одинъ изъ его товарищей встрѣтились съ Маціевичемъ, который пріѣхалъ въ Харьковъ на конкурсные экзамены. Маціевичъ привлекъ къ себѣ вниманіе своимъ милымъ симпатичнымъ лицомъ. Молодые люди познакомились и сошлись. Черезъ нѣкоторое время возникъ среди харьковской студенческой молодежи украинскій кружокъ, усердно вербовавшій членовъ. К. вспомнилъ о Маціевичѣ. Онъ показался ему подходящимъ человекомъ. Ему объяснили въ чемъ дѣло. Украинскій кружокъ, носившій названіе «Студентська Громада», занимался культурной работой—изданіемъ и распространеніемъ украинскихъ книгъ среди студенчества и по деревнямъ. Л. М. вошелъ въ кружокъ и очень скоро оказался дѣятельнымъ его членомъ. Л. М. не только самъ увлекся работой, но умѣлъ привлечь къ ней и другихъ. Л. М. обладалъ не только даромъ воздѣйствія на другихъ,

по и умѣнъ раскрыть способности человека и направить ихъ на общую пользу, дать приложеніе всякимъ силамъ, даже самымъ маленькимъ и слабымъ.

Онъ обладалъ способностью открыть въ другомъ человекѣ тѣ цѣнности, которыя тотъ представляетъ, и использовать ихъ на общее благо. Такъ онъ побудилъ одного товарища, прекрасно владѣвшаго украинскимъ языкомъ, перевести рассказъ Короленка «Йомъ кипуръ» и добился его напечатанія за границей, въ Галиціи.

V.

Общественныя симпатіи Л. М. Маціевича.

Со второй половины 90-хъ годовъ начинается оживленіе въ столичныхъ и университетскихъ центрахъ. Широкое развитіе промышленности, а въ связи съ ней быстрый ростъ рабочаго движенія положили начало энергичному подъему общественности. Передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ раскрывались новые горизонты. Стѣна мрачной реакціи колебалась и впереди свѣтлѣли дали.

Оживились споры объ общинѣ и судьбахъ капитализма въ Россіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Кіевѣ уже была извѣстна книга Бельтова: «Наши разногласія». Поднималась демократическая волна съ новой ея научной идеологіей. Узкій націонализмъ съ его расплывчатымъ содержаніемъ и преобладаніемъ чувства надъ знаніемъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе серьезнымъ и болѣе реальнымъ общественнымъ теченіямъ. Въ сумракѣ «націоналистическихъ» крайностей фанатизма и нетерпимости оставались только наиболѣе отсталые «укаинофильскіе» элементы украинскаго общества. Реакція противъ него во имя новыхъ демократическихъ идей началась на Украинѣ въ 1888—1889-хъ годахъ.

Одинъ изъ первыхъ, кажется, даже первый, такой кружокъ возникъ въ Кіевѣ въ 1888—1890 г., какъ протестъ противъ знаме-

пнті й польско-українофільскій «Угоды» и узкаго націоналізма во імя научно-демократическаго направлення общественной діяльності. Но «націоналізмъ» былъ еще очень силенъ. Ему удалось разгромить «вредный» кружокъ¹.

Но нѣкоторые слабыя вліянія этого кружка тянулись черезъ все первое пятилѣтіе 90-хъ годовъ и впоследствии не прошли безслѣдно для молодого поколѣнія. Съ другой стороны отражались на украинской интеллигенціи событія галицкой жизни, гдѣ подъ вліяніемъ того же М. П. Драгоманова и его учениковъ, И. Франка и М. Павлика, возникла радикальная партія съ довольно опредѣленнымъ демократическимъ настроеніемъ и рѣшительной оппозиціей «угодивству» старыхъ націоналистовъ-обскурантовъ типа Барвинскаго и Конисскаго.

На полъ-пути между старымъ «націоналізмомъ» и новыми политико-экономическими теченіями застряла значительная часть украинской молодежи эпохи 1889—1900 годовъ. Одни тянулись къ націоналізму, другіе къ демократизму. Эти настроенія съ разными степенями колебаній то въ сторону демократизма, то въ сторону національно-политическаго романтизма—захватили и Л. М. Маціевича, и г. К., и другихъ членовъ харьковской студенческой «Громады».

Л. М., какъ натура дѣятельная, энергичная, стремился проводить убѣжденія въ жизнь. Вполнѣ естественно, что и ему пришлось перейти многія стадіи увлеченій романтической политикой. Идея національнаго возрожденія въ смутныхъ рамкахъ нѣсколько неопредѣленнаго и расплывчатаго демократизма находила выходъ въ проповѣди открытой борьбы за національную самостоятельность и независимость. Но и въ этомъ увлеченіи политическимъ романтизмомъ сначала слабѣе, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе звучала освободительная мелодія на общемъ фонѣ болѣе или менѣе искренняго и сознательнаго демократизма.

¹ Часть членовъ этого кружка впоследствии сплилась съ молодыми побѣгами того же направлення въ 1904—1906 г.г.

Постепенно романтика уступаетъ мѣсто трезвому научному направленію мысли. Нерасчленяемое раньше національное «цѣлое» начинаетъ дифференцироваться, опредѣленнѣе намѣчаются въ сознаніи молодежи общественныя и классовыя симпатіи. Выдвигается вопросъ объ отношеніи національнаго элемента къ социальному; принципы общечеловѣческой солидарности согласуются болѣе точно и цѣлесообразно съ задачами работы въ рамкахъ національно угнетеннаго народа. Постепенно вырабатывается болѣе или менѣе законченная система взглядовъ, устанавливающая правильныя отношенія между націоналізмомъ и послѣдовательнымъ демократизмомъ, основанномъ на строго научномъ міросозерцаніи. Историческій романтизмъ и политическій радикализмъ постепенно утрачиваютъ свое вліяніе въ передовыхъ кружкахъ молодежи. И передъ Маціевичемъ раскрываются широкіе горизонты общечеловѣческой правды и справедливости, растетъ демократическое богатство его души. Къ 1901—1902 гг. Л. М. Маціевичъ былъ уже вполне сложившимся человѣкомъ. Но и до послѣднихъ дней своей жизни онъ не переставалъ работать надъ выработкой и обосновкой своего міровоззрѣнія. Душа его непрерывно росла и зрѣла...

Теперь еще преждевременно говорить объ общественной дѣятельности Л. М. Маціевича во всемъ ея объемѣ.

Мы можемъ только подчеркнуть, что Л. М. не зналъ разлада между мыслью, словомъ и дѣломъ. Онъ старался внести въ жизнь то, что онъ считалъ нужнымъ. Такъ между прочимъ онъ вліялъ и на своихъ родителей, братьевъ и сестеръ, убѣдивъ ихъ въ необходимости развитія украинской литературы и языка—въ интересахъ массы и наиболѣе доступнаго и успѣшнаго распространенія среди нихъ благъ культуры и просвѣщенія. И въ трудные годы ученія, экзаменовъ, военной службы и профессиональной работы техника, Л. М. никогда не переставалъ быть гражданиномъ, интересовался общественной жизнью и принималъ въ пей замѣтное и возможное участіе. Такъ онъ былъ членомъ редакціи молодого украинскаго журнала, выходившаго послѣ 1905 года, и много

работалъ для его распространенія и успѣха; одновременно возился и съ другими литературными и общественными начинаніями, принималъ близкое участіе въ дѣятельности безпартійной общественной организаціи петербургскихъ земляковъ—украинскомъ клубѣ «Громада», гдѣ одно время былъ членомъ совѣта старшинъ и его предсѣдателемъ, и гдѣ часто предсѣдательствовалъ на общихъ собраніяхъ съ обычными ему тактомъ и находчивостью. Л. М. никогда не навязывалъ своихъ взглядовъ, но и не отступалъ тамъ, гдѣ возможно было умаленіе его общественнымъ симпатіямъ; а когда его друзьямъ грозила какая-нибудь непріятность, онъ горой стоялъ за свое и своихъ съ той честной прямо-той и корректностью, которыя по справедливости давали ему право на званіе «громадянина-джентльмена».

Гармонія душевныхъ силъ, чувство мѣры въ оцѣнкѣ явленій жизни, спокойная выдержка въ борьбѣ и работѣ, душевная отзывчивость и теплота подъ внѣшней сдержанностью, защищавшей отъ излишняго ампіозонства, столь непріятно отличающаго русскаго человѣка отъ европейца,—все эти черты дѣлали Л. М. Маціевича неотразимо привлекательнымъ и симпатичнымъ человекомъ и въ личныхъ, и общественныхъ отношеніяхъ. Это былъ европеецъ въ лучшемъ значеніи слова, и за границей, во время его специальныхъ туда поѣздокъ, очень быстро оцѣнили эти черты Л. М. и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и признаніемъ.

Немногими сказанными выше строками мы заканчиваемъ теперь далеко не исчерпанныя свѣдѣнія объ общественной дѣятельности Л. М. Маціевича на украинской почвѣ, замѣтимъ еще, что его симпатіи и интересы въ этомъ направленіи не измѣнились и въ послѣднее трехлѣтіе, хотя въ эти годы и выдвинулись въ его дѣятельности на первый планъ чисто технические и служебно профессиональные интересы. Въ Л. М. Маціевичѣ заговорилъ специалистъ-техникъ. Воздушная стихія влекла его своимъ просторомъ. На землѣ было такъ тѣсно и душно... Въ тяжеломъ кошмарѣ переживаемыхъ общественныхъ разочарованій,

въ часы ликованія жестокихъ и мстящихъ, въ эпоху расцвѣта передоновины — такъ мало интереснаго представляли прежніе общественные кружки съ ихъ чуть загнивающей и душной атмосферой.

Бываютъ моменты, когда уйти,—временно воздержаться отъ участія въ полуопустошенномъ гнѣздѣ,—это значитъ сберечь свои силы для болѣе благоприятнаго момента. И Л. М. Маціевича потянуло на путь отважныхъ завоеваній воздушнаго пространства, по крайней мѣрѣ на время,—пока на землѣ все еще громоздились плотины, задерживающія развитіе борьбы за лучшее будущее.

Не случайно вѣдь и такой идеалистъ-общественникъ, какъ Н. А. Морозовъ, увлекся въ наши дни авіаціей и, стремясь къ звѣздамъ, неохотно возвращался въ послѣднее время къ землѣ.

VI.

Годы службы.

Въ 1901 году Л. М. Маціевичъ окончилъ Технологическій Институтъ, потерявъ одинъ годъ вслѣдствіе перерыва вызваннаго студенческими беспорядками. Этотъ вынужденный перерывъ Л. М. использовалъ на Черномъ морѣ: онъ плавалъ тамъ на судахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, работалъ въ Севастопольскомъ порту. Еще въ Технологическомъ Институтѣ Л. М. заинтересовался кораблестроеніемъ. Годъ практики далъ ему матеріалы для составленія проекта коммерческаго парохода; этотъ проектъ былъ представленъ имъ въ Технологическій Институтъ для полученія званія инженера. Профессора одобрили его трудъ, какъ свидѣтельствующій объ «отличной инженерной подготовкѣ» автора.

Желая продолжать работы по интересующей его спеціальности, Л. М. Маціевичъ поступаетъ на службу въ Севастопольскій портъ по вольному найму, а черезъ годъ и три мѣсяца (въ октябрѣ

1902 года) по представлении и защите проекта броненосного крейсера в морском инженерном училище имени Императора Николая I в Кронштадте зачисляется на службу по морскому министерству в корпус корабельных инженеров. Через некоторое время он поступает в Морскую академию. Серьезная подготовка, полученная им в Харьковском Технологическом Институте, дала Мацевичу возможность окончить одним из первых и Морскую академию.

В 1906 году он выходит из академии и с этого времени для него открываются самые широкие перспективы по техническому и строительному делу в Морском ведомстве. Судьба давала ему в руки большое искушение. Назначенный членом технического комитета он мог посвятить себя спокойной и доходной деятельности по «возрождению» нашего флота. Но Мацевичу были чужды практические расчеты и всякие житейские комбинации. Напротив со все больше растущим негодованием видел он, что самое отдаленное касательство к практической стороне судостроения толкнет его на такие конфликты с «сплоченным большинством» в Морском ведомстве, от которых единственным выходом для честного человека являлась только добровольная отставка¹. Эти опасения тяжелых конфликтов тоже толкали Л. М. в область воздухоплавания. Его соблазняла возможность уйти в новый путь, в еще не загрязненную сферу военного и научного творчества, где, пользуясь преимуществами положения пионера, диктовать свои условия и попытаться организовать чистое дело, интересное и в специально-военном смысле и с точки зрения открывающихся тут широких научных перспектив. Увлеченный этими открывающимися ему возможностями, Мацевич ринулся в дело, требовавшее громадного

¹ Еще раньше Мацевичу пришлось выдержать ряд неприятностей на почве расчетов при приеме броненосца «Горный Златоуст». О возникших недоразумениях по новому месту службы Л. М. в связи с постройкой подводных лодок писалось и в газетах («Нов. Вр.»).



Л. М. Мацевичъ. † 24 сентября 1910 г.
(Съ общераспространеннаго снимка).

мужества и риска, самоотверженно отдав ему свои идеи, свое звание, свою благородную и смелую душу и свою жизнь...

О Мацевиче, как техник-теоретик и одновременно практик, необходимо специально говорить и это и будет сделано в особой статье. Нам интересуют другие стороны его деятельности.

Отмѣтимъ его прекрасныя отношенія къ рабочимъ и низшимъ служащимъ технического состава. Для рабочихъ и низшаго технического персонала это былъ старшій товарищъ, требовательный, внимательный, но благожелательный и притомъ и самъ исполнительный и пунктуальный во всемъ, что касалось требованій дѣла. Онъ умѣлъ просто и толково разъяснить всякое сомнѣнiе, исправить ошибку рабочаго, и дѣлалъ это безъ всякаго начальническаго формализма и надутости. Чтобы повысить уровень знаній низшихъ служащихъ Маціевичъ устраивалъ рядъ систематическихъ чтеній и лекцій. Такъ въ январѣ 1905 года онъ читалъ для чертежниковъ Севастопольскаго порта лекціи по теоріи корабля ¹.

Служебная карьера Л. М. Маціевича началась съ іюня 1901 г., когда онъ былъ назначенъ старшимъ чертежникомъ на постройку крейсера 1-го ранга «Очаковъ». Кромѣ расчетовъ по постройкѣ онъ наблюдалъ и за исполненіемъ работы. Въ сентябрѣ 1902 года онъ, по выдержаніи экзамена и защитѣ проекта броненоснаго крейсера, представленнаго въ Кронштадтское инженерное училище Императора Николая I, былъ прикомандированъ къ Севастопольскому порту. Здѣсь послѣдовательно исполнялъ служебныя порученія по строительству и ремонту судовъ. Въ 1903 году 26-го марта послѣдовало назначеніе его членомъ пріемочной комиссіи при севастопольскомъ рейдѣ, 2-го іюня того же года—младшимъ помощникомъ судостроителя Севастопольскаго порта, 14-го іюня исполняющаго должность старшаго помощника судостроителя, а уже 5-го іюля—на мѣсто старшаго помощника строителя броненосца «Іоаннъ Златоустъ», при чемъ имъ были произведены всѣ расчеты по строенію этого броненосца, необходимыя для представленія въ техническій комитетъ. Въ этой должности Маціевичъ часто замѣнялъ отсутствовавшаго по дѣламъ службы строителя. Въ то же время Маціевичъ подгото-

¹ Еще раньше онъ велъ культурную работу среди севастопольскихъ рабочихъ, устраивая для нихъ и съ ними любительскіе украинскіе спектакли.

влялся къ экзаменамъ въ Морскую академію, куда и былъ зачисленъ штатнымъ слушателемъ; по 22-го ноября 1904 года, вслѣдствіе болѣзни, по личной просьбѣ былъ откомандированъ въ Севастополь снова на постройку, съ разрѣшеніемъ управляющаго Морскимъ министерствомъ держать по возвращеніи переходныя экзамены. Въ мартѣ 1905 года онъ блестяще выдерживаетъ эти экзамены, а въ маѣ того же года ему предложено было, согласно отношенію конференціи, отправиться въ заграничную командировку на одинъ мѣсяцъ для ознакомленія съ тамошней постановкой судостроенія. Состоя помощникомъ строителя броненосца «Іоаннъ Златоустъ», Маціевичъ въ то же время исполнялъ и многія другія работы, напримѣръ, по составленію вѣдомости заказа стали кессона, смѣты на первую линію бана и расчета стоимости всего бана, расчета стоимости бановаго загражденія, по составленію трехъ докладныхъ записокъ по техническимъ вопросамъ въ связи съ порученіемъ предсѣдателя комиссіи по испытанію подводныхъ лодокъ. Кромѣ того, онъ выступаетъ съ докладомъ «Объ организаціи строенія новыхъ судовъ въ казенныхъ портахъ», читаетъ уже упомянутыя нами лекціи чертежникамъ. По окончаніи академіи по кораблестроительному отдѣленію по первому разряду, въ октябрѣ 1906 года Маціевичъ оставляется на службѣ въ Петербургѣ для работъ по постройкѣ подводныхъ лодокъ и назначается обязательнымъ слушателемъ курса подводнаго плаванія на учебное судно «Хабаровскъ». Въ іюнѣ 1907 года онъ получаетъ заграничную командировку въ г. Киль для наблюденія за постройкой подводныхъ лодокъ «Карпъ», «Карась» и «Камбала». Въ ноябрѣ того же года получаетъ мѣсто исполняющаго должность старшаго дѣлопроизводителя кораблестроительной чертежной Морского технического комитета, а въ декабрѣ назначается наблюдающимъ за постройкой подводныхъ лодокъ на Балтійскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ съ зачисленіемъ въ списокъ офицеровъ по подводному плаванію. Въ ноябрѣ 1908 года получаетъ назначеніе на должность помощника начальника чертежной кораблестроительнаго отдѣла Морского техни-

ческаго комитета, гдѣ Маціевичу пришлось исполнять отвѣтственную обязанность по разсмотрѣнію представляемыхъ въ комитетъ различныхъ проектовъ судостроенія. Въ февралѣ 1909 года ему поручается чтеніе лекцій по теоріи подводнаго плаванія слушателямъ учебнаго отряда подводнаго плаванія въ порту Императора Александра III, въ мартѣ того же года его назначаютъ членомъ комиссіи по проэктамъ ценованію корабельныхъ гардемариновъ. Всѣ эти порученія сопряжены были съ необходимостью сложной и постоянной практической работы, съ посѣщеніемъ заводовъ и мастерскихъ, наблюденіемъ за работой, постояннымъ руководительствомъ низшихъ техниковъ и рабочихъ. Одновременно, какъ бы между дѣломъ, онъ составляетъ на конкурсы Морского министерства самые разнообразныя и сложные проекты—противуминныхъ загражденій, подводныхъ лодокъ и т. д., проекты, по признанію специалистовъ, высокаго технического качества, удостоенные денежныхъ премій.

Маціевичу приходилось непрерывно чертить, писать, составлять проекты и смѣты, исполнять чисто канцелярскую работу сложной отчетности и въ то же время слѣдить за развитіемъ техники и науки по иностраннымъ пособіямъ и источникамъ.

Какая кипучая, неутомимая дѣятельность! Если принять во вниманіе, что эта служебная и профессиональная работа не мѣшала Маціевичу жить интересами семьи, литературы, искусства, много читать по общимъ вопросамъ, вести общественныя дѣла, то пужно признать не только энергію, но и многогранность души безвременно погибшаго авіатора.

VII.

Увлечение авіаціей и смерть Л. М. Маціевича.

Уже съ 1908 года Маціевичъ усиленно изучаетъ специальную литературу по вопросамъ воздухоплаванія и носитъ съ мыслью о построеніи морского аэроплана, приспособленнаго къ нуждамъ военно-морского дѣла. Въ докладѣ, прочитанномъ 2-го ноября

1909 года въ частномъ военно-морскомъ кружкѣ: «О типѣ морского аэроплана», онъ подробно развиваетъ проектъ такого аэроплана, который могъ бы подниматься на воздухъ съ кормы военного судна и въ случаѣ необходимости двигаться и по водѣ. Этотъ проектъ обратилъ на Л. М. вниманіе специальныхъ круговъ и когда возникъ вопросъ о созданіи воздушнаго флота въ Россіи, Августѣйшій предсѣдатель особаго комитета по усиленію военного флота на добровольныя пожертвованія, Великій князь Александръ Михайловичъ, обратился въ февралѣ 1910 года къ Л. М. Маціевичу съ приглашеніемъ вступить въ составъ членовъ названнаго комитета.

«Находя весьма желательнымъ участіе ваше въ новыхъ трудахъ комитета, я приглашаю васъ въ число его членовъ, полагая, что вы не откажете посвятить ваши досугъ и знанія на нужды родины»,—такъ сказано въ письмѣ Великаго князя.

Затѣмъ, когда въ томъ же комитетѣ возникла мысль о командировкѣ во Францію русскихъ офицеровъ для обученія авіаціи и заказа аэроплановъ лучшаго типа, выборъ палъ и на Л. М. Маціевича, успѣваго уже въ качествѣ члена комитета зарекомендовать себя съ самой лучшей стороны. Съ 15-го марта 1910 года начинается дѣятельность Маціевича во Франціи по изученію авіаціоннаго дѣла, а съ 22-го марта—и по наблюденію за постройкой заказанныхъ комитетомъ аэроплановъ и моторовъ. Въ качествѣ предсѣдателя пріемочной комиссіи онъ разрѣшалъ и вопросъ о законченности обученія полетамъ офицеровъ.

Положеніе было трудное и требовало такта и стойкости, особенно въ сношеніяхъ съ заводами и ихъ представителями, которые слишкомъ привыкли къ «куртажнымъ», къ промессамъ, процентамъ и прочимъ темнымъ пріемамъ международной торговли вообще и въ частности съ заказчиками изъ Россіи. Приходилось слѣдить и за тѣмъ, чтобы не возникло ссоръ и недоразумѣній съ администраціей заводовъ, съ мастерами и рабочими. Въ то же время Маціевичъ видѣлъ, что цѣны на аэропланы были установлены повышенныя и можно смѣло понизить ихъ на

20—25 процентов. Только на 10 приобретенных имъ аэропла-
нахъ была достигнута экономія слишкомъ 30,000 рублей. Можно
себѣ представить, какой шипъ по адресу Маціевича раздавался
со стороны заинтересованныхъ сторонъ...

Работы за границей, какъ и непріятностей, было у Л. М. чрез-
вычайно много. Приходилось заниматься болѣе 18—20 часовъ
ежедневно. Полезная работа осложнялась еще тѣмъ, что Маціе-
вичъ долженъ былъ завѣдывать и обученіемъ уходу за моторами
нижнихъ чиновъ флота, прикомандированныхъ къ офицерамъ,
несъ на своихъ плечахъ всю тяжесть официальной переписки
и отчетности, велъ дѣловую корреспонденцію, заключалъ кон-
тракты, выдавалъ деньги на продовольствіе офицерамъ и ниж-
нимъ чинамъ, наконецъ, и самъ долженъ былъ приобретать опытъ
въ полетахъ и специально изучать аэропланы различныхъ системъ,
осматривать аэродромы, знакомиться съ постановкой авіаціон-
ныхъ школъ во Франціи. Ему пришлось посѣтить семь аэродро-
мовъ Парижа и ознакомиться детально съ устройствомъ аэропла-
новъ и дирижаблей десяти различныхъ системъ и заводовъ.
Много труда и огорченій пришлось Л. М. затратить на борьбу
съ недобросовѣстной постановкой школъ, принявшихъ на себя
обязанности обученія авіаціи русскихъ учениковъ. О постановкѣ
школьного дѣла у французовъ Л. М. Маціевичъ составилъ себѣ
самое нелестное мнѣніе. Люди, прикосновенные къ этому дѣлу,
преслѣдовали исключительно дѣло наживы и вовсе не думали
объ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Отношеніе
обучающихъ къ своимъ ученикамъ было прямо «отвратительное».
Въ особенности плоха была школа Фармана, стоявшая по харак-
теристикѣ Маціевича ниже всякой критики. «Обученіе ведется
крайне небрежно, очереди полетамъ не соблюдается; летитъ тотъ,
кто или настойчивѣе требуетъ или подкупаетъ «профессоровъ».
Благодаря халатному отношенію со стороны администраціи
школы къ ученикамъ они по три, четыре мѣсяца сидятъ безъ дѣла,
пока научатся летать».

Еще болѣе преступно было отношеніе къ своимъ ученикамъ

школы Блеріо, гдѣ сознательно не заботились о безопасности
полета учениковъ. Дѣлалось это исключительно изъ побужденій
мелкаго расчета. Аэропланы для полетовъ давались совершенно
негодные, безъ нужного ремонта, который производился только
послѣ поломки во время полета или паденія, и тогда, конечно,
насчетъ учениковъ. «Организація медицинской помощи ниже

COMMISSION SPORTIVE AÉRONAUTIQUE
~~COMMISSION AÉRIENNE MIXTE~~

PRÉSIDENCE : 35, RUE FRANÇOIS-1^{ER}
SÉCRÉTARIAT : 8, PLACE DE LA CONCORDE. PARIS

LICENCE N° 176
DE PILOTE

Valable jusqu'au 31 Décembre

Nom Matziewitch
Prénoms Léon
Adresse St Petersburg

LE PRÉSIDENT
Le Secrétaire général de la C. S. A.
Etienne



всякой критики». Количество несчастныхъ случаевъ гораздо
значительнѣе, чѣмъ объ этомъ пишутъ въ газетахъ, «которые
почему то не любятъ писать о паденіяхъ, поломкахъ и повре-
жденіяхъ». Кто знаетъ тѣсную связь между французской пе-
чатью и промышленностью, тому это молчаніе, конечно, по-
нятно...

При такихъ тяжелыхъ и прямо опасныхъ условіяхъ приходилось учиться летать и работать. И такъ какъ Л. М. Маціевичъ убѣдился, что инструкторы, торжественно именуемые «профессорами», намѣренно скрываютъ отъ учениковъ многіе приемы полетовъ, то онъ познакомился съ русскимъ летчикомъ Ефимовымъ и пригласилъ его обучать офицеровъ летать при сильномъ вѣтрѣ, подниматься на высоту, дѣлать планирующие спуски, крутые виражи...

Имѣя въ виду всѣ указанные выше недостатки заграничныхъ школъ, Маціевичъ старался предупредить ихъ или обезвредить рядомъ соотвѣствующихъ мѣръ и надлежащими условіями договоровъ. Вполнѣ естественно было требовать отъ инструкторовъ школы, чтобы всѣ поломки до полученія нашими летчиками пилотскаго свидѣтельства производились на счетъ фирмы.

За время пребыванія во Франціи Маціевичъ среди всѣхъ перчисленныхъ выше трудовъ и хлопотъ успѣлъ посѣтить выставку въ Брюсселѣ и съѣздить въ Англію, гдѣ онъ осмотрѣлъ около 20 системъ аэроплановъ. Кромѣ того, Л. М. посѣщалъ лекціи г. Мартисса по вопросамъ воздухоплаванія, спеціальныя научныя собранія, учился управлять автомобилемъ, выдержалъ экзаменъ на званіе шофера, исполнялъ нѣкоторыя порученія Морского министерства по осмотру и ознакомленію съ конструкціей подводныхъ лодокъ системы инженера Liabeuf'a.

Летать Маціевичъ учился сначала на «Antoinette», а потомъ на Фарманѣ. По отзыву всѣхъ учителей онъ былъ рожденъ летать... Осторожный, благоразумный (*très prudent*, какъ говорили французы) сдержанный, всегда внимательный и уравновѣшенный, онъ за все время своихъ полетовъ ни разу не совершилъ ни одной поломки, не сдѣлалъ ни одного такого спуска, который требовалъ бы исправленій машины.

Быстро усвоивъ практику полетовъ, Л. М. въ теченіе одного полета, длившагося, правда, 1 часъ 48 минутъ, успѣлъ обучить искусству управленія аэропланомъ атлета Запкина и съ такой обстоятельностью, что одного этого полета оказалось для г. За-



Л. М. Маціевичъ на бипланѣ Фарманъ въ Мурмелонѣ (Франція).

икина вполне достаточнымъ, чтобы начать самостоятельные полеты.

Утомленный чрезмѣрной работой, но полный радостныхъ надеждъ и плановъ, возвращается Маціевичъ послѣ 5 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ пребыванія за границей въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ авіаціонной недѣлѣ.

Въ Петербургъ онъ возвращается къ 13-го сентября, а ровно черезъ 11 дней звѣзда его, такъ ярко сверкнувшая надъ хмурымъ небомъ сѣверной столицы, закатилась и угасла навсегда...

Уже съ перваго дня авіаціонныхъ состязаній Л. М. Маціевичъ завоевываетъ себѣ симпатіи стотысячной публики красотой и увѣренной правильностью своихъ полетовъ. Л. М. не рискуетъ, не гонится за эффектами, онъ летаетъ спокойно, дѣловито, обдуманно, хладнокровно. Публику онъ захватываетъ смѣлостью своихъ полетовъ при сильномъ вѣтрѣ. «Онъ не боится погоды даже при 7 баллахъ вѣтра». По отзывамъ газеты его «взлеты замѣчательны по своей легкости и правильности; точность спуска поразительна».

Популярность Л. М. растетъ съ каждымъ днемъ. Къ нему невольно тянутся писатели, общественные дѣятели, сановники и министры. Л. М., видимо, ставилъ своей цѣлью заинтересовать авіаціей людей самыхъ разнообразныхъ ранговъ и положеній и тѣмъ укрѣпить симпатіи къ авіаціи въ самыхъ широкихъ кругахъ общества. Онъ везетъ публициста М. О. Меншикова изъ «Новаго Времени» и шлиссельбуржца Н. А. Морозова, предсѣдателя Государственной Думы Н. И. Гучкова и премьеръ-министра П. А. Столыпина. Всѣ хотѣли летать съ Маціевичемъ, всѣмъ онъ внушалъ довѣріе и всѣхъ онъ очаровывалъ своимъ удивительнымъ обаяніемъ большого и талантливаго человѣка.

Журналистъ Н. Кривенко писалъ о немъ на столбцахъ «Новаго Времени»: «Полеты Маціевича красивы. Его аппаратъ— послушный конь въ его рукахъ: вотъ онъ вырывается и почти касается земли, вотъ выпрямляется и возносится къ облакамъ. Трудно сказать, кто летаетъ красивѣе: Ефимовъ или Маціевичъ.



Маціевичъ обучаетъ русскаго атлета Заикина полетамъ въ Мурмелонѣ (Франція).

Для молодого авиатора умѣнье у Маціевича, во всякомъ случаѣ, изумительное». («Новое Время» 15—IX).

Н. А. Морозовъ говоритъ о немъ съ восторгомъ: «Какъ онъ былъ прекрасенъ во время полетовъ. Какое обаяніе интеллигентности, человѣчности и нравственной мощи сказывалось во всей его личности, когда онъ смѣлой и увѣренной рукой правилъ своей машиной». («Рѣчь», 25-го сентября).

«Капитанъ Маціевичъ поражаетъ своимъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ во время полетовъ,—пишетъ другая газета.—Мнѣ пришлось видѣть его при отправленіи въ воздушное плаваніе сейчасъ же послѣ спуска. Ну, право, храбрый капитанъ садится на свой Фарманъ такъ же, какъ мы съ вами садимся на извозчика. А когда слѣзаетъ послѣ получасового полета, то лицо его не мѣняется, и незамѣтно въ немъ никакого волненія,—точно онъ слѣзаетъ съ пролетки послѣ спокойной прогулки». («Росія», 19—IX).

«Его полеты красивы и увѣренны. Вотъ гдѣ истинный художникъ своего дѣла. Вотъ человѣкъ, который и тѣломъ и душой отдался авіаціи» («П. Л.» 20—IX).

«Это уже не новичекъ, а большой, очень большой авиаторъ. Къ нему относятся какъ-то особенно, среди товарищей онъ считается первой величиной». («Новое Время», 21-го сентября).

Въ 8 часовъ вечера 24-го сентября у Л. М. должно было состояться въ Новомъ театрѣ свиданіе съ извѣстнымъ писателемъ Леонидомъ Андреевымъ, который тоже собирался летѣть, но свиданіе не состоялось... За часъ до этого бездыханный трупъ смѣлаго летчика лежалъ уже на аэродромѣ... Погибла прекрасная жизнь, погибла такъ преждевременно, такъ неожиданно, такъ несправедливо-нелѣпо — именно тогда, когда менѣе всего ожидали этой смерти, и менѣе всѣхъ, казалось, грозила она смѣлому, увѣренному въ себѣ, прекрасному летчику, отважному, по мудрому и осторожному побѣдителю свободной стихіи.

Въ послѣдніе дни авіаціи Л. М. затормошили и измучили общимъ вниманіемъ, запросами, просьбами взять летать, излиш-

ними и часто ненужными бесѣдами, служебными дѣлами. Кого только не возилъ на своемъ Фарманѣ Л. М.!.. Тутъ и профессоръ К. Боклевскій, и г. Моносзонъ, и адмиралъ Яковлевъ, и полковникъ Ханенко, и полковникъ Макутицъ, и поручикъ Ниженскій, и десятки другихъ лицъ.



Авіаціонные дни въ Петербургѣ.

А. Маціевичъ, Великій Князь Дмитрій Павловичъ, полковникъ Макутицъ, адъютантъ Великаго Князя (слѣва направо).

Л. М. въ послѣдніе дни чувствовалъ себя переутомленнымъ и больнымъ. Онъ почти не могъ разогнуть спины отъ боли. Вѣроятно сильно простудилъ ее. Онъ жаловался окружающимъ на боль и усталость и передъ самымъ полетомъ просилъ механика Жукова прикрѣпить веревку или проволоку для устройства спинки на аппаратѣ:

«Такая проволока мнѣ немало поможетъ. Я сегодня много летать не хочу. Долечу до 500 метровъ и спущусь обратно; тогда

ужь испробую аппаратъ Соммера, который окончательно сегодня собралъ»—сказалъ онъ окружающимъ и далъ знакъ пустить моторъ.

Аппаратъ плавно поднялся вверхъ.

«Всѣ мы видѣли Л. М. Маціевича надъ скачками и нѣсколько разъ онъ пронесся надъ аэродромомъ,—говоритъ очевидецъ этого полета. А далѣе...—случилось что-то необычное:

«Тихій осенній вечеръ, чистое звѣздное небо, и тамъ, въ безбрежномъ океанѣ человѣкъ. День законченъ; давно уже прогремѣла сигнальная пушка, и только одинъ Маціевичъ плыветъ на своемъ Фарманѣ, дѣлая послѣдній кругъ высоко-высоко въ небесной глубинѣ. Кругомъ все тихо. Всѣ смотрятъ на послѣдній полетъ и ждутъ того момента, когда Фарманъ обогнетъ послѣдніе сараи и съ высоты опустится такъ, какъ умѣлъ и смѣлъ спускаться Маціевичъ.

Но что это? Или это только кажется? Не можетъ быть! Помогите, спасите!

Господи, что же это? Фарманъ накренился внизъ, стремительно вынырнулъ впередъ, накренился и упалъ, какъ камень. Моментъ онъ летѣлъ прямо, потомъ сломался пополамъ, и мелькнула маленькая черная фигурка, которая, опережая аппаратъ, понеслась къ землѣ.

Нѣтъ словъ, могущихъ выразить тотъ ужасъ, что охватилъ всѣхъ насъ. Что дѣлать? Бѣжать, спасти, помочь...—Я помню только, что кругомъ меня визжали отъ ужаса. Секунды десять, а можетъ быть и вѣчность было—паденіе тѣла. Въ какомъ-то оцѣпенѣніи стояли всѣ и внимательно разсматривали, какъ человеческое тѣло, крутясь въ воздухѣ, падало на землю. Помню звукъ паденія тѣла въ полѣ.

Потомъ все завертѣлось, всѣ бросились бѣжать... бѣжали и къ мѣсту катастрофы, и вопъ съ поля. Бѣжали потому, что дальше стоять было невозможно—сердце бы не выдержало и разорвалось.

Поле, трава, кочки,—тамъ вдали виднѣется масса-аппаратъ;

дальше носилки... Съ обнаженными головами двинулась процессія съ прахомъ героя»¹.

Такъ умеръ Л. М. Маціевичъ... Не стало прекрасной жизни, гордости и надежды страны, вѣрнаго друга, чуднаго семьянина, еще недавно узнаваемаго счастье любви и семейной жизни, обаятельнаго человѣка, общественнаго дѣятеля и джентльмена, человѣка новой породы, осуществившаго въ себѣ тѣ прекрасныя возможности, которыя заложены въ русскомъ человѣкѣ и которыхъ такъ долго ждала отъ своихъ сыновъ наша бѣдная удачами страна. Блеснулъ свѣтъ и погасъ. Открылась завѣса на мгновение, чтобы показать затгорающіяся надежды и вновь закрылась.

И въ этомъ глубокой трагизмъ не случайной смерти Л. М.

Точно ею судьба хотѣла сказать, что въ Новой Россіи еще не все благополучно, что она уже выросла до требованія новыхъ людей, но еще сама не вполне готова для того, чтобы лелѣять, беречь ихъ и разумно использовать... Но если и не пришелъ еще часъ для прочныхъ успѣховъ новыхъ людей, то возможность ихъ прихода зажглась въ нашихъ сердцахъ спасительными чаяніями лучшаго будущаго...

К. Н—д—ля.

¹ И. Кр—ко. «Нов. Время» 25/IX).

Памяти Л. М. Мацієвича ¹.

В світі пісень ще багато не складених,
Слів непромовлених, тайн не розгаданих,
Глибоко тайни сидять.

Роки за роками в вічність пирнають,
Борються люде й розгадки шукають,
Тайни їх розум гнітять.

І Лев наш боровся і прагнув дістати
Ключ від загадки, щоб тайну піймати,
І слухного часу ждучи,

Тайни розгадку по світу пустити
І гасло велике життя запалити,
Сонцем засяять в-ночі...

Та не судилось... за кріпким запором
Схована тайна під щільним дозором
Сил невідомих для нас...

І може ще тисячі років пролинуть,
Може ще тисячі лицарів згинуть,
Поки настане той час

Змоги заглянути в вічі закриті
Світу далекого тьмою повиті—
Свята великого час.

¹ Читано на чрезвычайномъ засѣданіи Украинскаго Общественнаго Собранія въ Петербургѣ «Громада», посвященномъ памяти Л. М. Мацієвича.

Вірю я,—люде все ж тайну дістануть
 І наші герої на свято це встануть
 Днів ще майбутніх злотих,
 І будуть купатись борці і герої
 В промінні ясному слави людської
 І буде це плата для них.

А. Сумській.

Мацієвичъ, какъ инженеръ.

Въ странѣ, гдѣ соціально-политическія условія дають мало простора для проявленія творческой инициативы, для развитія оригинальной и самодѣятельной личности, гдѣ самодовольная бездарность и посредственность играютъ руководящую роль въ жизни,—не приходится удивляться, что талантливые, выдающіеся люди сплошь да рядомъ остаются совершенно неизвѣстными широкимъ народнымъ массамъ, а часто даже и, такъ называемымъ, образованнымъ кругамъ общества.

Лишь какая либо, большей частью, роковая случайность ставитъ ихъ въ фокусѣ возбужденнаго общественнаго вниманія, направляетъ на нихъ пытливаю общественную мысль и, такимъ образомъ, спасаетъ ихъ отъ ужаса забвенія, вписывая ихъ имена въ культурную исторію человѣчества.

Такъ случилось и съ Львомъ Макаровичемъ Мацієвичемъ. Скромный, но талантливый труженикъ, успѣвшій уже заявить себя цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ работъ въ различныхъ областяхъ техники, но, несмотря на это, почти невѣдомый не то что русскому обществу, а даже узкому кругу образованныхъ специалистовъ, Мацієвичъ трагическою катастрофою сразу превращается, по выраженію газетъ, въ «народнаго героя». Ему посвящаются сотни статей въ столичной и провинціальной печати. Передъ смѣлою и благородною личностью погибшаго авіатора-гражданина съ печалью и уваженіемъ склоняють свою голову люди различ-

ныхъ социальныхъ положеній, различныхъ идейныхъ направленій. Его неутомимой и плодотворной работѣ, его всестороннему образованію и талантливости воздается должное единодушнымъ общественнымъ мнѣніемъ опечаленнаго отечества. И сѣверная столица съ полнымъ сознаниемъ великой потери устраиваетъ первой жертвѣ русской авіаціи поистинѣ національныя похороны.

Но если періодическая пресса въ свое время сдѣлала много для уясненія личности покойнаго, если она показала обществу, что въ отважномъ летчикѣ скрыто было чуткое сердце, сильная воля и творческій умъ, то все же нельзя сказать, чтобы въ порывѣ энтузіазма и печали была съ возможною полнотою раскрыта общественная цѣнность погибшаго, нельзя сказать, чтобы значеніе Льва Макаровича Маціевича, какъ ученаго инженера, было выяснено, а не только указано, какъ это было въ траурные дни.

А между тѣмъ, какъ бы ни была благородна личность покойнаго, какъ бы ни была трагична его безвременная смерть, общественное значеніе Маціевича, въ дѣйствительности, вѣдь опредѣляется прежде всего и главнымъ образомъ его дѣятельностью въ качествѣ инженера-спеціалиста.

Настоящій краткій очеркъ и имѣетъ своей цѣлью дать обзоръ его дѣятельности, поскольку это можетъ быть выполнено на основаніи доступнаго матеріала.

На поприще своей профессиональной дѣятельности Маціевичъ выступилъ вооруженный двумя незамѣнными качествами—дисциплиной воли и ума и солиднымъ математическимъ и техническимъ образованіемъ.

Унаслѣдовавши отъ отца логичность и пунктуальность мысли, одаренный быстрымъ, яснымъ и смѣлымъ умомъ, онъ при всемъ этомъ отличался любовью къ упорному труду и удивительной работоспособностью, что гарантировало отъ вольныхъ, но безплодныхъ полетовъ нетерпѣливой мысли.

Зародившійся еще въ раннемъ дѣтствѣ интересъ къ чудеснымъ

завоеваніямъ техники превращается у Л. М. Маціевича въ зрѣлые годы въ глубокое и всестороннее изученіе основъ и выводовъ современной технической науки. Онъ оканчиваетъ два высшихъ учебныхъ заведенія—Харьковскій Технологическій Институтъ и Морскую Инженерную Академію, выйдя изъ нихъ отлично подготовленнымъ инженеромъ. Онъ непрерывно и неутомимо учится, какъ бы ни были многочисленны и сложны его служебныя обязанности,—беретъ уроки иностранныхъ языковъ, слушаетъ лекціи по подводному плаванію и по авіаціи, посѣщаетъ технические рефераты и доклады, слѣдитъ за успѣхами технической науки, пополняетъ свое общее и специальное образованіе. Въ результатѣ передъ нами не только обладающій незаурядными способностями инженеръ-изобрѣтатель, но и всесторонне-образованный инженеръ-теоретикъ.

Съ такими данными талантливому человѣку не страшны были различныя препятствія въ его творческой дѣятельности, смѣло можно было приступать къ сложнымъ вопросамъ и проблемамъ современной техники, ждущимъ своего разрѣшенія.

А вопросовъ было у Л. М. такъ много, и такъ беспокоили они его неутомимую натуру!

Въ его творческой головѣ непрерывно роились самые разнообразные идеи и планы. Все видѣнное и прочитанное всегда какъ бы превращалось въ задачи и проекты, надъ осуществленіемъ которыхъ упорно работала сильная мысль. Дисциплинированный, пріученный къ методической и кропотливой работѣ умъ Маціевича предохранялъ отъ скороспѣлыхъ проектовъ, которыми такъ богаты подвижные, но поверхностные умы. Каждую новую идею Л. М. обыкновенно вынашивалъ, долго и старательно изучая вопросъ со всѣхъ сторонъ съ упорствомъ, не останавливающимся ни передъ какими препятствіями. Отсюда происходила и та непоколебимая увѣренность въ истинности своей идеи, та скромная стойкость въ своихъ научныхъ выводахъ, которая такъ поражала каждого, знавшаго Маціевича. Такъ, напримѣръ, когда Морское Министерство ассигновало 15000 руб. для производства опытовъ

на Ижорскомъ заводѣ по испытанію пригодности премированнаго проекта сѣтки Льва Макаровича, ограждающей флотъ отъ непріятельскихъ минъ, и когда заводъ отказался, будто бы по технической невозможности, изготовить трубки, изъ которыхъ должна была состоять сѣтка, Л. М. доказалъ техническую состоятельность своей идеи, и несостоятельность завода, обратившись съ этой цѣлью въ Германію, откуда скоро и былъ доставленъ образецъ трубки, изготовленной по его выкладкамъ.

Весьма характерна была его обычная манера работать при рѣшеніи того или иного вопроса.

Осѣненный какой-либо новою мыслью или новымъ проектомъ, Маціевичъ всегда создавалъ для нихъ прежде всего прочное теоретическое основаніе. Каждымъ новымъ проектомъ онъ пользовался для расширенія и углубленія своихъ познаній въ сферѣ общей теоріи, главнымъ образомъ теоретической механики. Лишь послѣ такой предварительной работы онъ изучалъ данный вопросъ въ его историческомъ и современномъ состояніи¹ знакомился по возможности со всѣми практическими рѣшеніями своей задачи, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ личномъ общеніи съ работниками въ данной области почерпнуть недостающихъ указаній коллективнаго опыта. Такъ, выношенная и оплодотворенная теоріей идея созрѣвала у Л. М. для своей реализаціи въ видѣ того или иного технического изобрѣтенія.

Не менѣе характерными для Маціевича являются и психологическія основы его влеченія къ той или иной технической специальности.

Въ дѣлѣ техническихъ изобрѣтеній Л. М. всегда интересовали новыя отрасли техники. Не новизна сама по себѣ влекла Маціевича, а просторъ для его оригинальной мысли и творческой инициативы, изобиліе новыхъ проблемъ, на которыхъ можно было

¹ Въ результатъ такого изученія у него образовалась обширная, хорошо подобранная библіотека по техническимъ вопросамъ, которая въ настоящее время передана вдовою, А. А. Маціевичъ, С.-Петербургскому Политехническому Институту.



Маціевичъ со своей женой, Александрой Анатоліевной, передъ полетомъ въ Мурмелонъ (Франція).

испробовать свои силы. Вот почему сначала он посвящает свою деятельность вопросам подводного плавания, а затем с еще большим увлечением отдается теоретически и практически новой нарождающейся отрасли техники—воздухоплаванию.

Но, увлекаясь творческим простором новых технических областей, Мацевич всегда отдавал себе ясный отчет в их значении для культурного прогресса человечества, для научного познания вселенной. Занимаясь вопросами подводного плавания, он прекрасно понимал его огромную роль в деле изучения моря, его флоры и фауны, для целого ряда наук—зоологии, ботаники, геологии, географии. Во имя этого можно было мириться с тем, что пока новая техническая отрасль служить почти исключительно военным нуждам. Таково же было его отношение и к воздухоплаванию. Влекомый величием и красотой новой задачи, стоящей перед человечеством, и массой проблем, порожденных воздухоплаванием, Л. М. однако придавал ему огромное значение и для научных исследований, для всестороннего изучения атмосферы, динамики воздуха и т. д.

Посмотрим теперь, что успел сделать Мацевич в течение своей недолгой жизни.

Свою деятельность, в качестве инженера, Л. М. собственно говоря, начал еще на студенческой скамье представлением проекта коммерческого парохода в Харьковский Технологический Институт для получения звания инженер-техполога. Это была не обычная студенческая работа, большей частью небрежно и формально выполняемая студентами для получения диплома. Для Мацевича, строго относящегося ко всякому делу, дипломный проект был серьезным испытанием его знаний и способностей. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что проект коммерческого парохода, к тому же и самостоятельно избранный, в руках одаренного студента превращается в научную работу, свидетельствовавшую, по отзывам профессоров института, об «отличной инженерной подготовке».

К той же категории относится и другая его работа. Прослуживши в Севастопольском порту около года, и ознакомившись

за это время обстоятельно с военным кораблестроением, Мацевич в 1902 году представляет и защищает прекрасный проект броненосного крейсера в Морское Инженерное училище имени Императора Николая I в Кронштадте для получения звания корабельного инженера.

Это пока еще студенческие работы, которые становятся лишь достоянием архивов и библиотек учебных заведений.

Но вот, с зачислением Л. М. в 1902 году в корпус корабельных инженеров, начинается практическая деятельность инженера-конструктора, выдающаяся по своей плодотворности, и по достоинству оцененная высшим специальным учреждением нашего государства.

Впервые в такой роли мы видим Мацевича в 1904 году, когда он представляет на конкурс проект бана в Севастопольском порту, удостоенный по докладу главного командира всех портов Черного моря первой премии в 500 руб. Первый дебют начинающего конструктора был удачен. Но многочисленные служебные обязанности, отнимавшие массу времени, выполнение различных «сверхурочных» работ по составлению технических смет и ведомостей и т. п.—служили серьезной помехой Л. М. развернуть свои творческие способности.

Вот почему лишь со времени поступления в Морскую Академию и, главным образом, с ее окончанием, Мацевич всецело отдается любимой работе проектированию¹⁾ представляя почти на все конкурсы Морского Технического Комитета свои проекты.

На конкурс, объявленный Комитетом 30 ноября 1905 г. Л. М. представляет два проекта противоминных заграждений, удостоенные в 1907 году денежных премий в 300 р. каждый. При этом надо заметить, что на данный конкурс было представлено 12 проектов, премировано же было только 3, и из них два приходилось на долю Мацевича.

¹⁾ Наш перечень проектов, оставшихся после Л. М., не может быть назван исчерпывающим.

На конкурс, оповѣщенный Комитетомъ 1 іюня 1908 г., онъ представилъ проектъ защиты боевыхъ судовъ отъ атакъ само-движущихся минъ подъ девизомъ «Помни войну, лит. А». Изъ десяти представленныхъ на этотъ конкурсъ проектовъ удостоенъ былъ преміи въ 3000 руб. лишь одинъ, принадлежавшій Маціевичу и исполненный имъ въ теченіе лишь одного мѣсяца.

Со времени окончанія Морской Инженерной Академіи главное вниманіе Л. М. сосредоточивается на вопросахъ подводнаго плаванія и на проектированіи наиболѣе совершеннаго типа подводныхъ лодокъ. За очень короткое время онъ развиваетъ въ этой новой отрасли русскаго военнаго кораблестроенія поистинѣ поразительную по своимъ результатамъ дѣятельность.

Вотъ какъ рисуетъ ее завѣдывающій подводнымъ плаваніемъ въ своемъ докладѣ 1909 года главному инспектору миннаго дѣла:

«За время прикомандированія къ Морскому Техническому Комитету корабельнаго инженера капитана Маціевича — писалось въ этомъ докладѣ — имъ были представлены въ Отдѣлъ подводнаго плаванія проекты подводныхъ лодокъ:

- 1) Проектъ подводной лодки въ 25 тоннъ.
- 2) 6 проектовъ подводныхъ лодокъ на конкурсъ 18 іюня 1908 г.
- 3) 1 проектъ подводной лодки на конкурсъ 3 марта 1909 г.
- 4) 6 проектовъ подводной лодки на конкурсъ 11 іюня 1909 г.
- 5) Представленъ приборъ для обмѣра обжатія корпуса подводныхъ лодокъ.

Изъ разсмотрѣнія представленныхъ проектовъ видно, что капитаномъ Маціевичемъ было много положено труда и средствъ на ихъ разработку и составленіе чертежей, а также видно стремленіе его, путемъ послѣдовательной разработки своихъ проектовъ и составленіемъ новыхъ, подойти къ наиболѣе желательному, для осуществленія на дѣлѣ, типу подводной лодки».

Докладчикъ ходатайствовалъ о назначеніи Л. М. Маціевичу за его труды денежнаго вознагражденія, въ видѣ преміи, въ размѣрѣ 1500 р.

Возбужденный вопросъ разсматривался въ соединенномъ собраніи Кораблестроительнаго и Миннаго отдѣловъ Морского Техническаго Комитета, при чемъ по обсужденіи было принято во вниманіе: 1) «что капитаномъ Маціевичемъ въ теченіе весьма короткаго времени составлено 14 проектовъ подводныхъ лодокъ и изготовленъ приборъ для обмѣра обжатія корпуса подводныхъ лодокъ, 2) что такой выдающійся трудъ названнаго инженера въ области подводнаго плаванія не можетъ не заслуживать полнаго вниманія и поощренія, въ особенности если имѣть въ виду весьма ограниченное число нашихъ инженеровъ, работающихъ въ этомъ направленіи, и сдѣланное завѣдующимъ отдѣломъ подводнаго плаванія, капитаномъ 1-го ранга Беклемишевымъ, указаніе на плодотворность трудовъ капитана Маціевича въ дѣлѣ развитія подводнаго судостроенія отечественными средствами, и 3) помимо инженернаго труда, вложеннаго капитаномъ Маціевичемъ въ составленіе и разработку вышеназванныхъ проектовъ, имъ произведены были необходимые при этомъ матеріальные расходы на изготовленіе чертежей, — на основаніи изложеннаго положили:

Признать трудъ корабельнаго инженера капитана Маціевича по составленію 14 проектовъ подводныхъ лодокъ удовлетворяющимъ условіямъ правилъ о назначеніи корабельнымъ инженерамъ премій изъ кредита въ 15000 р. и, на основаніи ст. 2 сихъ правилъ, присудить ему премію въ размѣрѣ 1500 р.».

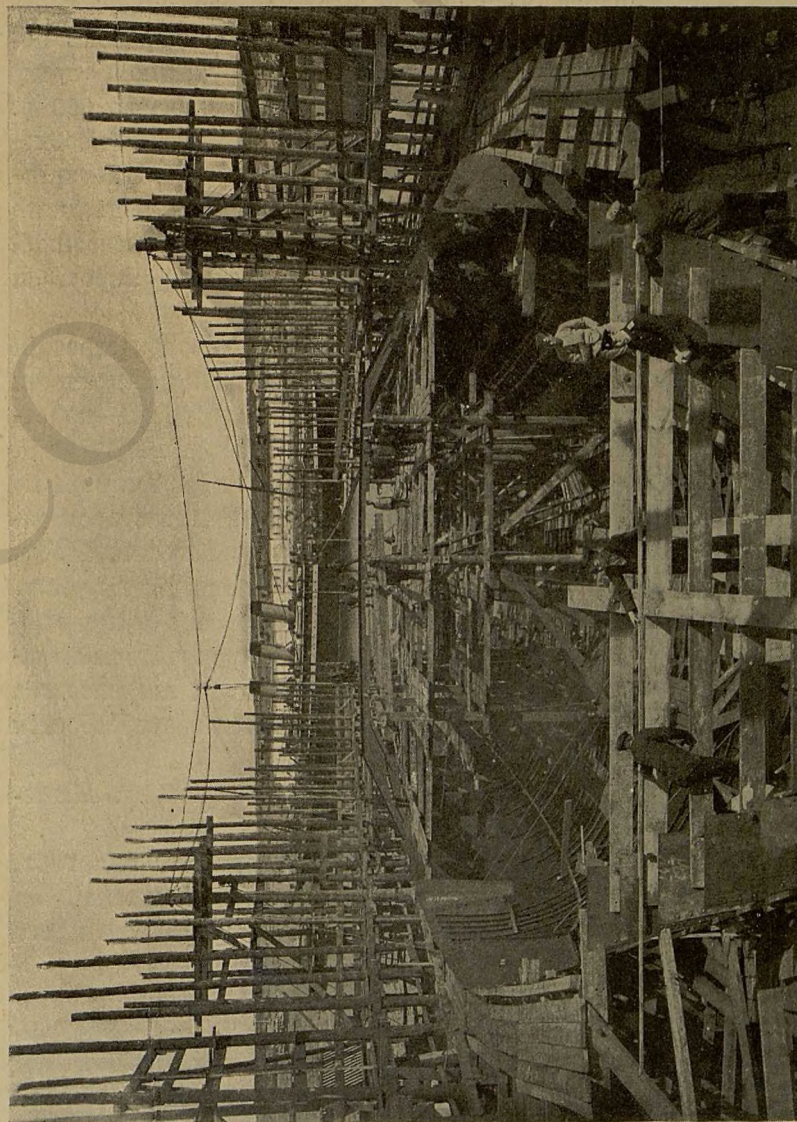
Такая оцѣнка работъ Маціевича въ устахъ русскаго officialнаго учрежденія въ высшей степени знаменательна. Въ странѣ, гдѣ nepотизмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо во всѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ люди дѣлаютъ служебную карьеру не столько личнымъ трудомъ и способностями, сколько съ помощью вліятельныхъ знакомствъ и связей, дѣйствительно надо было обладать выдающимся дарованіемъ, солидными познаніями и удивительной работоспособностью, чтобы обратить на себя столь исключительное вниманіе бюрократическаго учрежденія, чтобы сдѣлаться признаннымъ авторитетомъ въ вопросахъ подводнаго плаванія.

Помимо этих премированных проектов подводных лодок, но в связи с ними, Мацёвичем совместно с корабельным инженером Б. Журавлевым были изобретены ¹⁾ двигатели для работы в замкнутых помещениях, каковыя представляют из себя подводныя лодки. Приводимыя в движение газомоторами, для действия которых обыкновенно дѣлается между прочимъ запасъ жидкаго воздуха, подводныя лодки, собственно говоря, обременяются излишнимъ балластомъ, поскольку для горѣнія необходимъ кислородъ воздуха и не нуженъ азотъ, превосходящій въ семь первый въ 4 раза. Задача, поставленная себѣ изобрѣтателями, заключалась, поэтому, въ проектированіи такого двигателя, при которомъ количество азота оставалась бы неизмѣннымъ, а прибавлялся бы, по мѣрѣ израсходованія, лишь свѣжій кислородъ.

Выше уже нами было замѣчено, что излюбленною своею дѣятельностью, конструированіемъ, Мацёвичу приходилось заниматься лишь въ часы отдыха, во время свободное отъ его прямыхъ служебныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ, можно сказать, непроизводительно поглощало творческія силы даровитаго инженера. Исключеніемъ изъ этого являлось участіе Льва Макаровича въ практическомъ кораблестроеніи, въ постройкѣ судовъ для русскаго флота. И здѣсь также остались видныя слѣды его энергіи и выдающихся способностей.

Сейчасъ же послѣ окончанія Технологическаго Института онъ въ качествѣ старшаго чертежника принимаетъ участіе въ сооруженіи крейсера 1-го ранга «Очаковъ», производитъ всѣ необходимыя для этого расчеты, наблюдаетъ за ходомъ строительныхъ работъ. Въ 1903 году, назначенный старшимъ помощникомъ строителя броненосца «Іоаннъ Златоустъ», онъ производитъ всѣ техническіе расчеты по постройкѣ броненосца для пред-

¹⁾ Въ 1909 году они получили привилегію на свое изобрѣтеніе изъ комитета по техническимъ дѣламъ при Министерствѣ Торговли и Промышленности. Послѣ этого они заключили договоръ съ фирмой «Нобель» о производствѣ опытовъ по испытанію изобрѣтенія, судьба которыхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстна.



Мацёвичъ на строящемся броненосцѣ «Іоаннъ Златоустъ» въ Севастополѣ.

ставленія въ Морской Технической Комитетъ, замѣняетъ неоднократно строителя во время служебныхъ командировокъ послѣдняго. За выдающуюся дѣятельность по сооруженію и спуску «Іоанна Златоуста» въ 1907 году Маціевичъ получаетъ 300 р. денежнаго вознагражденія. Наконецъ, какъ обладающій необходимой спеціальной подготовкой, въ іюнѣ 1907 года Л. М. отправляется, по предписанію начальника учебнаго отряда подводнаго плаванія въ Германію, въ Киль, для наблюденія за постройкой подводныхъ лодокъ для русскаго флота—«Карпъ», «Карась» и «Камбала».

Разумѣется участіе Маціевича въ военномъ кораблестроеніи не ограничивается перечисленнымъ. Нѣтъ никакой возможности учесть результаты его дѣятельности въ этой отрасли—по составленію различныхъ судостроительныхъ смѣтъ и вѣдомостей, по разсмотрѣнію многочисленныхъ техническихъ проектовъ, по контролю и наблюденію за ходомъ тѣхъ или иныхъ судостроительныхъ работъ и т. д. Но зная выдающуюся работоспособность покойнаго, его серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, солидные спеціальныя познанія и творческій умъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, основываясь, между прочимъ и на официальныхъ аттестаціяхъ ¹ Маціевича, что это не поддающееся учету вліяніе Л. М. на развитіе отечественнаго кораблестроенія было весьма и весьма значительно.

Но едва ли не большаго могла ждать наша страна отъ Маціевича въ дѣлѣ воздухоплаванія.

Серьезно заинтересовавшись авіаціей еще въ началѣ 1908 года, Л. М. вполне отдается теоріи и практикѣ воздухоплаванія въ 1910 году. 1910 годъ—годъ исключительной дѣятельности его въ этой области.

¹ Еще въ 1904 году, послѣ двухлѣтней службы въ морскомъ вѣдомствѣ, высшее начальство севастопольскаго порта такъ отзывалось о Маціевичѣ въ официальномъ донесеніи: «Здѣсь при личномъ съ нимъ знакомствѣ и по полученнымъ о немъ рекомендаціямъ составилось мнѣніе, какъ о весьма энергичномъ, знающемъ свое дѣло и дѣятельномъ инженерѣ.»

Отличительная черта ума Маціевича сказывается и въ этомъ увлеченіи новой технической спеціальностью. Едва закончивъ основательное изученіе теоретической стороны вопроса, онъ уже полонъ творческихъ стремленій. Въ немъ снова властно заговорила изобрѣтатель, его голову уже осаждаютъ различные проекты необходимыхъ усовершенствованій существующихъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ, въ немъ зрѣетъ мысль о новомъ типѣ аэроплана, служащаго потребностямъ военно-морского дѣла.

И здѣсь мы видимъ Л. М. въ первыхъ рядахъ.

Не успѣвши закончить только деталей (кажется поплавокъ) морского аэроплана, онъ, какъ лучший военный спеціалистъ, получаетъ командировку за границу, въ качествѣ предсѣдателя авіаціонной коммисіи.

Вся дѣятельность Маціевича за границей была залогомъ того, что въ лицѣ его отечественное воздухоплаваніе будетъ имѣть выдающагося теоретика и практика.

Во Франціи, куда Л. М. былъ командированъ, онъ неустанно продолжаетъ изучать теорію воздухоплаванія, читаетъ литературу, слушаетъ лекціи (проф. Мартисса), посѣщаетъ доклады, знакомится съ постановкой обученія авіаціи въ различныхъ школахъ, самъ обучается и обучаетъ полетамъ желающихъ, знакомится съ состояніемъ воздухоплавательнаго дѣла въ Англіи, Франціи и Бельгіи, основательно изучаетъ конструкцію различныхъ аэроплановъ, наконецъ, въ качествѣ наблюдающаго за сооруженіемъ аэроплановъ и моторовъ, знакомится съ техникой ихъ производства въ различныхъ мастерскихъ и заводахъ Франціи.

За 5½ мѣсяцевъ своей командировки онъ подробно ознакомился со слѣдующими аэродромами Франціи:

- 1) Aérodrôme Beance,—Etampes ¹.
- 2) Aérodrôme Camp de Chalons,—Mourmelon-le-Grand.
- 3) Aérodrôme Camp de Manouvres—Jssy-les-Moulineaux.
- 4) Aérodrôme de Sommer,—Doizy.

На этомъ аэродромѣ обучался Маціевичъ авіаціи. Первоначально же эта школа находилась въ Mourmelon-le-Grand.

- 5) Aérodrôme Реймскій.
- 6) Aérodrôme въ По—школа Блеріо.
- 7) Aérodrôme Buc, près Versailles.

Детально изучилъ устройство:

а) *Биплановъ:*

- 1) H. Farman.
- 2) M. Farman.
- 3) Sommer.
- 4) Gonpy.
- 5) Voisin.

б) *Моноплановъ:*

- 1) Bleriot.
- 2) Antoinette.
- 3) Nienport.
- 4) de Pischhoff
- 5) Tellier.
- 6) Hanriot.
- 7) «Demoiselle» Santos—Dumon'a.
- 8) Keuchlin'a.

в) *Дирижаблей:*

- 1) «Зодиакъ».
- 2) Cleman—Bayard.

Въ это же время Л. М. успѣлъ побывать въ Англіи, гдѣ осмотрѣлъ около 20 аэроплановъ различныхъ конструкций и сѣздить съ этой же цѣлью на выставку въ Брюссель.

«Какъ общее заключеніе,—писалъ онъ въ своемъ докладѣ Отдѣлу Воздушнаго Флота—можно сказать, что въ Англіи нѣтъ аэроплановъ, которые бы могли быть приобрѣтены для Отдѣла Воздушнаго Флота». Тотъ же выводъ сдѣлалъ онъ изъ ознакомленія съ авіаціоннымъ дѣломъ въ Бельгіи.

Не менѣе дѣятельное участіе принимаетъ Маціевичъ и въ наблюденіи за исполненіемъ заказовъ на аэропланы, каковыхъ имъ было заказано 9, со скидкой противъ прежнихъ цѣнъ въ 15% и болѣе: 2—H. Farman, 1—Bleriot type XI, 2—Bleriot type XI la bis, 2—Antoinette, 1—Sommer и 1—Tellier.

Обремененный массой административныхъ обязанностей по заграничной комиссіи¹ и различныхъ порученій Морского Техническаго Комитета, Маціевичъ успѣваетъ самъ обучаться полетамъ на аэропланахъ различныхъ системъ, при чемъ обнаруживаетъ способности незауряднаго пилота. Первый свой самостоятельный полетъ онъ совершаетъ послѣ 45 мин. обученія, проводитъ на аэропланѣ передъ авіаціонными состязаніями въ Петербургѣ всего 12 час. 11 мин. и при этомъ ни одной поломки, ни одного неудачнаго спуска, который требовалъ бы починки аппарата.

Но Л. М. мало привлекала слава пилота, хотя учителя-французы и считали его рожденнымъ летать въ воздухѣ. Его интересовала, главнымъ образомъ, техническая сторона дѣла, удачное рѣшеніе проблемы летанія, ему все время улыбалась перспектива изобрѣтенія новаго воздухоплавательнаго аппарата на основѣ своего богатаго теоретическаго и практическаго опыта.

«Теперь,—говорилъ онъ своимъ товарищамъ за нѣсколько дней до смерти:—я летаю на Фарманѣ, умѣю на Соммерѣ, по приѣздѣ въ Севастополь начну учиться на Блеріо, изучу основательно недостатки существующихъ аэроплановъ, а затѣмъ займусь проектированіемъ новаго аэроплана».

Но уже за границей онъ совершаетъ, такъ сказать, подготовительную работу.

Изучая постановку преподаванія авіаціи во французскихъ школахъ и различныя конструкціи аэроплановъ, Маціевичъ по долгу службы въ своихъ еженедѣльныхъ рапортахъ Отдѣлу Воздушнаго Флота давалъ обстоятельную оцѣнку изученныхъ имъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ. Считая въ послѣднее время лучшимъ изъ существующихъ аэроплановъ монопланъ,

¹ Это обремененіе доходило до того, что въ началѣ пребыванія за границей Л. М. приходилось исполнять лично со своей женою канцелярскія и секретарскія обязанности въ комиссіи. Лишь послѣ неоднократныхъ и настойчивыхъ просьбъ было назначено два секретаря, однимъ изъ которыхъ былъ инженеръ Борисъ Семеновичъ Сотникъ.

Л. М. однако былъ глубоко убѣжденъ, что ни одинъ изъ нихъ не отвѣчаетъ военнымъ задачамъ.

Какъ сообщаетъ секретарь заграничной комиссіи инженеръ Б. С. Сотникъ, общимъ и весьма важнымъ недостаткомъ всѣхъ аэроплановъ, по мнѣнію Маціевича, является низкій коэффициентъ полезнаго дѣйствія вслѣдствіе большого лобового сопротивленія, а также плохая конструкція шасси, всегда вызывающая опасеніе за цѣлость аэроплана при трудныхъ аттерисажахъ.

Поэтому Маціевичъ старался уже въ существующія системы внести тѣ или иныя измѣненія, устраняющія ихъ недостатки. Такъ, въ аппаратъ М. Фармана, по указанію Л. М., былъ вставленъ выключатель къ мотору «Гномъ» для того, чтобы можно было прерывать токъ, не выпуская для этого, какъ прежде, газъ изъ прибора. Къ аппарату А. Фармана, по его инициативѣ, были присоединены дополнительные плоскости къ верхнему плану, что дѣлало аэропланъ болѣе устойчивымъ и увеличивало его грузоподъемность. Въ аппаратѣ Блеріо, по предложенію Л. М., сдѣланъ былъ въ интересахъ удобства входъ для пассажира снизу, какъ это мы видимъ въ двухмѣстномъ Блеріо XI.

Помимо этого, Маціевичъ весьма интересовался усовершенствованіемъ воздушнаго винта въ аэропланахъ, которое давало бы возможность получать большій коэффициентъ полезнаго дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія его интересовала конструкція винта въ изобрѣтенномъ г. Moriot геликоптерѣ.

Но все это было мелкимъ и будничнымъ по сравненію съ тѣми возможностями, которыя открывались передъ жаждущимъ оригинальнаго творчества Маціевичемъ, по пріѣздѣ въ Россію.

По окончаніи авіаціонныхъ празднествъ въ С.-Петербургѣ, Отдѣломъ Воздушнаго Флота предположено было командировать Л. М. въ Севастополь для обученія офицеровъ полетамъ и для завѣдыванія мастерскими. Кромѣ того, ему было ассигновано 15.000 рублей и предоставлено въ его распоряженіе старое военное судно для производства опытовъ по испытанію его проекта морского аэроплана.

Какъ прекрасный знатокъ авіаціоннаго дѣла, обладающій къ тому же хорошимъ инженернымъ образованіемъ и выдающимся организаторскимъ талантомъ, Маціевичъ безспорно былъ бы на высотѣ положенія въ качествѣ руководителя при полетахъ и сыгралъ бы огромную роль въ развитіи отечественнаго воздухоплаванія, подготовивши цѣлый рядъ опытныхъ и образованныхъ пилотовъ.

Еще больше надеждъ связывалось съ работами Л. М. по проектированію аэроплана новой конструкціи, и прежде всего военно-морского аэроплана. Высокій уровень теоретическаго образованія, знакомство съ существующими системами и ихъ недостатками, практическій опытъ пилота, творческій умъ и, наконецъ, совпаденіе служебныхъ обязанностей съ интересующимъ его дѣломъ—все это было прочнымъ залогомъ того, что поставленную себѣ задачу Л. М. разрѣшитъ съ успѣхомъ.

Особенный интересъ представлялъ разработанный имъ проектъ морского аэроплана ¹ (биплана), который долженъ былъ нести военно-развѣдочную службу на морѣ.

Аппаратъ былъ рассчитанъ на двухъ человѣкъ. Для того, чтобы онъ могъ опускаться и на воду, онъ былъ снабженъ особыми поплавками. Аппаратъ постоянно находится на суднѣ. Вслѣдствіе отсутствія на суднѣ простора для разгона при взлетѣ онъ не имѣетъ передняго руля подъема, благодаря чему онъ укорачивается, и, кромѣ этого, для взлетовъ снабженъ простой телѣжкой особой конструкціи, катящейся по съемнымъ рельсамъ на суднѣ, и приводимой въ движеніе прицѣпленнымъ къ ней канатомъ, который наматывается на барабанъ электрической лебедки, укрѣпленной на палубѣ судна. Что касается перенесенія руля подъема назадъ, то, по мнѣнію Маціевича, подкрѣпленному авторите-

¹ Уже годъ прошелъ со дня гибели Л. М. Маціевича, а между тѣмъ и до сихъ поръ Морское вѣдомство, въ которомъ такъ много поработалъ покойный и которому, какъ мы знаемъ, прекрасно извѣстно существованіе разработаннаго проекта морского аэроплана Л. М., ничего не предприняло, хотя бы для испытанія пригодности этого проекта.

томъ многихъ знатоковъ воздухоплавания, и передніе, и задніе рули подъема работаютъ одинаково хорошо съ той только разницей, что передній руль подъема легко можетъ быть сломанъ при спускѣ аэроплана. Для спуска аппарата на судно надъ палубой протягивается веревочная сѣтка. Въ случаѣ необходимости аппаратъ, снабженный поплавками, можетъ опускаться на воду вблизи судна, а затѣмъ съ помощью подъемнаго крана его поднимаютъ на палубу.

На ряду съ практическою дѣятельностью инженера, Маціевича все время влекла къ себѣ и чисто научная работа. Мысль о профессурѣ не покидала его до послѣднихъ дней. Его живая, подвижная натура всегда стремилась вліять на молодые, воспримчивые умы, будя въ нихъ жажду знанія, духъ научной любознательности. И, надо сказать, онъ обладалъ всѣми необходимыми данными для такой дѣятельности—хорошей эрудиціей, творческой мыслью и яснымъ словомъ.

Еще въ 1904 году проф. Носачъ, у котораго Маціевичъ работалъ въ бытность студентомъ Харьковскаго института, предложилъ ему занять мѣсто лаборанта при лабораторіи тепловыхъ двигателей С.-Петербургскаго Политехническаго Института. Съ радостью ухватившись за это предложеніе, Л. М. однако вынужденъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отказаться отъ заманчиваго предложенія въ виду того, что болѣзнь легкихъ требовала пребывания на югѣ Россіи не менѣе года.

Но отъ мысли о профессурѣ Маціевичъ не отказался, отложивъ ея осуществленіе до болѣе удобнаго времени.

Интересуясь при всѣхъ своихъ работахъ и проектахъ, главнымъ образомъ, вопросами прикладной и теоретической механики и не покидая мысли сдѣлаться преподавателемъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института, Левъ Макаровичъ, по окончаніи Морской Академіи, обратился въ 1907 г. въ Институтъ съ ходатайствомъ о назначеніи ему экзамена на званіе адъюкта по прикладной механикѣ; при этомъ главнымъ предметомъ себѣ онъ выбралъ «строительную механику», а дополнительнымъ «теоретическую механику».

Но, къ сожалѣнію ему снова не удалось осуществить свою завѣтную мечту. Многосложныя служебныя обязанности, частыя командировки по Россіи и за границу, участіе въ различныхъ конкурсахъ—все это препятствовало Л. М. осуществить свое стремленіе къ научной карьерѣ.

Позже, специализировавшись на вопросахъ подводнаго плавания, Маціевичъ готовился читать курсъ подводнаго плавания въ С.-Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ, со времени открытія въ немъ дополнительнаго курса военного судостроенія. Въ самое же послѣднее время Институтомъ было предположено пригласить его вести проектированіе «воздухоплавательныхъ аппаратовъ тяжелѣе воздуха».

Но и на этотъ разъ, и уже навсегда, завѣтная мечта, которая, казалось, была такъ близка къ осуществленію, не сбылась: роковое увлеченіе авіаціей оборвало нить его кипучей и многообъщающей жизни.

А между тѣмъ, какъ всѣ его техническія работы, такъ и то небольшое литературное наслѣдство, которое осталось послѣ Маціевича, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Л. М. страна наша утратила энергичнаго и талантливаго дѣятеля на пользу науки, умѣлаго руководителя научными занятіями учащейся молодежи.

Впервые мы видимъ Маціевича въ качествѣ лектора въ январѣ 1905 года въ Севастополѣ, гдѣ онъ, съ разрѣшенія администраціи порта, читаетъ систематическія лекціи по «теоріи корабля» для чертежниковъ и указателей севастопольскаго порта. Аудиторія младшихъ сотрудниковъ Л. М., вообще любившая съ нимъ работать, тепло встрѣтила добровольный трудъ способнаго учителя, по достоинству оцѣнивъ умѣлое и ясное изложеніе самыхъ сложныхъ вопросовъ по теоріи корабля.

Позже, когда, съ развитіемъ подводнаго флота въ Россіи, явилась необходимость создать кадры опытныхъ подводныхъ пловцовъ, Морское вѣдомство неоднократно командировало Л. М., научныя и педагогическія способности котораго оно уже

давно знало, читать курсъ лекцій «по теоріи подводныхъ лодокъ» въ Либаву, въ портъ Императора Александра III. Такихъ командировокъ было двѣ—въ мартѣ 1909 и 1910 гг. Строго научное трактованіе вопроса, при краткомъ и ясномъ языкѣ лекцій, умѣнье будить и направлять пытлиую мысль—все это, по словамъ слушателей курса Маціевича, оставило у нихъ наилучшія воспоминанія о научныхъ занятіяхъ подъ руководствомъ Л. М. Въ 1909 и въ 1910 г.г. въ качествѣ пособія для слушателей былъ изданъ курсъ его лекцій по теоріи подводныхъ лодокъ, который онъ собирался расширить и обработать для своего предполагаемаго курса по подводному плаванію въ С.-Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ.

Помимо лекцій по подводному плаванію, Маціевичъ иногда читалъ доклады на техническія темы, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ прочитанный Л. М. въ частномъ военноморскомъ кружкѣ докладъ «О типѣ морского аэроплана»¹.

Наконецъ, въ журналѣ «Міръ» за 1909 годъ мы имѣемъ попытку Л. М. популяризировать вопросы подводнаго плаванія въ широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества.

Таково то небольшое литературное и научное наслѣдство, которое успѣлъ оставить послѣ себя Л. М.

Краткій обзоръ дѣятельности Льва Макаровича Маціевича, въ качествѣ инженера, законченъ.

Весьма далекій отъ исчерпывающей полноты, онъ все же, надѣмся, ясно говоритъ, что въ лицѣ покойнаго Маціевича погибла выдающаяся техническая сила, творческая звѣзда которой еще только разгоралась, сошелъ въ могилу талантливый и многообѣщающій работникъ на пользу технического прогресса и науки.

М. И. О.

¹ Желательно было бы, чтобы этотъ интересный докладъ появился въ печати.

* * *

Въ лазури голубой заоблачныя страны
Надъ бѣдною землею твой сильный духъ искалъ,
И вверхъ направилъ ты полетъ аэроплана,
И съ гордой высоты ты новой жертвой палъ.
Мы видѣли не разъ въ воздушномъ океанѣ,
Какъ проносился ты съ рукою на рулѣ,
Какъ исчезалъ вдали, въ спустившемся туманѣ,
И чуждъ казался ты оставленной землѣ,
А для тебя вверху—раскрывшейся и странной
Казалась земля въ далекой глубинѣ,—
Искалъ ты для людей страны обѣтованной
Средь вольныхъ облаковъ въ безбрежной вышинѣ,—
И съ этой вышины безстрашный и свободный
Грядущихъ лучшихъ дней ты видѣлъ красоту,
И не забудемъ мы примѣръ твой благородный
И будемъ, какъ и ты, стремиться въ высоту.

Н. Морозовъ¹.

¹ Это стихотвореніе было прочтено авторомъ на могилѣ Льва Макаровича.

«Джентльменъ громадянинъ».

(Воспоминанія о Л. М. Маціевичѣ К. И. Арабаджина) ¹.

«І мене в сім'ї великій,
В сім'ї вільній, новій,
Не забудьте пом'янути
Не злим тихим словом...»

Т. Шевченко.

I.

Не злим тихим словом...

Умершихъ всегда вспоминаемъ мы не—злымъ «тихимъ» словомъ...

У края могилы раскрывается бездна, темный хаосъ небытія мелькаетъ передъ глазами, и передъ его нѣмой загадочностью глубокая скорбь охватываетъ сердце, парализуетъ мелкіе счеты и интересы дня, всякое личное дѣло и ставитъ каждого изъ насъ передъ лицомъ вѣчности съ ея проклятыми и неразрѣшимыми вопросами о смыслѣ жизни.

Былъ и погибъ человекъ.

Росла и расцвѣла прекрасная жизнь и завяла, растоптанная неожиданнымъ несчастьемъ: каждая смерть—неожиданное несчастье, неоправданное зло.

Для чего жить, если умираютъ тѣ, кого мы любимъ?

¹ Прочитана на вечерѣ, устроенномъ въ память Л. М. Маціевича въ украинскомъ обществѣ «Громада» въ С.-Петербургѣ; напечатана въ украинской газетѣ «Рада» 1911. IV.

Зачѣмъ смерть порываетъ золотую нить жизни, а оставшихся жить повергаетъ въ пучину тоски и горя?

И передъ тайной невидимыхъ законовъ міра безсильно склоняется наша бѣдная мысль.

Все движется, все мѣняется свой обликъ и каждая новая перемѣна несетъ новыя жертвы, новую печаль, горе и новыя надежды.

Какъ часто судьба грабитъ насъ безжалостно и незаслуженно, отнимая то, что было у насъ самого лучшаго, дорогого. Вотъ гибнетъ человѣкъ въ расцвѣтѣ силъ и счастья, безъ вины сраженный стрѣлами слѣпой и жадной смерти.

И пѣть границъ нашей печали и такими ничтожными, непужными кажутся наши маленькія дѣла, наша гордость и зависть, жажда богатства, славы, успѣха, свободы.

И смолкаетъ душевная буря, и тихой грустью, добрымъ словомъ, и свѣтлыми мыслями обвѣяны наши воспоминанія о незабвенной и тяжелой утратѣ.

II.

Я узналъ хорошо покойнаго Льва Макаровича въ послѣднія пять лѣтъ его жизни. Зналъ я его и въ дни великихъ надеждъ, порываній къ свободѣ, и въ дни тяжелаго разочарованія и общественного распада; зналъ и въ дѣлѣ,—въ трудныхъ условіяхъ борьбы, въ общей литературной работѣ и въ общественныхъ выступленияхъ, какъ въ нашей «Громадѣ», такъ и въ иныхъ мѣстахъ; видѣлъ его въ такихъ условіяхъ, когда требуется смѣлая честность, когда надо выдержать тяжелыя минуты вражды и нападокъ, когда именно обнаруживаются истинныя достоинства человѣка; зналъ его и въ частныхъ дружескихъ отношеніяхъ, когда проявляются интимныя черты характера,—и полюбилъ отъ всего сердца, научился и уважать, и цѣнить его.

Горе, какъ всякое живое чувство, всегда, имѣетъ склонность къ преувеличенію похвалъ и достоинствъ человѣка. Но съ полнымъ самообладаніемъ, по чистой совѣсти могу сказать, что не

будетъ никакимъ преувеличеніемъ признать въ нашемъ дорогомъ товарищѣ очень крупную моральную и духовную силу, большой талантъ, еще только начинавшій развертываться, и значительныя общественныя заслуги. И смерть его, поистинѣ, великая утрата для бѣднаго силами русскаго и украинскаго общества.

Въ натурѣ Льва Макаровича было что-то не русское, не украинское. Сынъ харьковскаго помѣщика-украинца, онъ производилъ впечатлѣніе европейца и джентльмена.

Корректный, сдержанный въ рѣчахъ и поступкахъ, вѣрный данному слову, аккуратный, всегда на мѣстѣ и всегда во время, дѣловитый, не слишкомъ экспансивный, однако достаточно энергичный, точный и ловкій, всегда хорошо одѣтый и изысканный, онъ прямо выдѣлялся среди друзей и знакомыхъ всѣмъ своимъ поведеніемъ.

Это былъ гражданинъ—джентльменъ.

Онъ не любилъ пріятельскаго амигошонства, но былъ вѣрнымъ и добрымъ товарищемъ для тѣхъ, кого уважалъ и любилъ.

Практичный и всегда осмотрительный—онъ однако не зналъ страха въ дѣлѣ, за которое брался и которое считалъ нужнымъ и важнымъ; никогда не шелъ на компромиссы тамъ, гдѣ надо было смѣло и открыто сказать правду, все равно своимъ или чужимъ. И въ нашей «Громадѣ» и въ болѣе тѣсномъ кружкѣ своихъ пріятелей онъ всегда оставался человѣкомъ принципа, долга и правды.

Его общественныя симпатіи, общественныя выступления никогда не были дѣломъ личнаго самолюбія или какого-либо внезапнаго увлеченія; они всегда были актомъ самосознанія, глубокой убѣжденности, мощной воли, не знающей излишней нервозности, жаждущей активнаго добра и дѣятельности.

Это была честная, гармоничная натура, щедро надѣленная дарами природы. Счастливая натура!..

Здоровый, красивый, привлекательный, стройный и сильный, онъ чудесно сочеталъ въ себѣ гармонію физической и духовной силы.

Онъ умѣлъ работать, и трудъ былъ для него легкой и свѣтлой радостью. Есть такіе счастливые люди. Они напоминаютъ солнечный весенній день, что радостно свѣтитъ и сіяетъ, и грѣетъ міръ, и радуетъ душу прозрачнымъ, голубымъ, чистымъ небомъ.

И лѣтъ вокругъ старыхъ, засохшихъ, увядшихъ травъ—все свѣжо и радостно, все растетъ и живетъ въ трепетѣ новыхъ силъ, наливаясь свѣжими соками жизни.

Такимъ былъ Левъ Макаровичъ.

Онъ не зналъ усталости, потребности въ отдыхѣ. Ему легко давался всякій трудъ, который онъ всегда доводилъ до конца. Во всемъ проглядывала чистота и ясность его здоровой души, во всемъ чувствовались его незаурядныя способности.

Съ товарищеской бесѣды, кончавшейся иногда въ пятомъ часу утра, шелъ онъ на трудныя испытанія въ Морской Академіи или на лекціи, съ лекцій на частную работу или на службу. Въ свободные часы учился; изучалъ языки, писалъ для конкурса свои техническіе проекты и т. д.

Общественное дѣло не было для него второстепеннымъ дѣломъ, и тутъ онъ оставался такимъ-же трудолюбивымъ, честно доводящимъ свой трудъ до конца, работникомъ и дѣятелемъ.

Поручить какое-нибудь дѣло Маціевичу—это значило быть увѣреннымъ, что оно будетъ выполнено особенно хорошо, точно и непременно во время.

III.

Еще не настало время подробнѣе выяснить общественную работу и общественныя симпатіи Льва Макаровича.

Въ его міросозерцаніи замѣтны опредѣленные этапы индивидуальнаго развитія и нормальной эволюціи мысли.

Отъ романтизма ранней молодости онъ переходитъ къ научному пониманію принциповъ демократическаго міровоззрѣнія—отъ тактики волевого начала и иногда можетъ быть несоответствующихъ времени стремленій и порывовъ переходить онъ къ

болѣе тактичному пониманію потребностей жизни и политическаго момента.

Въ нашей «Громадѣ», гдѣ онъ выступалъ за одно и одновременно со мной и своими друзьями, онъ выделялся тѣми-же чертами дѣятельности, какъ и всюду, гдѣ онъ работалъ.

И въ «Громадѣ» онъ оставался вѣрнымъ поборникомъ своихъ идеаловъ. Не навязывая ихъ нашему безпартійному обществу, онъ однако всегда смѣло, открыто и честно охранялъ ихъ тамъ, гдѣ угрожала имъ какая-либо опасность, гдѣ могъ быть нанесенъ вредъ демократическимъ интересамъ. Работать съ нимъ въ Совѣтѣ Старшинъ было пріятно и легко. Всегда вѣрный себѣ и своимъ обязанностямъ, онъ не вносилъ въ дѣло никакого личнаго элемента, никакого политиканства, никакихъ хитрыхъ махинацій и интригъ. Всегда прямой и честный въ рѣчахъ и поступкахъ,—ни своимъ, ни чужимъ не сталъ-бы онъ дѣлать чего-нибудь дурного или не корректнаго. Но противъ интригъ и всякихъ махинацій онъ всегда выступалъ смѣло и открыто, стойко защищая обиженнаго (достаточно припомнить исторію со студентомъ Мазепой). Съ чувствомъ глубокой симпатіи вспоминаю я его во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходилось мнѣ работать наряду съ нимъ, и никогда, ни въ чемъ—особенно въ вопросахъ этическихъ, не расходились наши пути.

Надо замѣтить, что Левъ Макаровичъ былъ превосходнымъ председателемъ собраній. Свѣтлая, ясная голова, энергія, объективность, помогали ему ориентироваться въ дѣлѣ, ясно резюмировать вопросъ, предлагать резолюціи, ставя ихъ въ логическую связь одну съ другой, угадывать, когда можно закончить споръ, не посягая на свободу слова и права каждаго отдѣльнаго оратора.

Присутствіе въ собраніи Льва Макаровича обезпечивало равновѣсіе, безпристрастность каждому члену собранія, охраняло отъ всякихъ неожиданностей и всего того темнаго и некультурнаго, чѣмъ къ несчастью полна наша еще очень некультурная украинская жизнь.

IV.

Въ послѣднее время Левъ Макаровичъ какъ-то отстранился отъ текущихъ общественныхъ дѣлъ и сильно увлекся своими техническими планами и задачами.

Это не было измѣной общественнымъ идеаламъ. Л. М. остался тѣмъ-же, какимъ былъ и раньше; просто въ общественныхъ дѣлахъ наступило затишье.

Погружаться-же въ мелочныя дѣла, имѣющія болѣе личный, чѣмъ общественный характеръ, было и скучно и ненужно.

Льва Макаровича потянуло на широкій просторъ научно-техническихъ завоеваній. Его свободолюбивая мысль стремилась къ небесамъ, къ новымъ побѣдамъ науки на новомъ просторѣ.

И тутъ,—мы можемъ это смѣло сказать,—онъ сразу сталъ въ ряду первыхъ, благодаря тому, что онъ былъ нашъ,—человѣкъ нашего воспитанія, нашего общественнаго и духовнаго склада.

Человѣкъ, воспитанный еще съ молодыхъ лѣтъ въ духѣ общестственности, въ сознаніи необходимости служенія обществу и служенія идеаламъ свободы и правды, имѣетъ свою особую культуру духа и характера:—и болѣе широкій кругозоръ, необходимый и въ технику, и выработанную привычку смѣлой и независимой инициативы, столь важную въ дѣлѣ новыхъ изобрѣтеній. Онъ вноситъ въ дѣло искреннюю жажду знанія, самостоятельность исканія, живую душу, стремленіе къ истинѣ, готовность на жертвы и борьбу.

Вотъ почему Маціевичъ сразу выдѣлился среди своихъ талантливыхъ сослуживцевъ-техниковъ и такъ много далъ и не менѣе того общалъ впереди на новомъ поприщѣ.

Онъ былъ нашъ и нашимъ остался бы навѣкъ. Всею своею дѣятельностью показалъ онъ намъ, что душа талантливаго человѣка жаждетъ простора, горизонтовъ широкихъ и значительныхъ; и если мы хотимъ, чтобъ подобные люди не оставляли насъ, мы сами должны выйти на широкій просторъ и создать на

родной почвѣ великую и свободную арену, на которой не было-бы тѣсно и тяжело работать талантливымъ и энергичнымъ людямъ...

Не настало еще время помянуть Льва Макаровича «в сімій вільній і новій». Когда настанетъ оно, и семья вольная и новая будетъ вспоминать тѣхъ, кто работалъ для ея счастья и будущаго, въ своихъ теплыхъ рѣчахъ не обойдетъ она тихимъ теплымъ словомъ благодарности и нашего дорогого товарища.

Уважать своихъ культурныхъ и общественныхъ дѣятелей—великая обязанность каждой культурной націи.

Еще болѣшій признакъ культуры—уважать, любить и беречь своихъ дѣятелей при ихъ жизни. До этого мы еще не доросли...

Не умѣемъ мы во время спохватиться, поддержать своихъ, облегчая имъ тяжкій путь жизни, оберегая отъ всего опаснаго, труднаго, тяжелаго въ работѣ.

Когда нибудь доживемъ и до этого. Тогда быть можетъ поймемъ и нѣкоторыя наши провинности въ безвременной смерти Л. М.

Пусть-же память о немъ хоть отчасти послужитъ намъ указаніемъ и обѣщаніемъ лучшаго будущаго и лучшихъ товарищескихъ отношеній среди насъ...

Л. М. былъ украинцемъ, но трудъ его былъ нуженъ всей Россіи. Его благородныя демократическія идеи и мечты дѣлали его близкимъ и роднымъ всѣмъ борцамъ за лучшіе дни, за правду и свободу.

И какъ это хорошо вышло, что по двумъ-тремъ намекамъ въ моей статьѣ и Н. А. Морозова молодежь и общество поняли, кто былъ летчикъ Маціевичъ, поняли, что потеряли не только отважнаго авіатора, а нѣчто большее: умеръ дорогой и близкій намъ дѣятель,—и взрывомъ сочувствія, сотнями вѣнковъ откликнулось русское общество на нашу печаль, и прекрасными словами начертанными на одномъ изъ сотни вѣнковъ молодежи, выразило общую мысль, общую душу:

— Спи спокойно, дорогой Левъ Макаровичъ! за тобой идемъ мы... Мы побѣдимъ!

Спи же мирно, дорогой другъ...

Мы понесемъ дальше твою любовь къ людямъ, къ народу, къ свободѣ, къ наукѣ.

И можетъ быть когда-нибудь соберемся въ семьѣ великой, въ семьѣ вольной, новой...

Н. Арабажинъ.

Левко Маціевичъ.

Въ срединѣ января 1902 года ко мнѣ на квартиру пришелъ молоденькій корабельный инженеръ. Совсѣмъ дѣтское и совсѣмъ не военное его лицо меня удивило. Всей своей свободно державшейся фигурой и выраженіемъ голубыхъ блестящихъ энергіей глазъ онъ скорѣе напоминалъ провинціального студента, чѣмъ офицера. Челка свѣтлыхъ льняныхъ волосъ часто спускалась на его широкій, нѣжный лобъ. Во время разговора инженеръ часто поправлялъ ее легкимъ движеніемъ головы и правой руки.

— Левко Маціевичъ, коротко отрекомендовался онъ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? спросилъ я и предложилъ ему сѣсть.

— Та ось бачте, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, началъ онъ по-украински, тут одна пані, я та ще деякі люде хочем улаштувать у Севастополі вечір: роковини Шевченка. Ну так от допозжіть нам...

— Какимъ образомъ?

— Аж ви пишете?

— Пишу.

— Ну так напишіть що небудь своє про Шевченка тай прочитайте.

— Так я не вмію читать...

— Як це так не вмієте? съ досадой сказалъ онъ и поправилъ рукой волосы.

— А так шо писать це одне діло, а читать, та ще з естради це—зовсім друге... Тай шо ж я буду читать? Та чи й дозволе начальство?...

— Вже, вже є дозвіл, горячо перебивъ онъ меня, помолчалъ и добавилъ другимъ, почти умоляющимъ тономъ... Ви ж таки син відомого українського історика, і до вашої сем'ї Шевченко був такий прихильний, і у вас така чудова мова.

Онъ говорилъ правду. Да мнѣ и самому хотѣлось почитать память челоуѣка, «душу свою положившаго за други своя» и огромнѣйшаго поэта. Я задумался и, наконецъ, сказалъ:

— Попробую...

— От і чудово! весело отвѣтилъ Маціевичъ и его глаза заблестѣли совсѣмъ дѣтской радостью.

— Попробую, повторилъ я, а только я бы никогда, напрімѣръ, не сказалъ «чудова мова»...

— А як же-ж?

— Гарна або розбірна. По моему языкъ создаетъ народъ, а не филологи; ихъ дѣло изучать готовое, родившееся, стихійное слово... Шевченко выходець изъ народа и, посмотрите, какой у него прекрасный высокохудожественный языкъ.

Мы легко заспорили на эту тему. Кажется, въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть челоуѣка, такъ нѣжно любящаго свою родину и свой языкъ. Великою грустью затуманился взглядъ Левка Маціевича, когда онъ заговорилъ о томъ, что у нихъ, въ южной части Курской губерніи, въ селахъ уничтожается красивый народный костюмъ, что вырождается нѣжная «дівоча» пѣсня и падаютъ нравы. Мнѣ захотѣлось утѣшить его, и я горячо сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Послушайте, подумайте, развѣ есть такія силы, которыя бы могли сдѣлать такъ, чтобы лѣтнія теплыя украинскія ночи вдругъ стали пасмурными и холодными, что-бы не блестѣли наши звѣзды, чтобы наши стройные тополи, которыми одинаково восхищались и Пушкинъ и Шевченко, и эти тополи вдругъ покривились и облѣзли? Развѣ можно сдѣлать, чтобы украинки перестали

быть чернобровыми и запустили бы чистоту своихъ жилищъ, независимо отъ того, будутъ ли эти жилища крыты желѣзомъ или соломой?.. Развѣ можно изъ исторіи челоуѣчества вычеркнуть запорожцевъ? Развѣ можно изъ художественной литературы выбросить Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка... Развѣ можно убрать изъ музеевъ картины Маковского, Трутовскаго, Рѣпина, Крижицкаго, Пимоненка?.. Развѣ можно представить себѣ Драгомирова неостроумнымъ или Гоголя бездарнымъ? Развѣ можно измѣнить самую натуру украинца, гдѣ бы онъ ни жилъ, какъ бы ни одѣвался и на какомъ бы языкѣ ни говорилъ? Намъ бояться нечего, слишкомъ много у насъ талантливыхъ людей, мы—часть природы, которая вѣчна...

Маціевичъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. На прощаніе я далъ ему оттискъ своей украинской тогда единственной повѣсти «Святой гóродъ», напечатанной въ «Кіевской Старинѣ».

Послѣ его ухода мнѣ пришло въ голову, что и самъ Левко Маціевичъ не будетъ «абияким чоловікомъ», слишкомъ много чувствовалось въ немъ молодой вѣры въ свои силы, слишкомъ ярко свѣтилось желаніе примѣнить эти силы къ чему-нибудь серьезному, большому. Залогомъ того, что я не ошибался, была его скромность, почти застѣнчивость, которую я наблюдалъ во все время нашего дальнѣйшаго знакомства. Онъ часто совсѣмъ подѣвичьи краснѣлъ и, горячо сказавъ что-нибудь искреннее, исходившее изъ самаго сердца, сейчасъ же опускалъ голову. Часто не зная куда дѣвать руки...

Темой для своего предстоящаго слова на вечерѣ я рѣшилъ взять ту черту характера Т. Г. Шевченка, которая навсегда была отмѣчена его біографами, а именно: широкую не шовинистическую любовь къ ближнему. Его дружба къ Ольдриджу, его увлеченіе добротой комендантши Усковой и затѣмъ преклоненіе предъ княжной Репниной и самая настоящая влюбленность въ актрису Піунову и особенно жалость ко всякой обольщенной и брошенной какимъ-нибудь негодяемъ жепщинѣ говорили, что Шевченко умѣлъ цѣнить челоуѣка независимо отъ его національности.

Написать такую статью мнѣ, какъ беллетристу, было не легко и еще болѣе труднымъ казалось прочесть ее публично. Я поработалъ нѣсколько дней и, поставивъ точку, рѣшилъ предварительно прочесть написанное Маціевичу.

Левко не заставилъ себя ждать и скоро пришелъ.

— Ну шо? як? спросилъ онъ, тряхнувъ головой, и на секунду вопросительно поднялъ глаза, но сейчасъ же опустилъ ихъ.

— Статья есть.

— Отъ і чудово...

— А только я боюсь ее читать: не будетъ слышно...

— Як це не буде? А я прочитав ваш «святій городъ»,—чудова річ. Ну як вам не гріх не писать по украинскому?..

— Да какъ же писать, когда знаешь, что читать тебя будутъ двадцать или тридцать человѣкъ: аудиторія мала. И, наконецъ, ни одинъ украинскій журналъ ни копейки не платитъ, а я человѣкъ семейный... И критиковать будутъ съ точки зрѣнія полезности. *Amicus Украина, sed magis amicus veritas est.*

— Нічого. Колись діждемо волі друкування, тоді і читать будуть, і платитъ будутъ.

— Не діждемо. А коли діждемо, так тоді полізуть друкувати по українському свої романи з сільського життя, та оповідання такі «художники», що і ми з вами одвернемось від такого «іскуства» і читать не захочемо.

Послѣ небольшого спора, въ которомъ я оказался пессимистомъ, а Маціевичъ оптимистомъ, я прочелъ ему вслухъ свою не весьма умѣло составленную статью о Шевченкѣ. Но Левко пришелъ въ восторгъ и затѣмъ горячо началъ рассказывать о предстоящемъ вечерѣ. По его словамъ предстояло нѣчто грандіозное. Госпожа Н., сама украинка и родственница покойнаго писателя Гребенки, взяла на себя всѣ расходы. Выписала изъ Харькова талантливаго поэта и бандуриста Гната Галайду—Хоткевича, (товарища Маціевича по Технологическому Институту). Мѣстный художникъ Протопоповъ обѣщалъ поставить апоѳеозъ Шевченка. Хоръ народного дома великолѣпенъ...

Я предложилъ Маціевичу остаться выпить чаю и познакомилъ его съ дѣтьми и съ моею покойной женой. Родомъ кіевлянка, съ типичными украинскими чертами лица, она сильно разочаровала моего милаго гостя, когда сказала, что почти не понимаетъ и не любитъ нашего языка.

Помню, какъ Левъ Макаровичъ покраснѣлъ и несмѣло произнесъ:

— Ну, а по очах і по бровах ви зовсім українка...

Видно было, что съ его точки зрѣнія это самый большой комплиментъ, который можно сказать женщинѣ. Чтобы поддержать его я добавилъ:

— Знаете, не вы одинъ это находите. Даже Антонъ Чеховъ сказалъ ей: «вы настоящая хохлушка»...

— Ну ось бачите! радостно отозвался Маціевичъ.

Затѣмъ Левъ Макаровичъ началъ настаивать на томъ, чтобы я непременно познакомился съ г-жей Н. ея дочерьми и мужемъ, игравшими тогда въ его жизни очень большую роль.

Я не отказался, и въ одинъ изъ ближайшихъ дней мы съ нимъ пошли къ этимъ страннымъ людямъ. Богатый домъ внутри былъ обставленъ безалаберно. Ничѣмъ украинскимъ здѣсь и не пахло. Отецъ семейства была нѣмецъ; онъ и двѣ миловидныхъ его падчерицы оказались рабами властной и какъ будто истерической мамы.

Послѣ краткаго разговора, въ которомъ г-жа Н. успѣла смѣшпать съ грязью всѣхъ севастопольскихъ жителей, для меня стало ясно, что самая идея вечера интересуется эту госпожу гораздо меньше, чѣмъ роль дамы патронессы. Двигателемъ ея дѣйствій было только непомѣрное, но очень мелкое честолюбіе. Душою же и фактическимъ устроителемъ литературно-художественнаго отдѣла былъ Левко и только онъ.

Съ голубиною кротостью и молча выслушивалъ Левъ Макаровичъ филиппики г-жи Н. Его дѣтскіе глаза безъ словъ молили:

— Брани, кого хочешь и какъ хочешь, только не откажись...

Съ радостью вырвался я изъ этого дома на свѣжій воздухъ и,

шагая по тротуару, съ грустью думалъ: «не дай Богъ, да Левъ Макаровичъ сдѣлается родственникомъ этой госпожи, съѣсть она его»...

Главнымъ качествомъ г-жи Н. было то, что она не терпѣла никакихъ, даже самыхъ основательныхъ, возраженій. Тѣмъ не менѣе я былъ увѣренъ, что какъ только она вздумаетъ ударить Льва Макаровича по его завѣтнымъ струнамъ любви къ Украинѣ и начнетъ грубо прикасаться къ его чисто юношескому увлеченію одной изъ ея дочерей, онъ не выдержитъ, плюнетъ на все и сбѣжитъ.

Такъ оно вполнѣдствіи и случилось.

Тѣмъ не менѣе хлопоты и труды Маціевича не пропали даромъ. Вечеръ состоялся. И радовалась, вѣроятно, душа Тараса Григорьевича въ эти дѣйствительно красивые часы.

Привожу съ точностью описаніе этихъ «роковинъ», перепечатанное въ «Кіевской Старинѣ».

«Чествованіе памяти Шевченка въ Севастополѣ».

Четвертаго февраля въ Севастопольскомъ городскомъ собраніи состоялся литературный вечеръ, посвященный памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Въ началѣ, мѣстнымъ актеромъ Е. А. Тыртовымъ былъ прочитанъ очеркъ г-жи Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича Шевченко», помѣщенный въ февральской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» за прошлый годъ. Поставленная затѣмъ художникомъ Протопоповымъ живая картина на слова поэта «Садокъ вишневий коло хати» сразу перенесла слушателей въ ту природу и къ тѣмъ людямъ, которые были такъ дороги Шевченку. Но вотъ занавѣсъ опустился и на авансцену вышелъ бандуристъ Игнатъ Галайда. Залъ затихъ. Раздались звенящіе, мелодичные звуки, нѣсколько напоминающіе арфу. Звуки эти, переплетаясь, росли и обратились въ грустную, задумчивую мелодію, въ которую незамѣтно вступилъ мягкій баритонъ молодого композитора. Печальный звукъ струнъ мало-по-малу перешелъ въ шумные и грозные, какъ перебаты прибоа волнъ,

аккорды, а вмѣстѣ съ нимъ выросъ и голосъ пѣвца... Имъ былъ исполненъ цѣлый рядъ думъ и народныхъ пѣсень.

Затѣмъ хоръ любителей изъ севастопольскаго народнаго театра, численностью около 35 человѣкъ, исполнилъ довольно трудную и эффектную музыкальную вещь г. Нищипскаго «Закувала та сива зозуля». Послѣ небольшого антракта г. Лазаревскій прочелъ составленный имъ очеркъ, характеризующій Т. Г. Шевченка, какъ человѣка, преисполненнаго любви къ ближнему.

Пріѣхавшая изъ Харькова вмѣстѣ съ г. Галайдой г-жа Хоткевичъ исполнила на рояли «Вторую Украинскую рапсодію» М. В. Лысенка, блеснувъ техникой и особой, свойственной малорусскимъ пьесамъ, задушевностью исполненія. Кромѣ того исполнены были извѣстныя пьесы: «Гетьмани, гетьмани, якби то ви встали» и «Садокъ вишневий коло хати». Закончился вечеръ апофеозомъ Т. Г. Шевченка:

На сценѣ украинскій пейзажъ. Бѣленькія хатки, тополи, нѣсколько мельницъ, мимо которыхъ тянется змѣйкой поселокъ. Все это залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Ближе къ зрителямъ стоитъ на возвышеніи въ шубѣ и шапкѣ глубоко задумавшійся поэтъ, а вокругъ него красивой группой расположились герои его поэмъ: Гайдамаки, сельскіе паробки, дивчата, въ характерныхъ, украшенныхъ цвѣтами, головныхъ уборахъ, слѣпой кобзарь съ мальчикомъ поводыремъ, Катерина съ ребенкомъ на рукахъ, всѣ тѣ люди, о которыхъ болѣла чуткая душа Шевченка.

А хоръ тихо поетъ:

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого
На Вкраїні милій...

Сборъ съ вечера поступилъ въ пользу слушательницъ вышнихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ («Ялтинскій Курьеръ», № 43).

Какъ и всегда бываетъ, въ такихъ случаяхъ въ отчетѣ забыли упомянуть имя Л. М. Маціевича, человѣка, создавшаго весь

этотъ вечеръ. Послѣ апофеоза Левко ходилъ радостный, съ горящими щеками. Рискавъ быть сильно наказаннымъ, онъ, носившій офицерскую форму, переодѣлся въ синія шаровары, засунутыя въ сапоги и великолѣпно расшитую украинскую сорочку съ яркой стежкой. Было много дамъ и барышень въ національных костюмахъ, въ числѣ ихъ и дочери г-жи Н. Начались танцы. Задорные звуки «гопака» сразу оживили залъ. Я видѣлъ Льва Макаровича, танцующимъ въ присядку. Потряхивая своимъ «русымъ чубомъ», сверкая глазами, онъ выдѣлывалъ трудныя расы, часто имъ самимъ подъ музыку здѣсь же созданныя, и въ тотъ вечеръ не было кавалера неутомимѣе. Молодость играла въ каждомъ его движеніи. И даже не вѣрилось, чтобы такой скромный, почти застѣнчивый, часто не знающій куда дѣвать свои руки, молодой человѣкъ вдругъ могъ бы такъ разойтись, но «тихія воды глубоки».

Матеріальный успѣхъ украинскаго вечера, устроеннаго Львомъ Макаровичемъ оказался также очень солиднымъ, по крайней мѣрѣ для Севастополя и, вѣроятно, не одна и не двѣ курсистки-бестужевки порадовались, узнавъ, что плата за нихъ внесена. Дальнѣйшія встрѣчи съ Л. М. убѣдили меня, что та энергія, которая такъ ярко обнаружилась на Шевченковскомъ вечерѣ, жила въ немъ всегда и тратилась на изученіе кораблестроительнаго дѣла.

— Якъ ся маєте? спрашивалъ онъ всегда, встрѣчаясь и пожимая руку.

— Спасибо, ничего себѣ. А вы какъ?

— Занімаюсь, скоріше в академію хочу.

И почти всегда былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Очень рѣдко заходилъ онъ иногда ко мнѣ вечеромъ, выпить чаю и поспорить. Сказавъ какую-нибудь свою мысль, Л. М. надолго умолкалъ и, казалось мнѣ, что глядя своими умными глазами на семейную обстановку, онъ въ это время также мечтаетъ о личномъ счастьѣ, котораго ему не могли дать ни служба въ порту, ни прогулки по Севастопольскому бульвару, ни домъ г-жи Н., гдѣ онъ былъ

репетиторомъ. Но думалось, что Маціевичъ никогда не могъ бы помириться на среднемъ буржуазномъ благополучіи. Въ 1904 году началась война съ Японіей и меня неожиданно услали на востокъ.

Я встрѣтилъ Л. М. снова только осенью 1907 года въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ. Послѣдовалъ его обычный вопросъ:

— Якъ ся маєте?..

А я уже не могъ отвѣтить, какъ прежде и «спасибо ничего себѣ». Въ моей семьѣ тогда стряслось первое большое горе и мнѣ было не до разговоровъ, хотя я успѣлъ спросить Л. М., гдѣ г-жа Н. и ея дочери.

Онъ весело улыбнулся, тряхнулъ головой и отвѣтилъ что то въ родѣ:

— Не знаю и знать не хочу...

Мы снова на долго разстались.

Въ 1909 году въ Петербургѣ обычный Шевченковскій вечеръ въ дворянскомъ собраніи былъ особенно эффектенъ: участвовали лучшіе пѣвцы и пѣвицы Императорской оперы и, если не ошибаюсь, послѣдній разъ выступалъ М. Л. Кропивницкій. Публики собралось очень много. Во время антрактовъ толпа медленно двигалась взадъ и впередъ по обширному фойе. Въ буфетѣ трудно было достать стаканъ чая. Я берегъ свое мѣсто возлѣ одного изъ столовъ, рядомъ съ незнакомыми людьми. Когда они встали, неожиданно подошелъ Маціевичъ съ молоденькой дамой, поздоровался со мной и поспѣшилъ занять освободившуюся вакансію.

— Якъ ся маєте?

— Да так...

— А я оженился...

Онъ познакомилъ меня съ женой.

Все лицо Л. М. Маціевича было счастливо. Только что онъ слышалъ съ эстрады свой любимый дуэтъ изъ «Запорожца за Дунаємъ».

«Чорной хмарою діброва»...

Кругомъ родная рѣчь, любимая жена, а въ дальнѣйшей жизни широкая карьера инженера изобрѣтателя, путешествія за границу... Это была лучшая пора жизни талантливаго украинца-энтузіаста.

Мнѣ хотѣлось знать, не отвлекли-ли Маціевича блестящая карьера авіатора, частыя путешествія и семейное счастье отъ его любви къ родинѣ и родному языку?

И теперь, почти черезъ годъ послѣ катастрофы, я спросилъ его супругу, сколько изъ писемъ къ ней Льва Макаровича написаны по-украински?

— Всѣ, коротко отвѣтила она.

Мнѣ больше не пришлось увидѣть его живымъ. Я только читалъ объ успѣхахъ Л. М. въ дѣлѣ авіаціи.

Сентябрь 1910 года, особенно его конецъ, былъ самымъ страшнымъ мѣсяцемъ въ моей жизни. Всѣми оставленный, сидѣлъ я въ своемъ деревенскомъ домицѣ надъ борющимся съ дифтеритомъ единственнымъ сыномъ. Его дѣтскіе, глубокие, материнскіе глаза, какъ будто спрашивали, за что такія страданія? И я ничего не могъ имъ отвѣтить. Одно время прививки дифтеритной сыворотки какъ будто помогли и казалось, что Севочка выздоровѣетъ.

Единственнымъ его удовольствіемъ были мои рассказы объ авіаціи, которой онъ всегда страшно интересовался: зналъ разницу между Блеріо и Фарманомъ и часто возился съ своимъ собственнымъ, игрушечнымъ аэропланомъ. Прочитавъ въ газетѣ о томъ, что Л. М. поднимался съ П. А. Столыпинымъ, я подробно рассказалъ сыну объ этомъ, досталъ Н «Нивы» и показалъ портретъ Л. М., затѣмъ рассказалъ, какъ Л. М. любитъ Украину и какъ бы понравился ему, навѣрное, нашъ хуторъ.

На нѣсколько минутъ бѣдный мальчикъ какъ будто оживился.

Двадцать шестого сентября изъ города привезли газеты. Съ ужасомъ прочелъ я, что Маціевича больше нѣтъ, вошелъ въ комнату сына и сказалъ ему объ этомъ...

— Уже... едва слышно прошепталъ больной.

Черезъ четыре дня не стало и маленькаго поклонника авіаціи. Двѣ чистыя дѣтскія души навсегда отлетѣли къ небу.

Я пишу это совершенно сознательно, ибо каждый, знавшій Льва Макаровича, согласится, что во всей его натурѣ было много дѣтскаго, начиная съ наивной вѣры въ людей и въ успѣхи ихъ науки и общаго прогресса. И въ этомъ главная красота и прелесть его души.

Борисъ Лазаревскій.

7 іюня 1911 года
с. Гировка.

* * *

Онъ мертвымъ палъ... Потеря велика...
Надъ свѣжею могилой смѣльчака,
Искавшаго намъ новые пути,—
Мы говоримъ послѣднее «прости»!
Онъ быстрой птицей неся въ облака,
Стихи не страшилъ его протестъ,—
Отваги полнъ... Но дрогнула рука:
Стрѣлою внизъ упалъ онъ свысока...
Душа его на небо отлетѣла...
Упало гдѣ безжизненное тѣло,
Тамъ маленькій, едва замѣтный крестъ...
Въ гробу дубовомъ мирно спитъ герой,
Спокойнымъ спитъ онъ непробуднымъ сномъ,
Дубовый гробъ лежитъ въ землѣ сырой...
Надъ свѣжею могилой, надъ холмомъ,
Людей всѣхъ возрастовъ, чиновъ и положеній
Соплась теперь огромная толпа...
Сюда, къ нему,—не можетъ быть сомнѣній,—
Не зарастетъ народная тропа...
Онъ будетъ жить несчетные вѣка!
Земля, да будь ты славному легка!

В. Трофимовъ¹.

¹ Это стихотвореніе прочтено авторомъ на могилѣ Льва Макаровича.

Гибель и похороны Л. М. Маціевича.

«И плакало Небо горькими слезами и просило прощенья у человека».

(Изъ газетъ).

I.

То настроеніе, тотъ ужасъ, какой пережила многотысячная толпа при паденіи 24 сентября сего года авіатора Льва Макарьевича Маціевича съ высоты 500 метровъ, передать сейчасъ словами нѣтъ возможности. Такіе моменты не передаются. Они только чувствуются нервами, сердцемъ. Чувствуются еще потомъ долго, болѣзненно, но передать ихъ въ точности нельзя... И потому то, что я передамъ, будетъ, можетъ быть, только слабымъ рефлекторнымъ отблескомъ дѣйствительнаго.

Въ первый моментъ, когда аэропланъ кувыркнулся носомъ внизъ и отъ него отдѣлилась человѣческая фигура, толпа невольно болѣзненно вскрикнула, какъ одинъ человѣкъ, ахнула и замерла, съ ужасомъ слѣдя, какъ авіаторъ, перевернувшись въ воздухѣ нѣсколько разъ, съ быстротой ядра, пущеннаго изъ пушки, падалъ внизъ.

Ужасъ случившагося, сознаніе развязки и того, что помочь падающему нѣтъ силъ, нѣтъ возможности, тяжелымъ камнемъ придавило всѣхъ на мгновеніе и сковало волю... Но еще моментъ и толпа вздрогнула и побѣжала, гонимая ужасомъ и инстинктомъ,

къ тому мѣсту, гдѣ упалъ авіаторъ. И то, что она, эта толпа, увидѣла, прибѣжавъ на мѣсто катастрофы, вызвало новый крикъ ужаса и горя... Авіаторъ былъ мертвъ... Онъ лежалъ ничкомъ, зарывшись головой въ землю.

Тотъ, кто еще такъ недавно поражалъ тысячи душъ своей отвагой, удивлялъ смѣлостью и красотой полетовъ, кто заставлялъ восторгомъ биться тысячи сердецъ, тотъ теперь лежалъ на землѣ бездыханнымъ трупомъ... Это было слишкомъ ужасно, слишкомъ бессмысленно и несправедливо... И толпа, подавленная этой несправедливостью, убитая горемъ, плакала безмолвно надъ теплымъ трупомъ погибшаго авіатора, боясь шелохнуться, боясь нарушить страшное торжественное молчаніе смерти.

А жена? О, нѣтъ! жена не плакала... Она не могла плакать... Она тутъ же упала безъ чувствъ...

Но вотъ явился докторъ... распорядители... взяли... понесли... Толпа, рыдая, двинулась за печальной процессіей къ каретѣ скорой помощи. Уложили и увезли... Аэродромъ понемногу началъ пустѣть. На землю спускался сумракъ тихаго сентябрьскаго вечера, а въ сердцахъ тысячъ людей стучалась темная, печальная, непроглядная ночь...

Отважнаго, смѣлаго и талантливаго авіатора не стало...

II.

Роковая вѣсть о гибели Льва Макарьевича Маціевича съ быстротой молніи разнеслась по городу и уже къ вечеру знали почти всѣ о его трагической кончинѣ.

Утромъ 25 сентября всѣ газеты были переполнены статьями о роковомъ полетѣ Льва Макарьевича и тѣхъ причинахъ, которыя могли вызвать такую трагическую развязку. Нѣкоторыя распространеныя газеты въ первый же день посвятили памяти погибшаго прочувствованнымъ статьямъ, съ выясненіемъ заслугъ покойнаго, какъ авіатора, инженера, общественнаго дѣятеля и чело-

вѣка. Это сразу же дало опредѣленный обликъ погибшему и создало въ массахъ соответствующее настроеніе. Массы почувствовали, что они потеряли въ лицѣ покойнаго не только авіатора и инженера, а что вмѣстѣ съ нимъ со свѣта ушелъ еще одинъ стойкій и честный общественный дѣятель, ушелъ практикъ-бо-



Мѣсто паденія Л. М. Маціевича на Комендантскомъ полѣ.

На этомъ мѣстѣ нынѣ сооружена плита.

рецъ за идеалы лучшаго будущаго, ушелъ чудный человѣкъ, какихъ въ жизни такъ мало... И это объединяло всѣхъ около дорогаго имени, около своего роднаго человѣка. Имя Маціевича въ этотъ день было у всѣхъ на устахъ.

Въ часъ дня на панихидѣ, въ Казанскомъ соборѣ, кромѣ семьи покойнаго, друзей и представителей отъ разныхъ казен-

ныхъ вѣдомствъ, была масса молящихся студентовъ, курсистокъ, учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и народныхъ школъ и просто народа, безъ отличительныхъ признаковъ соціального положенія. Пришли почтить память погибшаго всѣ тѣ, кто видѣлъ въ покойномъ олицетвореніе чего-то бодраго, смѣлаго, красиваго, родного... Пришли помолиться за него и поплакать вмѣстѣ съ близкими ему людьми...

Послѣ панихиды молящіеся долго не расходились съ казанской площади, всѣ чего-то ждали, разбившись на группы и обсуждая происшедшее на всѣ лады. Всѣ удручены... подавлены... всѣмъ, очевидно, хочется улышать что-либо опредѣленное о причинахъ трагедіи. И потому офицеровъ-летчиковъ и моряковъ окружаютъ цѣлыя толпы людей, засыпая ихъ вопросами. Но увы... Никто изъ нихъ ничего не можетъ сказать опредѣленного, такъ какъ причина паденія была и остается и посейчасъ не выясненной. Это тайна, которую унесъ съ собою въ могилу погибшій.

Настроеніе съ каждымъ часомъ росло. Все новыя и новыя группы людей подходили къ Казанскому собору. Получался какой-то своеобразный митингъ печали, въ которомъ центральное мѣсто занимали офицеры. Къ вечеру это настроеніе еще расширилось и окрѣпло въ массѣ.

Уже къ 8 часамъ вечера часовенка военного клиническаго госпиталя, гдѣ покоился прахъ усопшаго, была буквально переполнена молящимися. И сотни, а можетъ быть и тысячи людей, стояли за часовней на улицѣ, ожидая очереди поклониться дорогому человѣку. Одна за другой прибывали депутаціи отъ разныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденій и группъ, друзья и просто частныя лица, возлагали на гробъ вѣнки и цвѣты. Гробъ положительно утопалъ въ цвѣтахъ.

Преобладали вѣнки отъ учащихся среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній школъ и курсовъ. Трогательныя надписи на лентахъ свидѣтельствовали о томъ, какъ глубоко и трепетно чувствовали эти юныя души потерю такого талантливаго, свѣтлаго, молодого, жизнерадостнаго человѣка, какъ Левъ Макарьевичъ.

Крикъ души и задушевные слезы чувствуются за лаконической надписью неизвѣстныхъ «юныхъ почитательницъ»: «Всей душой грустимъ о тебѣ». И безнадежная тоска другихъ юныхъ сердецъ (ученицъ женской гимназіи въ Лѣсномъ), тоскующихъ о томъ, что:

«Лебедь бѣлый хотѣлъ взлетѣть до небесъ

И во мракѣ небесъ бѣлый лебедь исчезъ»...

И что вмѣстѣ съ нимъ исчезла, значить, увѣренность въ томъ, что идеалъ, казавшійся такъ легко достижимымъ, теперь опять далекъ, опять недоступенъ...

Этотъ крикъ души, эта мятущаяся тоска и боль сердца, рожденныя трагизмомъ смерти Льва Макарьевича, чувствовались во всѣхъ надписяхъ, какъ бы онѣ лаконичны ни были, и въ этомъ ученическомъ возгласѣ: «Твой подвигъ да свѣтится въ сердцахъ нашихъ» и въ студенческомъ: «Мы идемъ за тобой, мы побѣдимъ!»

И въ вѣнкахъ, возложенныхъ *дѣтьми* отъ *дѣтей*. Всѣ они плакали горячими слезами сердца и кричали отъ боли.

26 и 27 сентября публика массами посѣщаетъ часовню и безъ конца возлагаетъ вѣнки. Передъ панихидой 27 сентября часовня настолько была переполнена вѣнками, что пришлось ранѣе возложенные убирать на приготовленные колесницы, дабы дать мѣсто у гроба вновь возлагаемымъ.

Къ 12 часамъ дня 27 сентября, передъ выносомъ тѣла изъ часовни, улицы, прилегающія къ клиническому госпиталю, запружены народомъ. Много военныхъ всѣхъ родовъ оружія, но они совершенно тонутъ въ той массѣ учащихся и штатскихъ, какая собралась на проводы. Настроеніе повышенное, нервное...

Трагизмъ происшедшаго еще не изгладился изъ памяти, еще бередитъ сердца, еще давитъ на душу и мозгъ cadaго...

Но вотъ кончилась панихида. Гробъ вынесли, при раздирающихъ душу рыданіяхъ жены покойнаго, изъ часовни и

установили на катафалкъ. Процессія тронулась по направленію къ Адмиралтейству въ соборъ св. Спиридонія.

По дорогѣ грязь, слякоть. Но публика запруживаетъ улицы и компактной массой двигается за колесницей.

За гробомъ идутъ пѣшкомъ всю дорогу, несмотря на усталость и нервную разбитость, жена, родственники и отецъ покойнаго, пріѣхавшій изъ провинціи на похороны своего любимаго сына. Изъ всей семьи не плачетъ только одинъ, этотъ коренастый, крѣпкій человѣкъ. Онъ молчитъ... Шагая въ толпѣ, вдали отъ гроба, словно боясь, чтобы не обратить на себя излишняго вниманія, онъ таинственно, угрюмо, загадочно молчитъ. Какъ будто стыдится сказать передъ всѣми, какъ велико его горе, какъ тяжела его утрата. Посмотрѣвъ на него, даже вчужѣ хочется, чтобы онъ заплакалъ, такъ какъ слезы, самыя горькія, все же легче этого желѣзнаго, загадочнаго молчанія.

Во время панихиды въ церкви св. Спиридонія и потомъ въ теченіе цѣлаго дня продолжалось возложеніе вѣнковъ на гробъ погибшаго отъ всевозможныхъ учрежденій, группъ и лицъ. Кажется, нѣтъ такого казеннаго и общественнаго учрежденія, школы, курсовъ, которые бы не возложили вѣнка на гробъ Мадіевича и такъ или иначе не были представлены передъ гробомъ. Сотни учрежденій и лицъ самыхъ разнообразныхъ направленій и окрасокъ несли знаки своего сочувствія, удивленія и преклоненія къ гробу погибшаго героя.

— Моему вѣрному помощнику, — говоритъ Великій Князь Александръ Михайловичъ въ своей надписи на вѣнкѣ.

— «І скільки вас въ борні розбилося об граніти,
і скільки вас сконало серед мук
Але і смерть була безсила вас спинити,
і вбить ваш вільний дух!»

говорить группа земляковъ-украинцевъ.

— «Доблестному русскому человѣку» — говоритъ газета «Россія».

— «Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!» — восклицаютъ студенты военно-медицинской академіи.

«Незабвенному Льву Макарьевичу — подводники Тихаго океана».

— «Съ глубокимъ уваженіемъ» — ученики академіи художествъ».

— «Борцу со стихіей, — рабочіе электро-механическаго завода Глѣбовъ и К^о».

— «Самоотверженному сыну Россіи» — думская фракція Союза 17 октября.

— «Герою-летуну! — Всероссийскій національный союзъ»:

— «Вслѣдъ безконечной Икаровой тѣни,
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше, не бойтесь паденій
Съ ясныхъ небесныхъ высотъ.
Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ!
Подвигъ, тебѣ наша пѣсня поется,
Вѣчная слава тебѣ!»...

говорить, восхваляя героя-летуна, группа слушательницъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. И такъ безъ конца... Возлѣ дорогого гроба талантливаго летуна, инженера и высоко чтимаго человѣка сгруппировались и сошлись представители всѣхъ направленій и міропониманій. Смерть его сплотила вокругъ себя всѣхъ, заставивъ, хотя на время, забыть разногласіе, непониманіе другъ друга и вражду.

28 сентября — день похоронъ Льва Макаровича. Мѣстность, прилегающая къ собору св. Спиридонія въ зданіи Адмиралтейства, еще съ утра запружена народомъ. Александровскій садъ переполненъ. Стоять на возвышеніяхъ, на рѣшеткахъ, сидятъ

на деревьяхъ. Масса народа въ переулкѣ, ведущемъ въ соборъ. Эта мѣстность буквально осаждаема желающими попасть на отпѣваніе. Отдать послѣдній долгъ погибшему явились люди всѣхъ положеній, ранговъ, возрастовъ, половъ и національностей. Масса народа пришла съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Петербурга.

Въ церковь съ 9 часовъ утра начали прибывать депутаціи отъ самихъ разнообразныхъ учреждений и группъ. Моряки, кавалергарды, студенты, курьистки, рабочіе, артисты, нижніе чины и т. д. Парадные мундиры чиновъ разныхъ вѣдомствъ и воинскихъ частей мѣшались со скромными костюмами учащихся и штатской публики.

Церковь, несмотря на то, что пропускались лица только имѣющія билеты, уже къ началу литургіи была переполнена народомъ. Хоры также биткомъ набиты, и тысячи глазъ молящихся устремлены внизъ на печальное зрѣлище, на послѣднюю почесть, отдаваемую человѣческому тѣлу на землѣ.

Храмъ убранъ тропическими растеніями. Гробъ положительно тонетъ въ массѣ живыхъ благоухающихъ цвѣтовъ. У изголовья гроба лежатъ серебряные вѣнки отъ Высочайшихъ особъ. Покойный лежитъ въ гробу въ морскомъ форменномъ сюртукѣ съ тремя академическими знаками на груди. Лицо землистое, заостренное, въ которомъ только съ трудомъ можно узнать жизнерадостное, цвѣтущее, живое лицо, всегда бодрого и веселаго Льва Макаровича.

У гроба стоятъ: вдова покойнаго, отецъ, родственники, друзья, сотоварищи-летуны, и, выстроившись въ шеренгу въ полномъ составѣ, команда подводной лодки «Акула», на которой плавалъ покойный. Вдоль собора стоитъ шпалерами команда Гвардейскаго флотскаго экипажа.

Отдать послѣдній долгъ усопшему прибыли: военный министръ Сухомлиновъ, товар. мор. министра адм. Григорьевъ, помощ. военнаго министра генералъ Поливановъ, адмиралы: Яковлевъ, де-Ливронъ, Рейценштейнъ, Зацаренный; генералы:

бар. Каульбарсъ, Кованько, конт.-адмиралъ гр. Толстой. Члены Госуд. Думы: Гучковъ, Челпоковъ, Лерхе, Некрасовъ, Степановъ и мн. друг. А также вр. пребывающій въ Петербургѣ военный министръ Соедин. Штатовъ Дикенсонъ и представители французскихъ авіаторовъ Полана и Райта.



Л. М. Мадіевичъ въ гробу.

Семья покойнаго сплоченной группой стоитъ у гроба. Всѣ измученные, уставшіе, страдающіе... Два лица изъ группы особенно обращаютъ на себя вниманіе окружающихъ: молчаливый, съ какой-то особой печатью страданія на лицѣ, не плачущій отецъ и выплакавшая всѣ слезы жена. Она стоитъ у гроба,

молчаливая, сосредоточенная и пристальнымъ взоромъ, полнымъ тоски и муки, смотреть въ лицо своего дорогого мужа, словно желая своимъ любящимъ взглядомъ выпытать у него всю правду, разгадать тайну, которую онъ не успѣлъ открыть никому и теперь собирается унести съ собою туда, въ невѣдомую даль, въ неразгаданное Царство вѣчности.

Депутаціи прибываютъ въ продолженіе всей литургіи и возлагаютъ вѣнки. Много ихъ возложено въ этотъ день красивыхъ, художественныхъ, дорогихъ... Но вѣнпомъ всего былъ даръ *дѣтей*.

Два маленькихъ гимназиста, не старше перваго класса, смущенно подходятъ ко гробу и такъ же смущенно кладутъ на него свой скромный даръ—*дѣтъ живыхъ хризантемы*. Это былъ самый скромный даръ на гробъ Льва Макаровича, но, можетъ быть, самый непосредственный и самый искренній. Чувствовалось, что эти хризантемы приобрѣтены дѣтьми на гроши, которые имъ, быть можетъ, были даны на лакомства и, что, урвавъ отъ себя эти гроши, они положили на гробъ часть себя, часть своей дѣтской души, удивленной и пораженной неразгаданной загадкой бытія и плачущей трепетными слезами вмѣстѣ съ окружающими.

Пряный запахъ цвѣтовъ, торжественная служба, стройное, красивое пѣніе, все это, вмѣстѣ взятое, настраивало на какой-то высокій торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ грустный ладъ, подымало и возбуждало нервы... И потому, когда послѣ литургіи, протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, прот. Аквилонъ сказалъ теплое задушевное надгробное слово, въ которомъ характеризовалъ покойнаго авіатора, какъ мученика идеи и борца за лучшее будущее человѣчества, многіе не могли удержаться отъ слезъ и плакали навзрыдъ.

Послѣ панихиды гробъ съ останками, покрытый Андреевскимъ флагомъ, на рукахъ министровъ, адмираловъ, генераловъ, членовъ Госуд. Думы, авіаторовъ и родственниковъ, былъ вынесенъ изъ церкви и при звукахъ «Коль славень» установленъ на катафалкъ.

Для отданія воинскихъ почестей покойному передъ соборомъ были выстроены матросы Гвардейскаго и Балтійскаго флотскихъ экипажей съ двумя оркестрами музыки.



Похоронная процессія съ гробомъ Л. М. Маціевича на Невскомъ проспектѣ.

Трудно передать грандіозность картины, открывшейся передъ глазами лицъ, вышедшихъ изъ собора. Дворцовая площадь, Александровскій скверъ, Невскій проспектъ, лѣса вновь строящихся домовъ, балконы, крыши,—все это сплошь было усеяно и запружено народомъ. Кругомъ на землѣ сплошное море головъ. И это море двигалось, колыхалось, тянулось стать по-

ближе къ процессіи,—ко гробу, и потому тихо волновалось, переливаясь съ мѣста на мѣсто.

Въ часъ двадцать минутъ дня, процессія, при звукахъ шопе-повскаго похороннаго марша, тронулась въ путь по Невскому проспекту.

Людское море тѣлъ всколыхнулось и хлынуло за процесіей на Невскій проспектъ и затопило все на своемъ пути. Движеніе трамваевъ, пзвозчиковъ, даже пѣшеходовъ, приостановилось въ этотъ моментъ по Невскому, такъ какъ двигаться можно было только по одному направленію: за волной. Съ боковыхъ улицъ, какъ съ притоковъ, вливались въ общее русло, текущее по Невскому, все новыя и новыя массы народа.

Всѣ окна, всѣ балконы, всѣ возвышенія были заняты публикой. На протяженіи всего Невскаго глазъ видѣлъ только процесію и медленно плывшую впередъ черную массу. Поминутно, то тамъ, то здѣсь щелкаютъ фотографическіе аппараты, вертятъ свои вертушки кинематографички, снимая рѣдкую процесію. Десятки бойкихъ мальчишекъ, съ рискомъ быть задавленными толпой, сновали среди движущейся массы, предлагая послѣдніе портреты покойнаго.

День былъ ясный, солнечный, ласковый... Играла музыка... И этотъ прощальный привѣтъ умирающаго лѣта и звуки траурнаго марша какъ-то еще больше усиливали грусть, родили большую тоску души, бередали тяжелую рану сердца, нанесенную потерей близкаго, дорогого человѣка.

Людское море волновалось и надвигалось иногда очень близко на лица идущихъ за гробомъ. Инстинктъ подсказалъ ближе идущимъ взять охрану на себя. И они взяли. Моментально, безъ всякаго стовора, безъ приказа и понужденія, образовалась живая цѣпь изъ публики, охраняющая семью и всѣхъ близко идущихъ за гробомъ. Сначала образовалась одна цѣпь, потомъ другая, третья и такъ цѣлый рядъ. И въ этой живой изгороди людей шли рядомъ взявшись за руки: студентъ и франтоватый кавалергардъ, пѣхотный офицеръ и курпестка, морякъ и рабо-

чий и т. д. Всѣ шли рука объ руку, плечо въ плечо, дѣлая одно общее дѣло, нужное дѣло въ данный моментъ, совершенно забывъ о классовыхъ различіяхъ, предразсудкахъ и недоразумѣніяхъ, основанныхъ на этихъ предразсудкахъ.—Явленіе въ нашей жизни почти исключительное...

* * *

У воротъ Александро-Невской Лавры процесію встрѣтило духовенство Лавры во главѣ съ архимандритомъ. При пѣніи прекраснаго лаврскаго хора гробъ былъ снятъ съ катафалка и понесенъ на рукахъ къ могилѣ.

И въ то время, какъ тѣло покойнаго оканчивало свой земной путь, приближаясь къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, вверху послышалось характерное жужжаніе мотора. Всѣ невольно подняли глаза и были поражены необычайнымъ, величественнымъ зрѣлищемъ. Тамъ, вверху, на незначительной высотѣ, гордо плылъ надъ кладбищемъ дирижабль «Кречетъ». Командиръ его подполковникъ Ковалевскій прилетѣлъ отдать послѣдній долгъ своему собрату, сломленному жизненной случайностью въ борьбѣ за достиженіе идеала, въ борьбѣ за такъ трудно дающуюся въ руки тайну.

Побѣдно царилъ этотъ воздушный корабль въ свободной стихіи и словно кричалъ оттуда многотысячной толпѣ, провожавшей покойнаго: «А все-таки она вертится! А все-таки мы побѣдимъ!»

Этотъ красивый полетъ, надъ гробомъ борца со стихіей, былъ самымъ цѣннымъ и самымъ дорогимъ вѣнкомъ на могилу безвременно погибшаго талантливаго авіатора.

* * *

Еще задолго до прибытія процесіи въ Лавру масса народа на кладбищѣ. Многіе пришли туда съ самого утра и ждали. И здѣсь, какъ и по пути слѣдованія, все занято, все усѣяно наро-

домъ. Могилы, кресты, заборы, прилегающіе саран, словомъ все то, на что можно было стать или взлѣзть—занято... Фотографы помѣстились на крышѣ сторожевой будки и ждутъ момента...

Но вотъ пришли... Принесли гробъ... Поставили надъ могилой... Краткая литія и такое же краткое слово священнослужителя... Горнисть играетъ сигналъ. И, подъ звуки выстрѣ-



Могила Л. М. Маціевича на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

ловъ провожавшей команды, и послѣдняго «вѣчная память», гробъ опускаютъ въ могилу... Обезумѣвшая отъ горя жена съ крикомъ отчаянія бросается къ могилѣ и падаетъ безъ чувствъ. Пауза... Долгая, мучительная пауза. Гробъ не засыпаютъ землей. Всѣ чего-то ждутъ, хотя знаютъ и видятъ ясно, что ждать нечего, что все кончено. Но ждутъ...—ждутъ слова...

Въ жизни массъ, какъ и въ жизни отдѣльных людей бываютъ моменты, когда молчаніе давить хуже самого горя, хуже обрушившагося несчастья. И тогда масса жаждетъ, чтобы нашелся человекъ, который бы нарушилъ за всѣхъ ихъ это тяжелое молчаніе, который бы

крикнулъ, громко во всеуслышаніе, о томъ горѣ, которое всѣ они переживаютъ, о слезахъ, которыми они плачутъ. Слезы успокаиваютъ, крикъ, хотя на время, убиваетъ боль. Они ждали.

Тяжелое молчаніе нарушилъ шлиссельбуржецъ Н. А. Морозовъ, прочитавшій красивое, глубокое поэтическое стихотвореніе, посвященное имъ памяти покойнаго. Послѣ него сказалъ свою рѣчь К. И. Арабаджинъ.

«Прости, прощай, дорогой Левъ Макаровичъ!

«Въ сумракѣ жизни пронесся ты надъ нами свѣтлымъ метеоромъ и ушелъ во тьму. Влеснулъ твой гений и померкъ. Но ты звалъ насъ къ небу, открылъ намъ новые горизонты, и свѣтлой и гордой радостью задрожали наши сердца; ты засвѣтилъ вновь русскіе огни на вершинахъ человечества и напомнилъ другимъ народамъ о великой націи. Не безуміемъ храбрости былъ твой подвигъ, а прекраснымъ, обдуманнѣмъ дерзаніемъ — дѣломъ сильной и смѣлой научной мысли, сковывающей міръ желѣзными формулами.

«Тебя мы всѣ узнали и полюбили, какъ побѣдителя воздушной стихіи, но ты не былъ узкимъ специалистомъ - техникомъ: ты побѣдилъ тѣмъ, что принесъ блестящее разнообразное образованіе, широту міровоззрѣнія, мужественное сердце, сильную волю, напоенную любовью къ родинѣ и твердымъ сознаніемъ долга, и горячую преданность общественному идеалу. Прекрасныя свойства твоей души влекли тебя къ свободной стихіи. Ты нашъ! Твои друзья давно оцѣнили тебя, любили тебя, гордились тобою, вѣрили въ тебя. Слава тому, кто далъ народу минуты свѣтлой радости и нравственнаго удовлетворенія!

«Вѣчная память тому, кто объединилъ насъ! Такіе, какъ ты, не умираютъ! Десятки тысячъ молодежи, сотни вѣнковъ—это



Проектъ надгробнаго памятника, сооружаемаго семьей въ Александро-Невской Лаврѣ.

за тобой молодые всходы. Ты говорилъ молодежи: «Идите все выше и выше!»—и молодежь отвѣтила тебѣ прекрасными одобряющими словами надписи на одномъ изъ вѣнковъ:

«Спи спокойно, дорогой Левъ Макаровичъ, мы идемъ за тобой, мы побѣдимъ»!

«Спи же спокойно, милый, любый друже! Вѣчная тебѣ память»!

Послѣ него прочли стихотворенія, посвященныя памяти Льва Макаровича, сотрудникъ газеты «Копѣйка» В. Трофимовъ и студентъ с.-петербургскаго университета. Одинъ изъ студентовъ отъ имени воздухоплавательнаго кружка сказалъ краткую рѣчь, и все закончилось.

Рабочіе взялись за лопаты... Застучала земля о крышку гроба и конецъ... «Прощай, прости Левъ Макаровичъ!..»

* * *

Уже могилу сравнивали съ землей, установили крестъ, усыпали цвѣтами, а публика все стояла... не расходилась... ждала... Тяжело, больно, жаль было покинуть такъ скоро близкую дорогую могилу.

На бѣломъ скромномъ крестѣ, поставленномъ на могилѣ, значилось:

«Корабельный инженеръ капитанъ Л. М. Маціевичъ погибъ при полетѣ на аэропланъ 24 сентября 1910 г.»

А. Сумской.

* * *

Жертвою палъ ты въ борьбѣ со стихіей,
Отдавши ей знанье и силу свою,
Но черная смерть твою жизнь поразила
И палъ ты, какъ воинъ въ неравномъ бою.
Ты умеръ красивою смертью героя,
Царивши, какъ гордый орелъ молодой.
Но знай, Маціевичъ, что помнитъ Россія
Всю силу отваги и удалъ твою!..
Вѣчная память тебѣ, Маціевичъ,
И вѣчная слава—соратнымъ твоимъ!
Но помни, что мы не забудемъ героя
И памятникъ вѣчный ему создадимъ!

Маляръ Владиміръ Ивановъ ¹.

¹ Газ. «Копѣйка».

Надъ безвременной могилой.

«The good die first,
And they whose hearts are dry as summer dust,
Burn to the socket!»

Небольшой, свѣженасыпанный холмикъ земли, утопающій подъ сплошной массой крѣпкихъ, осеннихъ цвѣтовъ, озаренный грустно-прощальными лучами осенняго солнца, скрылъ подъ собой то, что было смертнаго въ Левѣ Макаровичѣ Маціевичѣ.

Есть факты, съ которыми не хочетъ помириться сознаніе. Ибо слишкомъ великъ контрастъ того настроенія, тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя длительно и напряженно связываются въ сознаніи массъ съ какимъ-нибудь явленіемъ или именемъ и тѣмъ реальнымъ фактомъ, который въ одинъ моментъ приноситъ съ собой жестокая дѣйствительность.

Капитанъ Маціевичъ, имя котораго въ теченіе длиннаго ряда дней, изо-дня-въ-день не сходило съ устъ многотысячной толпы, за блестящими полетами котораго съ восторгомъ слѣдили десятки тысячъ восхищенныхъ глазъ и очарованныхъ душъ,—капитанъ Маціевичъ въ сознаніи каждаго былъ символомъ *побѣды*, символомъ *мощи* и *величія* человѣческаго гения. И трудно привыкнуть къ мысли, что этотъ 33-лѣтній, полный здоровья и энергіи чело^{вѣ}къ, вчерашній побѣдитель стихіи и триумфаторъ, сегодня бездыханнымъ трупомъ опущенъ нами въ безвременную могилу.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ въ жизни встрѣчаться съ покойнымъ Львомъ Макаровичемъ въ разнообразной обстановкѣ:

въ толпѣ—на вечерѣ или въ театрѣ, въ тѣсномъ кругу за чайнымъ столомъ, въ недолгой бесѣдѣ при случайной встрѣчѣ. Не могу, слѣдовательно, сказать, чтобы знакомство мое было близкимъ, а потому немногія строки моихъ воспоминаній дадутъ, вѣроятно, тотъ обликъ, какой оставлялъ онъ по себѣ у средняго наблюдателя изъ толпы.

Небольшого роста, но достаточно крѣпкаго сложенія, рѣзкій блондинъ, съ сѣроголубоватыми глазами и сосредоточенно-задумчивымъ взоромъ, правильными и тонкими линіями лица, со спокойно-увѣренными движеніями, онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка съ волей, выдержкой и съ сознаниемъ собственного достоинства. Рѣчь тихая, спокойная, плавная, съ опредѣленностью выраженій, ясная и сразу понятная. Молчаливый, когда разговоръ шелъ о повседневныхъ мелочахъ, онъ сразу оживлялся, когда темою разговоровъ дѣлался какой-нибудь серьезный вопросъ или предметъ и высказывался, обыкновенно, коротко, но вполне опредѣленно и въ словахъ его чувствовалось убѣжденіе.

Человѣкъ постоянного, упорнаго и интенсивнаго труда, онъ высказывалъ глубокое сожалѣніе, что у нашей молодежи онъ не находилъ достаточной, по его мнѣнію, выдержки и привычки къ неослабному труду: «Дѣла такъ много кругомъ, необходимо какъ можно больше и интенсивнѣе работать». Постоянно занятый въ сферѣ своей спеціальности вопросами подводнаго плаванія, разрабатывая новые проекты подводныхъ судовъ, удѣляя много времени на исполненіе общественныхъ обязанностей, онъ почти не имѣлъ времени для личной жизни и производилъ на посторонняго наблюдателя впечатлѣніе нѣсколько сухого человѣка. Въ своемъ личномъ обиходѣ онъ довольствовался лишь самымъ необходимымъ, избѣгая даже элементарнаго комфорта. Снявши съ себя военный мундиръ, во время заграничныхъ командировокъ, онъ неизмѣнно путешествовалъ въ вагонѣ III класса. Проводя, по обязанностямъ службы, много времени въ разъѣздахъ и командировкахъ, онъ почти не имѣлъ постоян-

наго мѣста жительства: едва закончивъ проектъ новой подводной лодки, онъ уѣзжалъ въ командировку съ спеціальными цѣлями за границу, едва вернувшись изъ-за границы—ѣхалъ въ Либаву читать лекціи по теоріи подводныхъ лодокъ для офицеровъ флота. Въ началѣ прошлаго 1909 г. онъ заинтересовался вопросами воздухоплаванія. Въ мартѣ мѣсяцѣ я встрѣтился съ нимъ уже тогда, когда у него безповоротно созрѣло рѣшеніе ѣхать за границу и практически учиться воздухоплаванію. На мой вопросъ о причинѣ перемѣны спеціальности и объ опасности авіаціонной практики, онъ отвѣтилъ, что своей спеціальности онъ не собирается оставлять, что объ эти отрасли въ военномъ дѣлѣ могутъ пополнять одна другую. «Авіація—дѣло новое, чрезвычайно интересное не только теоретически, но и практически и очень много обѣщающее въ будущемъ. Что же касается опасности, то степень ея учеть трудно, лучше же вовсе о ней не думать». И вотъ лѣтомъ Л. М. уже въ По, во Франціи, въ авіаціонной школѣ; быстро онъ получаетъ дипломъ авіатора, осенью уже въ Петербургѣ онъ участвуетъ въ авіаціонныхъ состязаніяхъ, по окончаніи которыхъ собирается ѣхать въ Севастополь для обученія авіаціи офицеровъ воздушнаго флота, а въ портфель его уже хранится разработанный проектъ спеціальнаго аэроплана, приспособленнаго для военно-морскихъ операцій. И вотъ эта кипучая жизнь, неослабная дѣятельность и энергія съ широкими планами на будущее, трагически оборвалась 24 сентября, въ концѣ послѣдняго, блестящаго полета, бывшаго лебединой пѣснью авіатора.

28 сентября родная земля устроила своему безвременно погибшему сыну грандіозные проводы къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Трудно передать красоту этого рѣдкаго осенняго дня, величіе печальной процессіи съ десяткомъ колесницъ, заполненныхъ живыми цвѣтами, и настроеніе многотысячной толпы, шедшей за гробомъ Маціевича въ какой-то особенной, бодрой и гордой печали. У всѣхъ была одна мысль: хоронятъ героя.

Но неужели же только трагическая гибель дала право капитану Маціевичу на громкое имя героя? И до и послѣ него піо-

неры новаго дѣла находили себѣ столь же безвременную, трагическую кончину, а будущее, съ увеличеніемъ масштаба авіаціи, дастъ еще не одинъ десятокъ жертвъ на этомъ новомъ пути въ эволюціи человѣчества. Героизмъ Маціевича лежитъ глубже и его мученическій вѣнецъ лишь послѣдній штрихъ, послѣднее слово жизни, въ процессѣ этой жизни едва замѣтнаго, скромнаго героя. Героизмъ здѣсь въ сознательности и полнотѣ жертвы, героизмъ въ жертвѣ, принесенной легко и свободно, съ чистымъ сердцемъ и безкорыстно.

Маціевичъ зналъ, куда онъ идетъ, онъ прямо говорилъ: «одной секунды достаточно, чтобы гибель была неизбежна»; «мнѣ уже случалось переживать моменты, когда казалось, что все погибло». «Мы обязаны каждую минуту рисковать своей жизнью». Жизнь свою онъ отдалъ сознательно любимому дѣлу, которое влекло къ себѣ пылливый умъ ученаго специалиста,—отдалъ дѣлу, въ пользу котораго для человѣчества глубоко вѣрилъ. Лишь одни чистыя и возвышенныя побужденія влекли его на опасный путь, откуда мало надежды вернуться невредимымъ. Могила Маціевича—живая могила, такая смерть—творитъ много жизни послѣ себя! Недаромъ у этой могилы была въ слезахъ и траурѣ вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, безъ различія партій, настроеній и міросозерцанія—все отошло слишкомъ далеко, стало мелкимъ передъ величіемъ этой чистой жертвы за всѣхъ, и слово раздора не раздалось у открытаго гроба безвременной жертвы высокаго долга и чистой любви къ знанію и ближнимъ. Такія жертвы, очевидно, неизбежны!

«Въ безвременной покоятся могилѣ
Всѣ добрые, достойные вѣнца;
Тѣ, чье сердце суше лѣтней пыли,
Свѣтильникъ свой сжигаютъ до конца»¹.

Слава имени его и вѣчная память!

Н. Могилянскій.

¹ Переводъ К. Д. Бальмонта строфъ стихотворенія, взятыхъ эпиграфомъ.

Л. М. Маціевичъ за границей.

(Воспоминанія секретаря авіаціонной комиссіи инженера
Б. С. Сотника).

Я познакомился со Львомъ Макаровичемъ Маціевичемъ въ Парижѣ во время его командировки для изученія авіаціи.

Живой, энергичный, наблюдательный и притомъ всегда лопезный и отзывчивый, онъ сразу произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Приглашенный имъ работать въ заграничной комиссіи Отдѣла Воздушнаго Флота и сдѣлавшись, такимъ образомъ, сотрудникомъ Льва Макаровича, я ближе его узналъ и искренне къ нему привязался.

Первое, что меня поразило, когда я познакомился съ работой покойнаго Льва Маціевича, это—тапедюжипная энергія, которой требовали многочисленныя и разнообразныя обязанности, возложенныя на покойнаго Отдѣломъ Воздушнаго Флота.

Чего только не было поручено ему?

Онъ долженъ былъ производить всѣ покупки, признанныя Отдѣломъ необходимыми, и для этого долженъ былъ составлять всѣ контракты съ французскими фирмами (конечно, на французскомъ языкѣ), вырабатывать техническія условія пріемки, слѣдить за выполненіемъ заказа, производить самую пріемку пріобрѣтаемаго, а принявши позаботиться объ укупоркѣ и транспортѣ груза въ Россію.

Онъ долженъ былъ выяснитъ характеръ и количество необходимыхъ запасныхъ частей къ пріобрѣтеннымъ аэропланамъ и

моторамъ, ознакомиться съ устройствомъ фабрикъ и мастерскихъ, гдѣ такія части готовятся, а также изучить постановку дѣла во французскихъ авіаціонныхъ школахъ и на аэродромахъ и составить проектъ и смѣту устройства этихъ учреждений въ Россіи.

Ему поручено было слѣдить за успѣшнымъ ходомъ занятій нижнихъ чиновъ, обучавшихся уходу за моторами, а также ему дано было право рѣшающаго голоса въ случаяхъ какихъ-либо затрудненій и недоразумѣній между офицерами и администраціей школъ.

Онъ долженъ былъ слѣдить за появленіемъ новыхъ изобрѣтеній, представляющихъ интересъ для Отдѣла, и дѣлать о нихъ, а также и обо всемъ, касающемся цѣлей его командировки, черезъ опредѣленные промежутки времени, обстоятельные и подробные доклады Отдѣлу.

На немъ лежало веденіе всей дѣловой корреспонденціи и денежная отчетность и, наконецъ, онъ самъ долженъ былъ обучиться полетамъ на одномъ изъ аппаратовъ.

Все это требовало постоянного движенія, переѣздовъ изъ одного города въ другой, чуть не по всей Франціи и вынуждало вести оживленную корреспонденцію. То обстоятельство, что покойнымъ было разослано за 5-мѣсячное пребываніе за границей болѣе 900 писемъ и 200 телеграммъ краснорѣчиво говоритъ само за себя.

Постоянная кочевая жизнь осложняла эту переписку и порождала нерѣдко различные курьезы: то какая-нибудь запоздалая телеграмма или письмо, путешествуя за Львомъ Макаровичемъ изъ города въ городъ, догоняла его уже тогда, когда съ вопросомъ, о которомъ шла рѣчь, было давно покончено; то одновременно получались три письма одинакового содержанія, начинающіяся словами:

«Имѣемъ честь препроводить вамъ настоящее письмо въ трехъ экземплярахъ одновременно въ Парижъ, въ Этамъ и Мурмелонъ, такъ какъ не увѣрены, въ которомъ изъ этихъ городовъ вы въ настоящее время находитесь...»

Только при аккуратности, свойственной покойному, и съ его кипучей энергіей можно было справляться и вездѣ поспѣвать.

Всегда точный и аккуратный, Левъ Макаровичъ требовалъ такой же пунктуальности и аккуратности и отъ другихъ. Это часто вызывало недовольство и ропотъ, какъ среди сослуживцевъ офицеровъ, такъ и среди подчиненныхъ. Напримѣръ, его настоятельное требованіе снимать копію съ каждаго письма, посылаемаго офицерами какъ къ нему, такъ и къ фирмамъ, чуть не создало серьезнаго конфликта между нимъ и нѣкоторыми изъ офицеровъ. Выговоры же и упреки его по поводу различныхъ «опозданий» доводили одного изъ секретарей, г. М., буквально, до слезъ.

И только благодаря этой аккуратности, сравнительно небольшого труда стоило разобраться во всѣхъ бумагахъ и документахъ, оставшихся послѣ покойнаго, и составить подробный и обстоятельный отчетъ о его дѣятельности за границу, представить который Отдѣлу Воздушнаго Флота помѣшало Льву Макаровичу его трагическая внезапная смерть.

Его чисто инженерную дѣятельность за границей можно разбить на двѣ части: 1) часть критическую, т. е. оцѣнку имъ чужихъ изобрѣтеній съ точки зрѣнія ихъ практичности и пригодности для различныхъ цѣлей воздухоплаванія; 2) часть творческую, т. е. развитіе его собственныхъ идей подъ вліяніемъ возрастающаго опыта и выводовъ, диктуемыхъ болѣе близкимъ ознакомленіемъ съ предметомъ.

Что касается части критической, то въ отношеніи Льва Макаровича къ чужимъ изобрѣтеніямъ можно было всегда замѣтить большую долю осторожности и, даже, скептицизма. Послѣднее, положимъ, и понятно.

Спекуляція, царившая тогда во Франціи въ этой области промышленности, и привлекая сюда массу весьма сомнительныхъ элементовъ, поневолѣ заставляла всякаго относиться весьма и весьма осторожно къ предложеніямъ различныхъ фирмъ и предпринимателей. Одинъ изъ англійскихъ журналовъ по воздухоплаванію прямо предостерегалъ своихъ читателей отъ различ-

ныхъ недомолвокъ въ контрактахъ, предупреждая о существовании различныхъ «filoux» среди торговцевъ и спекулянтовъ предметами воздухоплавательной промышленности.

Хотя этотъ скептицизмъ и не позволилъ Льву Макаровичу особенно горячо рекомендовать хотя бы одинъ какой-нибудь изъ новѣйшихъ для того времени воздухоплавательныхъ аппаратовъ и моторовъ, а также послужилъ основой его отзыва объ отсутствіи чего-либо выдающагося на Брюссельской выставкѣ и въ Англіи, но онъ зато много помогъ ему въ его покупкахъ для Отдѣла Воздушнаго Флота. Среди этихъ покупокъ, во-первыхъ, не нашлось ничего лишняго, о пріобрѣтеніи чего Отдѣлу пришлось бы пожалѣть; во-вторыхъ, всѣ покупки были сдѣланы съ значительными скидками отъ 10 до 15 процентовъ съ цѣнъ каталоговъ. Такъ, напримѣръ, аппараты А. Фармана были пріобрѣтены Львомъ Макаровичемъ по цѣлѣ 25,000 франковъ, хотя стоимость ихъ по всѣмъ каталогамъ 28,000 франковъ; аппаратъ Соммера за 23,000 франковъ, вмѣсто 25,000, показываемыхъ каталогами; моторъ «Гномъ» по 11,000 франковъ, вмѣсто 13,000 и т. д.

При этомъ необходимо отмѣтить умѣніе покойнаго быстро схватывать всѣ существенныя преимущества и недостатки рассматриваемаго аппарата, и умѣніе быстро ориентироваться въ управленіи имъ. Выучившись летать на Фарманѣ, Левъ Макаровичъ, напримѣръ, сразу не только указалъ недостатки и достоинства аппарата Соммера, но и безъ всякой подготовки началъ летать на немъ, сдѣлавши въ первый же разъ полетъ продолжительностью въ полчаса.

Относительно второй части его дѣятельности, его самостоятельнаго творчества въ сферѣ воздухоплаванія, къ сожалѣнію, судить очень трудно, такъ какъ его неожиданная смерть прервала его дѣятельность такого характера въ самомъ началѣ и не позволила Льву Макаровичу дать своимъ идеямъ и проектамъ болѣе или менѣе реальную форму. Я не говорю о его проектѣ морского аэроплана, такъ какъ эта работа совершена покойнымъ до его

поѣздки за границу и въ ней не могли отразиться его послѣдніе взгляды и выводы.

Изъ личныхъ разговоровъ съ покойнымъ я могъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о его личныхъ взглядахъ на будущее авіаціи и о его предположеніяхъ относительно развитія воздухоплавательной техники въ ближайшемъ будущемъ. Своими впечатлѣніями, вынесенными изъ этихъ разговоровъ, я и намѣренъ сейчасъ подѣлиться.

Левъ Макаровичъ вѣрилъ въ будущность воздухоплаванія. Онъ былъ убѣжденъ, что воздухоплавательная машина сдѣлается общедоступнымъ средствомъ сообщенія, преимущественно пассажирскаго и между крупными центрами, съ изобрѣтеніемъ газовой турбины или бензинового мотора, гарантирующаго непрерывность работы.

Въ поискахъ за такимъ моторомъ онъ, въ сущности, и отправился въ Англію, гдѣ появился моторъ, о которомъ разсказывали чудеса. Конечно, всѣ разсказы оказались вздоромъ.

Точно также Левъ Макаровичъ сильно интересовался какой-то таинственной керосино-турбиной, опыты съ которой, по слухамъ, распространившимся въ Парижѣ, дали удивительные результаты. Этой таинственной турбины разыскать, впрочемъ, такъ и не удалось.

Аэроплану онъ давалъ предпочтеніе передъ другими типами воздухоплавательныхъ аппаратовъ, геликонтерами и ортоптерами. Особенную важность онъ придавалъ вопросу о лобовомъ сопротивленіи аппарата, выясненіемъ чего онъ и собирался заняться, по возвращеніи своемъ въ Россію. Его взгляды на сопротивление движенію тѣла въ струйныхъ жидкостяхъ, какъ мнѣ кажется, были близки къ опубликованной въ прошломъ году теоріи такого сопротивления, разработанной профессорами Жуковскимъ и Чаплыгинымъ.

Однимъ изъ кардинальныхъ вопросовъ успѣха современной авіаціи Левъ Макаровичъ считалъ изобрѣтеніе болѣе продуктивнаго винта, чѣмъ деревянный какой угодно системы. Онъ обра-

тиль особенно вниманіе на гибкій винтъ системы француза Moriot, изобрѣтателя геликоптера. Винтъ этотъ представлялъ изъ себя гибкій (стальной, по предположенію изобрѣтателя) хлыстъ, согнутый въ дугу и обтянутый матеріей, при чемъ задній бортъ оставался свободнымъ отъ различныхъ прокладокъ, натяжекъ и др. добавочныхъ элементовъ. Такъ какъ винтъ этотъ представлялъ изъ себя не болѣе, чѣмъ модель, да и то не вполне разработанную, приготовленную даже не изъ того матеріала, который предполагался изобрѣтателемъ, то Левъ Макаровичъ хотѣлъ въ Россіи лично проектировать такой винтъ и произвести съ нимъ рядъ опытовъ.

Въ началѣ Левъ Макаровичъ былъ ревностнымъ поклонникомъ биплана, т. е. аэроплана съ двойными крыльями. Свой морской аэропланъ онъ проектировалъ въ видѣ биплана. Предпочтеніе биплана моноплану, казалось, отразилось и на выборѣ того аппарата, на которомъ онъ самъ рѣшилъ учиться летать. Впрочемъ, въ этомъ выборѣ главную роль играла легкость обученія, позволяющая большую часть времени отдавать другой работѣ.

Однако и по окончаніи обученія увлеченіе покойнаго бипланомъ, казалось, только усилилось. Только въ концѣ его командировки, уже передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію начало замѣчаться охлажденіе его къ бипланамъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ нашихъ разговоровъ въ Парижѣ, у него даже выпалась фраза:

— Какъ только окончится авіаціонная недѣля въ Петербургѣ, постараюсь вернуться въ Парижъ. Познакомлюсь съ парижской выставкой хорошенько и поучусь кстати летать на Блеріо или Телье.

Аппараты Блеріо и Телье—монопланы. Такую переменъ во взглядѣ его на монопланъ можно объяснить, я думаю, побѣдами моноплана на Реймскихъ состязаніяхъ 1910 года и въ круговомъ французскомъ полетѣ (circuit de l'Est).

Преждевременная смерть помѣшала Льву Макаровичу исполнить замыслы, которые только что зародились въ немъ. А замыслы эти, безъ сомнѣнія, были интересны. Объ этомъ свидѣ-

тельствуютъ и его прежнія работы, изъ которыхъ не одна была премирована, и вся его личность—личность вдумчиваго и въ то же время увлекающагося инженера, осторожнаго и въ то же время не удовлетворяющагося шаблонами вѣчнаго искателя новыхъ путей, инициатора-конструктора.

Если о Львѣ Макаровичѣ можно пожалѣть, какъ объ инженерѣ, подающемъ большія надежды, то не въ меньшей мѣрѣ о немъ можно пожалѣть, какъ о человѣкѣ вообще. Его отзывчивость къ чужому несчастью и кипучая энергія заставляли его всегда принимать живѣйшее участіе въ различныхъ затрудненіяхъ своихъ знакомыхъ и даже постороннихъ лицъ, и стремительно приводить дѣло къ какимъ-нибудь положительнымъ практическимъ результатамъ.

Я былъ свидѣтелемъ за границей дѣлаго ряда полутрагическихъ, полукوميческихъ инцидентовъ, разыгравшихся на этой почвѣ. Особенно врѣзался мнѣ въ память инцидентъ съ Заикинымъ. Заключался онъ въ слѣдующемъ.

Борецъ Заикинъ, не знающій почти ни слова по-французски, рѣшилъ превратиться въ авіатора. Приѣхалъ во Францію, приобрѣлъ здѣсь съ помощью какихъ-то капиталистовъ у Фармана аппаратъ и припаялся учиться.

Ученъе пошло туго, во-первыхъ, потому что постановка французскихъ авіаціонныхъ школъ была настолько скверной, что тогда уже сдѣлалась притчей во языцѣхъ; во-вторыхъ, Заикину мѣшало незнаніе языка и, въ-третьихъ, вѣсь и сила его оказались существенно помѣхой къ успѣхамъ, дающимъ право на самостоятельное выступленіе.

Дѣло въ томъ, что пассажиръ съ такимъ вѣсомъ, какъ у Заикина, измѣнялъ до извѣстной степени соотношеніе силъ, дѣйствующихъ на аэропланъ во время полета. Это отражалось на легкости управленія и поэтому летать съ Заикинымъ представляло извѣстную трудность. Но дѣло еще шло съ грѣхомъ пополамъ, и полетовъ въ качествѣ пассажира, Заикинъ сдѣлалъ не мало, пока, по примѣру остальныхъ учениковъ, онъ не пожелалъ при-

нять активное участіе въ управленіи аэропланомъ. Пилотъ-профессоръ всѣми силами запротестовалъ противъ такого желанія, боясь, конечно, что не сможетъ выправить аэропланъ въ случаѣ невѣрнаго маневра, когда рычагъ управленія будетъ находиться въ рукѣ такого богатыря, какъ Заикинъ. Несмотря на протестъ своего учителя, Заикинъ не вытерпѣлъ и въ одинъ изъ полетовъ попробовалъ вмѣшаться въ управленіе аппаратомъ. Эффектъ получился совершенно непредвидѣнный.

Пилотъ струсилъ, сейчасъ же спустился на землю и категорически отказался продолжать дальнѣйшее обученіе, объявивши Заикина совершенно «incapable» (неспособнымъ).

Что дѣлать?

Задатокъ, сдѣланный уже крупныя издержки, нѣсколько мѣсяцевъ труда, наконецъ, авторитетъ Заикина въ глазахъ его довѣрителей,—все висѣло на волоскѣ.

Громкіе возгласы, потокъ какой-то смѣси русскихъ словъ, весьма увѣстистаго характера, и невозможно исковерканнаго французскаго жаргона, возрастающая кучка любопытныхъ и высокая фигура Заикина, въ волненіи размахивавшаго руками, возвѣстили мнѣ и Льву Макаровичу, случившимся вблизи мѣста происшествія, о приближеніи драматическаго момента.

Подходимъ.

Замѣтивши Льва Макаровича, борецъ залпомъ излагаетъ передъ нимъ всю горестность своего положенія и, чуть не со слезами на глазахъ, жалуется ему на пилота, такъ злостно его подводившаго, проклиная и школу, и Францію, и всѣ аэропланы въ мірѣ.

Отвѣдавши на собственномъ опытѣ всю прелесть постановки авіаціонной школы, съ ея малымъ количествомъ учебныхъ аппаратовъ, хронической неисправностью моторовъ, непостижимыми явленіями «рему» (воздушный вихрь, опасный для аэроплана) въ случаяхъ спѣшнаго дѣла у профессора-пилота,—Левъ Макаровичъ возмущился. Тронутый дѣйствительно

критическимъ положеніемъ бѣдняги, Левъ Макаровичъ общается ему все свое содѣйствіе.

Но гдѣ искать выхода? Заикинъ умоляетъ:

— Левъ Макаровичъ, дорогой, вы, вѣдь, получили ужъ дипломъ летчика. Не можете ли вы продолжать мое обученіе. Вѣкъ помнить буду, вѣчный вашъ должникъ!..

— Разрѣшить ли директоръ школы?

— Разрѣшить, разрѣшить. Я его уговорю.

— Ну, если уговорите... За мной дѣло не станетъ.

Заикинъ бросился уговаривать и, дѣйствительно, уговорилъ, кажется, подаркомъ 2—3 сотенъ франковъ. Въ этотъ же день Левъ Макаровичъ началъ его обучать. Черезъ три дня Заикинъ началъ самостоятельно летать и еще черезъ нѣсколько дней выдержалъ экзаменъ на пилота.

Занятый своими многочисленными обязанностями, засыпанный грудой корреспонденціи, тренирующійся на Мурмелонскомъ аэродромѣ передъ петербургской недѣлей авіаціи, Левъ Макаровичъ «по пути» въ 3 дня обучилъ Заикина летать.

Характерно это «по пути»!..

Успѣшно справившись съ задачей, возложенной на него Отдѣломъ Воздушнаго Флота, покойный «по пути» успѣлъ сдѣлать интересный докладъ морскому министерству о подводныхъ лодкахъ системы Льебѣфа, ознакомившись, конечно, на мѣстѣ съ этими лодками; «по пути» посѣтилъ рядъ лекцій профессора Мартисса, «по пути» полеталъ на дирижабляхъ системы «Зодиакъ» и «Клеманъ-Бойаръ», «по пути» побывалъ на брюссельской выставкѣ и сѣздилъ въ Англію...

Передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію Левъ Макаровичъ особенно поразилъ меня своимъ постояннымъ «по пути».

Не помню, по какому дѣлу, онъ назначилъ мнѣ одинъ разъ свиданіе утромъ, часовъ въ девять, на авеню de la Grande Armée. Прихожу. Жду. Въ назначенный часъ подъѣзжаетъ Левъ Макаровичъ на какомъ-то длинномъ, пылящемъ автомобилѣ. Пра-

вилъ самъ. Я зналъ, что править автомобилемъ онъ не умѣлъ, и страшно удивленъ такой картиной.

— Откуда вы и что это за машина?—спрашиваю.

— Делонэ-Бельвилль въ 30 силъ. Надо же авіатору умѣть управлять автомобилемъ. Я тутъ по пути и подучился. Сейчасъ сдалъ экзаменъ на шофера. Вотъ и свидѣтельство.

Я только руками развелъ.

Да, онъ все успѣвалъ, покойный Левъ Макаровичъ. Мало того, вездѣ былъ впереди, въ первыхъ рядахъ, если не первый. Остался онъ вѣренъ себѣ даже и въ своей смерти. Первымъ изъ русскихъ летчиковъ онъ погибъ, положивши свою жизнь за дѣло, которому отдался и которое полюбилъ.

И тѣ, кому дорого дѣло воздухоплаванія, кого волнуютъ тѣ же мысли, тѣ же цѣли, что волновали и покойнаго,—не забудутъ Льва Макаровича. У нихъ, идущихъ, можетъ быть, на такую же гибель, не исчезнетъ изъ памяти свѣтлый образъ отзывчиваго, пылкаго и вдумчиваго искателя новыхъ путей, ревнителя прогресса.

Б. Сотникъ.

Воспоминанія о Л. Маціевичѣ.

Л. М. Маціевича я помню по Харьковскому Технологическому Институту, гдѣ онъ былъ студентомъ въ бытность мою тамъ директоромъ. Онъ окончилъ курсъ, насколько мнѣ помнится, въ 1901 году, и у меня непосредственно онъ не занимался. Но по отзывамъ профессоровъ, у которыхъ онъ работалъ, и по личнымъ впечатлѣніямъ, которыя я получалъ отъ его объясненій при защитѣ проектовъ, я всегда считалъ его за отличнаго студента. Тѣ годы, когда Маціевичъ былъ при мнѣ въ Харьковскомъ Институтѣ 1899 и 1900, были годы сильнаго студенческаго движенія. Я не помню, чтобы Маціевичъ принималъ въ этомъ движеніи руководящее участіе; но онъ былъ хорошій товарищъ и несъ всѣ послѣдствія общихъ рѣшеній. Поэтому онъ потерялъ годъ или два въ Институтѣ для окончанія курса. Но это время онъ использовалъ въ другомъ отношеніи. Мнѣ помнится, что онъ уѣзжалъ на долгій срокъ на практику въ Севастопольскій Портъ. Его дипломный проектъ былъ очень хорошъ и свидѣтельствовалъ объ отличной инженерной подготовкѣ. Кромѣ того, у меня сохранилось живое воспоминаніе о Л. М. Маціевичѣ, какъ о человѣкѣ отзывчивомъ къ чужой бѣдѣ. Я не помню теперь фамиліи того студента, товарища Маціевича, который былъ боленъ туберкулезомъ. Но я помню хорошо то горячее участіе, которое принималъ въ немъ Л. М. Маціевичъ. Кажется, онъ устроилъ

больного въ имѣніи своихъ близкихъ родныхъ и самъ отвезъ его туда.

Послѣ студенческихъ лѣтъ я встрѣтилъ Л. М. Маціевича здѣсь въ Петербургѣ слушателемъ Морской Академіи. Онъ произвелъ и тутъ на меня самое хорошее впечатлѣніе. Онъ оставался такимъ же живымъ, вдумчивымъ, честнымъ, прямымъ человекомъ, какимъ я его зналъ въ студенческіе годы. Послѣ того онъ заходилъ ко мнѣ раза два-три. Онъ подумывалъ о научно-технической дѣятельности въ какомъ-либо изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній и приходилъ побесѣдовать по этому дѣлу. Онъ горѣлъ желаніемъ работать и былъ занятъ составленіемъ серьезныхъ проектовъ и разрѣшеніемъ интересныхъ техническихъ вопросовъ.

Вообще у меня сохраняются самыя свѣтлыя воспоминанія о Л. М. Маціевичѣ, какъ объ очень хорошемъ, отзывчивомъ, искреннемъ, честномъ человѣкѣ и какъ о серьезномъ, работоспособномъ инженерѣ. Я увѣренъ, что онъ оставилъ бы послѣ себя крупный слѣдъ въ области воздухоплаванія, въ которую онъ вошелъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Я искренне оплакиваю его преждевременную, трагическую кончину.

Проф. С. Д. Зерновъ.

Заключеніе слѣдственной комиссіи о причинахъ гибели Л. М. Маціевича.

Мы, нижеподписавшіеся, осматривали остатки аэроплана 25 сентября, на другой день катастрофы, въ 11 час. утра, въ присутствіи товарища прокурора и судебного слѣдователя 3-го уч. Спб. уѣзда.

Аэропланъ, упавшій въ 25 шагахъ отъ трупа кап. Маціевича, представлялъ грудю обломковъ; сверху всего лежали рули направленія, сохранившіеся въ цѣлости; бруски, соединяющіе хвостовую коробку съ поверхностями аэроплана, равно какъ и самыя поддерживающія поверхности, переломаны во многихъ мѣстахъ; руль высоты пострадалъ сравнительно немного; стойки на немъ, отъ которыхъ идутъ рулевые тяги, цѣлы; равно какъ и всѣ рулевые тяги. Ручка отъ руля высоты и боковыхъ крылышекъ изломана на оси вращенія; стойки, соединяющія верхнія и нижнія поверхности, частью поломаны, частью цѣлы; двѣ стойки по бокамъ авіатора выскочили изъ своихъ гнѣздъ, какъ и всѣ остальные; одна изъ нихъ надтреснута: къ этимъ стойкамъ передъ полетомъ кап. Маціевичемъ для опоры спины былъ привязанъ на высотѣ 9 вершк. снизу тонкій троссъ; этотъ троссъ сохранился на стойкахъ. Аэропланъ при своемъ паденіи перевернулся въ воздухѣ и упалъ на землю верхнею частью. Одна лопасть деревяннаго винта разлетѣлась на мелкія части еще при началѣ катастрофы, другая же лопасть упала почти цѣлою; моторъ не былъ выключенъ и продолжалъ вращаться до сопри-

косновенія съ землею, въ которую довольно сильно зарылся; вращеніе мотора въ землѣ подтверждается изгибомъ рычаговъ и тягъ клапановъ. Передняя часть сидѣнья сильно врѣзалась въ землю, такъ что съ трудомъ можно было ее вытащить оттуда. Діагональныя растяжки діам. въ 2 мм. въ передней части всѣ цѣлы; въ задней части около мотора, гдѣ эти растяжки были 3 мм., онѣ лопнули, и одна изъ такихъ оттяжекъ попала въ моторъ, откуда нами была извлечена; на моторѣ видны сбои, по всему вѣроятію, отъ этой проволоки. Передъ полетомъ кап. Маціевичъ взялъ съ собою барографъ, который висѣлъ у него на груди: при паденіи барографъ упалъ и разбился; осколки его собраны въ шагахъ 10 отъ авіатора; барограма цѣла, на которой видно, что катастрофа произошла на высотѣ 385 м. Во время паденія аэропланъ сильно поломался, и его нѣкоторыя деревянныя части попали сверху: такъ, въ шагахъ въ 15 отъ аэроплана упала часть хвостового бруса.

Съ остатковъ аэроплана при разборкѣ снятъ рядъ фотографій; послѣ разборки остатки были перенесены въ сарай, гдѣ они еще разъ осматривались нами 30 сентября.

Самая катастрофа произошла слѣдующимъ образомъ: аэропланъ, находившійся на высотѣ около 400 м., медленно шелъ противъ вѣтра, находясь почти надъ серединою аэродрома. Въ 6 ч. 2 м. лицами, наблюдавшими за аэропланомъ, были замѣчены какія-то неправильныя движенія аэроплана: аэропланъ какъ бы потерялъ жесткость, затѣмъ передняя часть аэроплана нагнулась впередъ и изъ нея выпалъ кап. Маціевичъ ногами внизъ, съ вытянутыми руками вверхъ; приближаясь къ землѣ, кап. Маціевичъ перевернулся въ воздухѣ нѣсколько разъ; въ это время съ шеи его соскочилъ барографъ и упалъ на землю. Кап. Маціевичъ упалъ на землю грудью, кажется, болѣе лѣвою стороною, затѣмъ тѣло подскочило аршина на полтора и упало на спину. На мѣстѣ перваго паденія на землю остался отпечатокъ въ грунтѣ глубиною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 2½ вершка. При самомъ началѣ катастрофы близъ стоявшими около змѣйко-

ваго аэростата были замѣчены падавшіе осколки винта, которые почти всѣ были подобраны публикою сейчасъ же послѣ катастрофы. Аэропланъ послѣ выпаденія авіатора съ вращающимся двигателемъ перевернулся въ воздухѣ, сильно деформировался, частью поломался и упалъ на землю шагахъ въ 20 отъ Л. Маціевича, причемъ двигатель сильно зарылся въ землю и остановился. Полковниками Семковскимъ и Найденовымъ были приняты мѣры къ охранѣ остатковъ аэроплана.

На основаніи разсмотрѣнія остатковъ аэроплана, показаній очевидцевъ и собственныхъ наблюденій, катастрофу можно объяснить слѣдующимъ образомъ: полетъ происходилъ нормальнымъ образомъ; *неожиданно* для самого авіатора лопнула одна или обѣ проволоки діагональныхъ растяжекъ передъ моторомъ, при осмотрѣ эти проволоки оказались порванными, въ то время какъ другія растяжки въ передней части аэроплана сохранились цѣлыми; оборванная проволока попадаетъ въ винтъ и моторъ; одна лопасть отъ удара о проволоку разлетается на мелкіе куски, а другая, почти цѣлая, падаетъ на землю; попавшая проволока въ двигатель своимъ натяженіемъ заставлятъ лопнуть и сосѣднія растяжки, отъ чего нарушается жесткая связь хвоста съ поддерживающими поверхностями. Аэропланъ теряетъ устойчивость, и вслѣдствіе нарушенія жесткости, передняя часть его наклоняется впередъ, *авіаторъ всеми силами старался возстановить устойчивость*, долженъ былъ отклониться назадъ и взять на себя руль высоты. Въ это время проволока, привязанная передъ полетомъ за спиною авіатора, по всему вѣроятію, способствовала ускоренію выпаденія авіатора, такъ какъ авіаторъ, отклонившись назадъ, получаетъ толчокъ въ спину, который передается въ ноги, упирающіяся въ круглый рычагъ діаметра 3 с. отъ руля направленія; вслѣдствіе толчка при наклонномъ аппаратѣ внизъ, ноги легко могли *соскользнуть* и авіаторъ *выскользнулъ внизъ ногами*; такъ какъ правая рука авіатора была на ручкѣ отъ руля высоты, то при паденіи, весьма вѣроятно, авіаторъ схватился инстинктивно и правой рукой за ту же рукоятку;

вслѣдствіе этой нагрузки на рукоятку быть можетъ она сломалась еще наверху, а кап. Маціевичъ оборвался и *сталъ падать вертикально ногами внизъ и съ вытянутыми вверхъ руками*. Поломки аэроплана во время паденія объясняются тѣмъ, что моторъ «Гномъ», лишившись винта и работая вхолостую, причѣмъ вмѣсто винта случайно задержался обломкомъ, вращался весьма неравномѣрно съ большой скоростью и раздергивалъ аэропланъ. Ручка отъ рычага руля высоты могла сломаться и при паденіи на землю аэроплана, такъ какъ она съ большою силою своимъ концомъ ударилась о землю.

Передъ полетомъ кап. Маціевичъ жаловался своимъ механикамъ на усталость и нѣкоторую ломоту въ спинѣ, другимъ же никому объ этомъ не говорилъ. Самый полетъ имъ совершенъ съ цѣлью подготовить себя для полета на высоту на слѣдующій день; въ день же катастрофы онъ собирался подняться только метровъ на 500.

Есть предположеніе, что капитанъ Маціевичъ могъ впасть въ обморочное состояніе и свалиться съ аэроплана, но это предположеніе отпадаетъ, такъ какъ иначе трудно объяснить поломку винта наверху и поломку всего аэроплана въ воздухѣ.

Надо признать весьма вѣроятнымъ, что причина была *непредвидѣнный разрывъ* діагональных растяжекъ діаметромъ 3 мм., разрывъ этотъ можетъ произойти, такъ какъ эти оттяжки и напряжены сильно и подвергаются сильной вибраціи отъ вращенія двигателя; затѣмъ разрывъ растяжекъ еще не такъ опасенъ, какъ опасно попаданіе проволоки въ двигатель и винтъ.

Какъ выводъ изъ этой катастрофы, выходитъ, что необходимо діаметръ этихъ оттяжекъ увеличить и принять мѣры, чтобы, въ случаѣ обрыва, онѣ не могли попасть въ двигатель и винтъ.

Подлинный подписали: военный инженеръ полковникъ Найденовъ, авіаторъ Ефимовъ, авіаторъ Сегно, И. Орловскій.

1 октября 1910 г. Спб.

Чествованіе памяти Л. М. Маціевича въ украинскомъ клубѣ «Громада» въ С.-Петербургѣ.

31 октября памяти Л. М. Маціевича посвященъ былъ вечеръ въ украинскомъ общественномъ собраніи «Громада», членомъ и товарищемъ предсѣдателя которой состоялъ покойный Левъ Макарьевичъ.

Послѣ краткаго вступительнаго слова, сказаннаго дежурнымъ членомъ Правленія Г. К. Голоскевичемъ, слово предоставлено было С. В. Петлюрѣ. Послѣдній — другъ и давній товарищъ почившаго — представилъ очеркъ жизни и дѣятельности Льва Макарьевича и характеристику его личности. Левъ Макарьевичъ происходилъ изъ украинской семьи, родился въ 1876 г., въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, и дѣтство его окружала родная украинская обстановка. Въ обстановкѣ этой и появились первые ростки того національно-украинскаго міровоззрѣнія, которое окрѣпло впоследствии въ годы ученія и стало основой всей его недолгой жизни и дѣятельности. Во время своей службы въ Севастополѣ онъ организовалъ украинскіе спектакли, литературно-музыкальные вечера въ пользу украинскихъ издательскихъ и благотворительныхъ обществъ; по переѣздѣ въ Петербургъ онъ принимаетъ непосредственное дѣятельное участіе въ жизни петербургскаго украинскаго общественнаго собранія «Громада» въ качествѣ товарища предсѣдателя Правленія «Громады»; въ это же время онъ близко входитъ къ кругу интересовъ украинской публицистики и со-

трудничаютъ въ украинскихъ періодическихъ изданіяхъ, соединяя литературную дѣятельность со сложными занятіями инженера-изобрѣтателя. Вообще, по основнымъ своимъ убѣжденіямъ, покойный Л. М. былъ однимъ изъ лучшихъ представителей молодой украинской интеллигенціи. Какъ человекъ, Л. М. оставилъ по себѣ свѣтлую память своей сердечностью, искренностью, своимъ умѣніемъ уважать чужое мнѣніе; отзывчивый на всякое доброе дѣло, онъ помогалъ другимъ и словомъ и дѣломъ; незамѣнимый товарищъ, онъ всегда умѣлъ понять и мысль и настроеніе, посовѣтовать, поддержать въ принятомъ рѣшеніи или указать на ошибку съ рѣдкой прямоотой и въ то же время—въ самой безобидной, деликатной формѣ. Въ жизни рѣдко встрѣчаются такіе хорошіе, умные и чистые душою люди.

Бывшій предсѣдатель «Громады» *Д. К. Лаврентьевъ* посвятилъ докладъ свой характеристикѣ дѣятельности Л. М.—ча въ «Громадѣ» въ связи съ общественною дѣятельностью его вообще. Указавъ на тотъ фактъ, что подавляющее большинство украинской интеллигенціи теряетъ всякую связь съ родной почвой и не чувствуетъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ вскормившему и воспитавшему ее физически и духовно родному народу, докладчикъ остановился на личности Маціевича, какъ на блестящемъ контрастѣ указанному явленію. Онъ не оставался въ долгу передъ своимъ народомъ. Свой природный талантъ, свои силы, свои думы и лучшія желанія все «святая святыхъ» души своей онъ отдалъ такъ обдѣленному родному народу. Маціевичъ—историческій типъ украинца-борца за родину, но только поставленный въ современные условія жизни. Онъ былъ украинцемъ не только по рожденію, но и всѣмъ своимъ существомъ, всею своей жизнью; онъ внимательно изучилъ прошлое своего народа, чутко прислушивался къ современному его голосу—его желаніямъ и стремленіямъ, онъ зналъ свой народъ и былъ въ постоянной, живой и непосредственной связи съ нимъ, и ему же отдавалъ онъ трудъ свой—въ надеждѣ на лучшее его будущее.

Разсматривая, въ частности, дѣятельность Л. М. Маціевича, какъ члена «Громады», докладчикъ отмѣтилъ, что это былъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ, своей кипучей дѣятельностью принесшій много пользы собранію. Онъ привлекалъ новыхъ членовъ, самымъ аккуратнымъ образомъ посѣщалъ засѣданія правленія, принималъ непосредственное участіе въ устройствѣ вечеровъ, не отказываясь отъ самой неблагоприятной, черной работы.

М. П. Дулубинъ прочиталъ докладъ о значеніи личности Л. М. Маціевича въ современной общественной жизни. При отсутствіи сильныхъ натуръ, смѣлыхъ порывовъ, при общей инертности, при узкой «специализаціи» современной личности, какъ печальныхъ послѣдствій «успокоенія» русскаго общества, личность Маціевича является не типичной, не характерной для текущаго момента. Это въ высшей степени активная натура, не мирившаяся съ пассивнымъ состояніемъ окружающей дѣйствительности, со смѣлой стремительностью рвавшаяся впередъ, куда зовутъ лучшіе идеалы человечества. Самый предметъ профессиональнаго его увлеченія авіатикой психологической почвой своей имѣлъ идеалистическій порывъ молодой неудержимой энергіи въ высь, къ разрѣшенію столь заманчивой проблемы завоеванія человѣческимъ геніемъ воздуха. Покойный имѣлъ много данныхъ для разрѣшенія, хотя бы частичнаго, этой проблемы: несомнѣнный талантъ изобрѣтателя, многогранность ума, математическую точность мышленія, широкое образованіе (между прочимъ—знаніе четырехъ иностранныхъ языковъ), необыкновенную энергію и настойчивость. И при всей своей жизненной практичности, эта личность была вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно красива гармоническимъ сочетаніемъ разнообразныхъ элементовъ. И сама смерть Маціевича, при всемъ ея трагизмѣ, была красивой смертью героя.

Красивую рѣчь сказалъ *К. И. Арабаджинъ*. Яркими штрихами онъ очертилъ личность Маціевича и въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности; это была широкая многогранная натура, въ кругозорѣ которой гармонически объединялись самыя разнообразные интересы, различные виды дѣятельности. Докладъ *Н. А. Шадлуна* былъ посвященъ дѣятельности Л. М. Маціевича, какъ инженера-изобрѣтателя вообще и въ области авіатики въ частности. Маціевичъ—не летунъ-спортсменъ. Поднимаясь въ воздушную стихію на своемъ аэропланѣ, сливаясь съ нею, онъ оставался тѣмъ же вдумчивымъ пытливымъ наблюдателемъ стихій и ея законовъ и черпалъ изъ своего воздушнаго опыта практическія указанія для приложенія авіаціи къ другимъ областямъ и къ другимъ своимъ изобрѣтеніямъ. На очереди у него стояло приспособленіе аэроплана для нуждъ флота; аэропланъ, по мысли покойнаго, долженъ былъ путешествовать вмѣстѣ съ кораблемъ, поднимаясь съ него въ воздухъ, въ случаѣ надобности, и обратно возвращаясь на судно. Авіатика потеряла въ Маціевичѣ не только

опытного знатока-практика этого дѣла, но научно образованного и разносторонняго въ технику инженера, который долженъ былъ сказать въ этой области свое новое слово.

По окончаніи докладовъ присутствовавшіе устроили овацію вдовѣ покойнаго, находившейся среди публики.

О. Билоусенко.

Печать о смерти Л. М. Маціевича.

«Русскія Вѣдомости» № 222. 28 сентября 1910 г.

«И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять»...

Погибъ нашъ лучшій авіаторъ. Погибъ на глазахъ у насъ всѣхъ. Невольно хотѣлось плакать, хотѣлось спросить: Зачѣмъ же именно онъ, такой отзывчивый, добрый, энергичный, интеллигентный? Неужели таковы уже законы природы, что во всякомъ новомъ великомъ дѣлѣ человѣчества должны сначала погибать самые лучшіе?

Маціевичъ не былъ, какъ большинство, только практикомъ своего дѣла. Широко образованный и граждански развитой человѣкъ, онъ съ самаго окончанія своего курса въ технологическомъ институтѣ и морской инженерной академіи отдался изысканіямъ по теоріи воздухоплаванія и на прервавшемся для него такъ трагически «праздникѣ воздухоплаванія» чаще другихъ соглашался брать съ собой постороннихъ лицъ. Всего девять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ и я самъ получилъ отъ него, какъ онъ выразился, улыбаясь, «воздушное крещеніе» на этомъ самомъ аэропланѣ № 20, отъ котораго лежитъ теперь на Комендантскомъ полѣ безформенная груда обломковъ...

И невольно хочется упрекнуть этого талантливого воздухоплателя послѣ его смерти: зачѣмъ онъ полетѣлъ такъ высоко, зная несовершенства своего аэроплана? Развѣ не самъ онъ говорилъ, когда я просилъ его передъ нашимъ полетомъ подняться со мной какъ можно выше, что это опасно на его Фарманѣ, что моторъ слишкомъ слабъ и можетъ остановиться въ высотѣ и что хвостъ аппарата всегда кренить внизъ, благодаря чему поддерживать его въ равновѣсіи почти всегда приходится при помощи руля.

И вотъ онъ, всегда смѣлый и предприимчивый, взлетѣлъ одинъ болѣе чѣмъ на пятьсотъ метровъ вверхъ на томъ самомъ аэропланѣ, на которомъ не хотѣлъ летѣть со мной выше одной трети версты. И крушеніе, котораго онъ боялся, произошло...

Я и до этого видалъ Маціевича въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ. Въ бурную погоду 19-го сентября, когда порывы вѣтра доходили по временамъ до 30-ти верстъ въ часъ, онъ сдѣлалъ два съ половиной большихъ круга на аэродромѣ. Его аэропланъ много разъ то подбрасывало въ высоту крутящимися близъ земли теченіями воздуха, то прибывало къ полю, то кренило на бокъ при поперечномъ направленіи вѣтра, какъ бы старавшагося его перевернуть, и онъ все время леталъ въ воздухѣ, какъ по разбушевавшемуся морю. Сердце замирало, глядя на его мужественную борьбу со взволнованной стихіей, и легко и радостно стало на душѣ, когда онъ, наконецъ, благополучно спустился на землю.

Но въ роковой вечеръ 24-го сентября все было спокойно въ воздухѣ. Небо было чисто вверху, и только западъ весь горѣлъ багряными полосами медленно угасающей вечерней зари и скопившихся вдаль надъ моремъ облаковъ.

Какой чудный видъ долженъ открываться передъ нимъ?—думалось мнѣ, когда онъ поднимался надъ полемъ въ этой торжественной обстановкѣ яснаго сѣвернаго вечера... И, какъ бы увлеченный этой картиной, Маціевичъ поднимался все выше и выше. Его полетъ былъ такъ ровенъ и плавенъ, что какъ-то забывалось въ это время то, что онъ уже говорилъ мнѣ и другимъ о несовершенствѣ своего аэроплана при особенно высокихъ подъемахъ. Вдругъ на страшной высотѣ его аэропланъ покачнулся на бокъ, какъ бы переломился по срединѣ, словно бабочка, сложившая свои крылья, и какъ листокъ бумаги, началъ падать зигзагами прямо внизъ, а впереди его все

скорѣе и скорѣе падала темная фигура человѣка. Это продолжалось менѣе полуминуты, но казалось вѣчностью: всеѣмъ сознаниемъ чувствовалось и понималось, что Маціевичъ летитъ въ объятія смерти, ждущей его внизу, и что ничѣмъ уже нельзя его спасти... Многочисленная толпа, казалось, замерла на мѣстѣ. Только потомъ, когда все летѣвшее въ воздухѣ уже лежало вдаль на полѣ, раздался крикъ ужаса толпы, котораго никогда не забудетъ тотъ, кто его слышалъ, и среди него крикъ молодой женщины, его жены, слѣдившей каждый день съ замираніемъ сердца за его полетами болѣе частью гдѣ-нибудь изъ уголка, не выставляя себя на показъ публикѣ...

Затѣмъ всѣ рванулись въ поле, чтобы хоть чѣмъ-нибудь помочь упавшему, если въ немъ какимъ-либо чудомъ еще сохранились слѣды жизни. Но отрядъ конныхъ полицейскихъ ринулся наперерѣзъ и отогналъ всѣхъ насъ отъ мѣста гибели.. Только потомъ, когда Маціевича уже унесли, окруженного всеѣмъ отрядомъ, и поле стало очищаться, мнѣ удалось узнать отъ проходившаго мимо врача, что смерть была мгновенна. Тѣло сохранило человеческую форму, но почти всѣ кости въ немъ были изломаны въ куски.

Совсѣмъ подавленный сознаниемъ безвозвратной гибели этого замѣчательнаго человѣка, который съ перваго же разговора произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе, я машинально направился къ видѣвшейся поблизости бѣлой кучкѣ, лежавшей на землѣ. Это былъ такъ хорошо знакомый мнѣ аэропланъ № 20, теперь—хаотическая груда обрывковъ полотна, порванныхъ проволокъ и сломанныхъ деревянныхъ стержней. Все это низко прижалось къ землѣ, какъ-будто боясь приподняться. Въ небѣ уже загорѣлись звѣзды. Все было тихо и безмолвно въ природѣ. Ни одна травинка не колыбалась кругомъ на полѣ. Было ясно съ перваго взгляда, что причина катастрофы заключалась не въ какой-либо ошибкѣ авіатора, а во внезапной порчѣ его аэроплана. Если бы Маціевичъ самъ упалъ съ сидѣнья, благодаря крутому спуску внизъ, его аэропланъ продолжалъ бы невредимо летѣть, какъ летятъ всѣ заведенныя модели безъ управителей, пока не разбились бы о землю. Но все, что происходило въ высотѣ передъ нашими глазами, говорило о другомъ. Аэропланъ переломился по крайней мѣрѣ за триста метровъ надъ поверхностью земли, и, слѣдовательно, причина гибели была въ томъ, чего опасался и самъ Маціевичъ до своего рокового подъема.

Приходилось уходить. Надъ безмолвнымъ полемъ и остатками погиб-

шаго аэроплана уже давно спустилась темная, безлунная ночь, и миллиарды звѣзд выходили, взамѣн насъ, созерцать мѣсто новаго жертвоприношенія въ вѣчной борьбѣ человѣческаго духа за свое лучшее будущее.

Николай Морозовъ.

Газ. «Рѣчь». Суббота 25 сентября 1910 г.

Всероссійскій праздникъ воздухоплаванія больше не праздникъ. Всероссийскій праздникъ воздухоплаванія превратился въ подвигъ воздухоплаванія. Мы такъ свыклись съ авіаціей въ теченіе этой безоблачной недѣли. Ну, летаютъ! Кто нынче не летаетъ? Мы потеряли уваженіе къ стихіи, которая вчера еще казалась намъ недостижимой. Воздухъ отомстилъ за себя и превратилъ день праздника въ день скорби. Капитанъ Маціевичъ больше не оторвется отъ земли. Завоеватель воздуха вернулъ навсегда на земную свою родину, и въ грудѣ обломковъ превратились его бѣлые крылья.

Смерть капитана Маціевича,—даже у смерти героя есть положительная сторона!—возстановитъ правильную перспективу. Мы поймемъ, какихъ героевъ мы имѣемъ въ лицѣ этихъ скромныхъ офицеровъ, безъ шума и безъ рекламы подготовившихъ Россіи рядъ благородныхъ побѣдъ, превратившихъ для насъ жестокую борьбу съ воздухомъ въ упоительное зрѣлище. Мы такъ долго терпѣли пораженія. Мы срамились на сушѣ и на водѣ. Наши пушки и наши корабли стали притчею во языцѣхъ. И вотъ неожиданно, благодаря самоотверженнымъ трудамъ небольшой группы молодыхъ офицеровъ, мы высоко подняли нашъ угасшій престижъ. Русскіе умѣютъ летать!—сказали за границей. Да, русскіе доказали, что они умѣютъ летать.

Капитанъ Маціевичъ, по своему техническому образованію, по своимъ авіаторскимъ способностямъ, сталъ во главѣ этой группы русскихъ пионеровъ воздушнаго дѣла. Онъ интересовался теоріей воздушнаго дѣла не менѣе, чѣмъ его практикой. Онъ былъ самой судьбой намѣченъ въ руководители авіаціоннаго дѣла въ Россіи. И вотъ онъ погибъ, на глазахъ у тысячной толпы, собравшейся полюбоваться его умѣньемъ владѣть рулемъ, его безстрашіемъ и спокойствіемъ. Онъ умеръ славной смертью, небыва-

лой смертью и кровью своего размноженнаго тѣла отмѣтилъ первую послѣ ряда горькихъ униженій побѣду Россіи.

Капитанъ Маціевичъ больше не оторвется отъ земли. Земля еси и въ землю отыдеши. Но по его воздушнымъ слѣдамъ, вдохновленные его примѣромъ, пойдутъ другіе. Великія дѣла всегда орошаются кровью. И долго не изгладится изъ памяти русскихъ имя капитана Маціевича, перваго русскаго, который покорилъ себѣ воздухъ и геройски палъ, побѣжденный сопротивляющейся еще ревнивой землей...

Влад. Азовъ.

«Нива» № 41. 9 октября 1910 г.

Смерть все время бродитъ около насъ и у всѣхъ на глазахъ постоянно выхватываетъ свои жертвы... Къ этому слѣдовало бы привыкнуть. И мы привыкаемъ къ ней, и ежедневныя смерти, навѣщающія огромный городъ, никому не сжимаютъ сердце болью, кромѣ близкихъ людей умершаго... Почему же эта смерть такъ больно всколыхнула сердце всѣмъ и каждому?

Потому ли, что умеръ человѣкъ большого таланта, труда?.. Потому ли, что его смерть была слишкомъ трагична, слишкомъ вызывающа въ своемъ ужасѣ? Мы думаемъ, что, кромѣ этихъ, есть и еще одна причина—и притомъ самая существенная:—героизмъ этой смерти, равно какъ и героизмъ всей дѣятельности покойнаго капитана Маціевича.

Онъ сталъ намъ близокъ и дорогъ не своими душевными качествами (за исключеніемъ, конечно, храбрости, которая была для всѣхъ очевидна). Мы не знали Маціевича, какъ человѣка. Но онъ сталъ близокъ и дорогъ всѣмъ и каждому, какъ герой, какъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые на глазахъ у всѣхъ дѣлаютъ такое дѣло, на которое рядовой человѣкъ не рѣшится, потому что пожалеетъ самого себя, свое здоровье, свою спокойную жизнь. И притомъ такое дѣло, которое по самому существу своему было героично и необычайно: завоеваніе воздуха, покореніе самой капризной, самой трудной для покоренія стихіи. Маціевичъ, какъ и его товарищи, совершалъ такое дѣло, за которое въ средніе вѣка его бы сожгли, какъ за попытку превратиться въ существо сверхчеловѣческое, обладающее каче-

ствами небожителя. Его дѣятельность была попыткою возвысить и улучшить слабого и бѣднаго силою чловѣка и дать ему новое могучее средство для побѣды надъ природой.

И когда онъ, скромный морской офицеръ, пошелъ на завоеваніе воздуха и, пренебрегая явной и слишкомъ часто проявляющей себя опасностью, сталъ организовать и совершенствовать новое у насъ и такое важное дѣло военного воздухоплаванія, и когда мы увидѣли его носящимся по воздуху на «крыльяхъ мужества», мы полюбили его уже за одно это,—за то, что онъ герой, за то, что онъ предпочитаетъ спокойной и безопасной жизни героическую жизнь, полную мужества и разума, цѣлесообразнаго пренебреженія опасностью... И поэтому, когда въ несчастный день 24 сентября онъ упалъ со страшной высоты на Комендантское поле и у всѣхъ на глазахъ разбился на-смерть, эта смерть всколыхнула всѣхъ людей—и простыхъ и знатныхъ, и большихъ и малыхъ, и знавшихъ Маціевича, какъ чловѣка, и не знавшихъ,— и объединила всѣ круги, сословія, положенія и партіи горькой скорбью...

Земля взяла свое. Желѣзный законъ «искупительной жертвы» далъ наконецъ знать себя, усыпивъ сначала насъ временнымъ и призракнымъ «благополучіемъ» полетовъ.

28 сентября состоялись похороны Л. М. Маціевича. Давно уже Петербургъ не видалъ такихъ похоронъ. Улицы, по которымъ двигалась печальная процессія, были буквально залиты народною волною. Всѣ, кому дорога память о погибшемъ героѣ, пришли проводить его. Высшая администрація, ученые, литераторы, учащіеся, простой народъ, мужчины, женщины, дѣти—всѣ смѣшались въ толпѣ.

На гробъ покойнаго было возложено громадное количество вѣнковъ отъ отдѣльных лицъ и учреждений. Въ память его открытъ рядъ подписокъ: на стипендію его имени, на призъ его имени, и на памятникъ на мѣстѣ его гибели. На этомъ мѣстѣ стоитъ маленькій скромный крестъ и осѣняетъ срапную впадину на землѣ...

Миръ его праху и слава его памяти!

«Русскія Вѣдомости» № 223. 29 сентября 1910 г.

«Не рыдай такъ безумно падъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ».

Петербургская осень открыла свое настоящее лицо. Дождь, вѣтеръ. Въ удѣльномъ паркѣ деревья порѣдѣли, и сквозь голые сучья проступаетъ вдали желтый и новый заборъ аэродрома. А надъ заборомъ никто не летаетъ. Кончился праздникъ...

Завтра, говорятъ, возобновятся полеты, если небо позволитъ. Будетъ день шестой, второй и послѣдней недѣли. И похороны будутъ съ музыкой, по первому разряду. Небо плачетъ холодными слезами надъ могилой погибшаго героя. Желтые листья вьются кругомъ, какъ будто обрывки истерзаныхъ крыльевъ разбитой машины.

Въ пятницу передъ нашими глазами свершилось непоправимое. Дрогнула крылатая рѣшетка и нырнула, и будто сломилась, и вдругъ обернулась колесами кверху, въ сѣромъ небѣ высоко колесами кверху.... И выпалъ чловѣкъ, такой маленькій и черный, трепыхаясь, какъ подстрѣленная птица, и будто растаялъ внизу за деревьями. Въ грядущей войнѣ такъ будутъ падать крылатые люди, подстрѣленные на-лету мелкимъ снарядомъ изъ твердо-алюминіеваго дула. Ибо уже оцетинилась война и готовится снятъ багровыя сливки съ этой новой побѣды надъ природой, великой и еще неясной.

Въ Западной Европѣ летучіе люди вырвались изъ огороженного мѣста и летаютъ на волѣ изъ города въ городъ. Наши летаютъ еще на кругу, какъ будто на кордѣ. А публика смотритъ съ трибуны. Пять рублей или двадцать копеекъ. Каждый оплаченный взглядъ устремляется снизу на небо. Гдѣ же найдется еще другое, подобное зрѣлище? Гладіаторы въ небѣ... Если они долго не летаютъ, публика ропщетъ. Мы заплатили за вашу опасность! Занавѣсь, время!

Циркъ и звѣринецъ, бой быковъ и театръ сильныхъ ощущеній,—все пустыки передъ этимъ замираніемъ сердца.

День пройдетъ или два, и ломаются чьи-нибудь члены.

На прошлой недѣлѣ Кузминскій воткнулся въ землю желѣзнымъ моторомъ и собственнымъ плечомъ и распугалъ лошадей на извозничей биржѣ. Мимо насъ его пронесли въ кровавыхъ носилкахъ. Онъ шевелилъ разбитой рукой и говорилъ какъ-будто въ забытіи: «Я еще полечу, я полечу!»

Кузминскій уже оживаетъ, бѣдный Шавезъ въ Домодоссолѣ все бредилъ передъ смертью: «Вѣтеръ. Какой ужасный вѣтеръ». Нашему русскому Шавезу не было дано даже вздохнуть передъ смертью. Взлетѣлъ человѣкомъ, а свалился на землю мѣшкомъ съ разбитыми костями.

Онъ умеръ. Снимите шапки. Но я хотѣлъ бы воздать почеть не мертвому, живому. Еще вчера вѣдь это былъ живой Маціевичъ.

Съ горячимъ сердцемъ, со стальными нервами, съ холодными глазами, инженеръ-механикъ, военный капитанъ, техникъ, спортсменъ и воинъ.

Новая порода людей народилась на свѣтѣ. Или, точнѣе говоря, выявилась, сложилась и всплыла на жесткомъ фонѣ расцвѣта механическаго вѣка.

Такой породы еще не бывало съ тѣхъ поръ, какъ большая обезьяна спустилась съ деревьевъ и встала на землю и пошла по своей странной дорогѣ, поднявъ голову кверху и просвѣтляя гримасу улыбкой.

Вотъ они пролетаютъ передъ нами въ хрупкой стальной паутинѣ.

Воздухъ не любитъ шутить, аэропланъ хуже, чѣмъ дикая лошадь. Сложность мысли и точность движеній—вотъ узда для стихій въ рукахъ человѣка грядущихъ временъ.

Онъ еще не явился, но явится скоро. То, что мы видимъ, только намеки. Новый лебедь двадцатаго вѣка подобенъ Икару. Лучшіе падають въ бездну, какъ искры подъ вѣтромъ, и гаснутъ во мракѣ. Ролльсъ и Шавезъ, оба Кине и оба Морана и нашъ Маціевичъ. Гекторъ во гробѣ. Скоро въ синодикѣ мѣста не будетъ для новыхъ именъ.

Жалко до слезъ, до боли и до крика, какъ-будто ревнивый Аполлонъ убиваетъ дѣтей Ніобеи на выборъ незримыми стрѣлами. А все-таки вспомнишь этотъ послѣдній ужасный полетъ и, пожалуй, позавидуешь. Былъ человѣкъ и мелькнулъ метеоромъ и исчезъ. Въ разгаръ борьбы, въ расцвѣтѣ силъ и юности какъ-будто взорвался и вспыхнулъ и пѣть его больше. Онъ сго-

рѣлъ, но мы вѣдь тоже истлѣемъ, какъ ржавые гвозди въ болотѣ, медленно, кисло, лѣнливо...

Гекторъ во гробѣ... Небо плачетъ надъ могилой погибшаго героя!

Слава Гектору во гробѣ:

Онъ красой Пергама былъ.

Танъ.

«Новое Время» № 12413. 2 октября 1910 г.

Мѣсяцъ назадъ никто не зналъ о существованіи капитана Маціевича; во вторникъ за гробомъ его двигалась стотысячная толпа. Въ смерти Маціевича, какъ и въ славѣ его, есть что-то феерическое. Геройство, геройская смерть—повторяется изъ устъ въ уста. Но героевъ на Руси бездна, геройство проявляется у насъ въ самыхъ сѣрыхъ житейскихъ будняхъ, а геройскою смертью умерли десятки тысячъ Русскихъ за одну прошлую войну. Далеко не всѣхъ героевъ хоронятъ у насъ, какъ хоронили Маціевича; далеко не всякая геройская смерть даетъ вѣнецъ славы. Сравните подвигъ Маціевича съ подвигами тѣхъ, кто въ Портъ-Артурѣ, при Цусимѣ, подъ Мукденомъ, Ляояномъ и другихъ мѣстахъ этой сказочной борьбы орла съ дракономъ шли на *вѣрную* смерть, проливали кровь «за други своя», спасали честь и достояніе родины, и получите невыгодную для покойнаго авиатора параллель. Маціевичъ погибъ, геройски—погибъ на посту и при выполненіи гражданскаго долга. Но тѣ моряки, что на «Варягѣ», подъ командой Руднева, шли навстрѣчу цѣлому японскому флоту, погибли сверхгеройски; тотъ рядовой, что открылъ кингстоны гибнущаго «Стережущаго», погибъ архигеройски. И, однако, ни такой славы, ни такихъ почестей они не заслужили. Почему?

Глядя на похороны Маціевича, я поразился прежде всего полнѣйшей ихъ антиполитичностью. Такихъ похоронъ, кажется, еще не бывало у насъ. Гимназисты, студенты, курсистки, журналисты, офицеры, жандармы—всѣ профессіи, всѣ группы, всѣ лагеря и состоянія объединились у скромнаго дубоваго гроба съ вѣнчавшей его треуголкой. Подчеркнутый политическій характеръ похороонъ Коммиссаржевской, Достоевскаго и другихъ свидѣ-

тельствуетъ, что въ Россіи даже за гробомъ не прекращается борьба двухъ міровъ, не обрывается протестъ, которымъ отравлено у насъ всякое общественное явленіе. Маціевичъ какимъ-то чудомъ избѣгъ этой участи. Его трупъ словно заполнилъ пропасть между правой и лѣвой Россіями. «Нѣсть Эллина, ни Іудея»—за гробомъ погибшаго авіатора, какъ нѣтъ двухъ мнѣній о заслугахъ русскихъ піонеровъ воздухоплаванія. Въ этомъ смыслѣ авіація, пожалуй, единственный фактъ русской жизни, не внесшій раздора въ нашъ обиходъ, не прозвучавшій диссонансомъ. Кадеты, октябристы, черносотенцы и даже, я думаю, социалисты не разошлись въ оцѣнкѣ заслугъ піонеровъ авіаціи. И потому смерть Маціевича отозвалась во всѣхъ русскихъ сердцахъ одинаковой болью. Мнѣ представляется, что это единодушіе скорби, незримая связь, которою тѣнь погибшаго авіатора охватила всѣ круги русского общества, это смягченіе ожесточенныхъ сердецъ у гроба погибшаго, это обезвреженное смертью жало смерти—вотъ что сдѣлало изъ смерти Маціевича событіе, а изъ похоронъ его пышный праздникъ печали. Глядя, какъ въ потокъ слѣдовавшихъ за колесницей людей тѣсно жались другъ къ другу: блестящій лейбъ-гусарь, мастеровой, студентъ, курсистка и членъ Г. Думы, влажный взоръ невольно устремлялся къ дубовому гробу-талисману такого чудеснаго объединенія.

И хотѣлось за что-то благодарить покойнаго,—за то, что гораздо выше авіаціи и подвиговъ мужества...

Если бы русское общество нуждалось въ экзаменѣ на право приобщенія къ европейской гражданственности, мнѣ кажется, такимъ экзаменомъ могло бы служить наше отношеніе къ авіаціи и къ жертвамъ ея.

Авіація—первое культурное дѣло въ Россіи, не отравленное политикой. Своимъ отношеніемъ къ авіаціи общество показало, какъ нѣжно умѣетъ оно лелѣять плодъ культуры, цѣнить тружениковъ на этомъ поприщѣ, сохранять порядокъ, блюсти честь и достоинство страны, безъ помощи полиціи, безъ руководства власти.

Когда тѣло Маціевича, повинаясь закону тяготѣнія, летѣло къ землѣ, публика, говорятъ, выла, зубами скрежетала. Такъ выли, должно быть, подъ напоромъ Татаръ, Гунновъ. Вой и скрежетъ толпы передъ сокрушающей силой «случая»—вотъ образъ культурнаго человѣчества, побѣдившаго стихіи. На аэродромѣ, гдѣ убится Маціевичъ, были тысячи людей, одарен-

ныхъ искрами генія, зажженныхъ отвагой, закаленныхъ борьбой; а надъ ними—мертвая, тупая и, оказался, побѣжденная стихія. Но одинъ изъ законовъ этой стихіи подстерегъ своего побѣдителя, ударилъ его сзади, изъ-за угла—подло, предательски. И геній летитъ, какъ камень.

Геройство Маціевича можетъ быть и не выдерживаетъ сравненія съ геройствомъ взрывающаго свой корабль матроса. Но смерть его стоитъ любой геройской смерти—по красотѣ, по величію контрастовъ, по вызванному потрясенію. Отозвавшись на нее, общество отдало дань не только чувству скорби и удивленія, но еще и всечеловѣческой солидарности передъ общимъ врагомъ прогресса—передъ жестокимъ слѣпымъ случаемъ. Вотъ почему, послѣ первыхъ минутъ столбняка, послѣ воя и скрежета безсилія, общество тотчасъ же сомкнуло ряды надъ выжившимъ изъ строя. «Не запугаете»,—говоритъ оно своимъ бодрымъ порывомъ, своей единодушной скорбью. Какъ всегда, когда нарастаетъ волна отваги, впереди—молодежь, символъ отваги. Похороны Маціевича, при всей ихъ помпезной грусти, показались мнѣ поэтому свѣтлыми и радостными: надъ дубовымъ гробомъ, надъ толпой, надъ цвѣтами, надъ похоронными звуками, надъ удивленіемъ и грустью виталъ символъ человѣческой солидарности. «Не запугаете!» Общество не запугано жестокимъ «случаемъ». Не запуганы и авіаторы. На зло «случая», какъ бы издѣваясь надъ нимъ, останки Маціевича сопровождалъ парящій дирижабль. Лучшихъ поминокъ погибшему справить было нельзя. Умеръ Маціевичъ,—да здравствуютъ Маціевичи!

Рогдай.

«Рѣчь» № 207. 29 сентября 1910 г.

Въ это яркое солнечное утро за гробомъ Маціевича шла многотысячная толпа.

Тутъ были люди всѣхъ ранговъ, отъ министровъ до рабочихъ, отъ генераловъ до мужиковъ.

Торжественно-печальныя волны похоронной музыки, горы цвѣтовъ, колымавшихъ на бѣлыхъ колесницахъ, блескъ мундировъ,—все это бывало ужъ не разъ.

Бывали и раньше эти толпы молодежи за траурными колесницами.

Когда хоронили Трубецкого, Коммиссаржевскую, были такі же, а может быть, еще большія толпы молодежи.

Но никогда еще не бывало на Руси такого необычнаго соединенія.

Никогда еще молодежь русская не объединялась въ такомъ числѣ подъ звуки военной музыки, вокругъ окруженной блескомъ мундировъ колесницы съ гробомъ человѣка военного.

Трудно исчислить, сколько народа провожало прахъ Маціевича, но когда я посмотрѣлъ на это шествіе сверху, съ одного изъ балконовъ на Невскомъ, меня поразило это количество студенческихъ фуражекъ.

Точно по межамъ тянулись по обочинамъ, сплетаясь въ цѣпи, все тѣ же фигуры въ темныхъ пальто и синева-зеленыхъ фуражкахъ.

Когда молодежь запружала улицы во время похоронъ Трубецкого, когда она тѣснымъ кольцомъ окружала гробъ Коммиссаржевской, она была въ своемъ кругу.

Маціевичъ былъ счастливъ и въ страшной гибели своей.

Онъ умиралъ на глазахъ тысячной толпы, умиралъ почти невиданной смертью на страшной высотѣ, и въ нашемъ сознаніи ужасъ его гибели запечатлѣлся въ озареніи страшной красоты.

Спортъ, зрѣлище, соперничество въ отвагѣ—для однихъ, предтечи грядущихъ побѣдъ для другихъ—полеты слишкомъ быстро стали покрываться сѣрымъ налетомъ обыденности.

И вдругъ эта сѣрая завѣса разодралась, и изъ невѣдомой глубины выглянуло трагическое лицо ужаса.

Маціевичъ, самый спокойный и самый уравновѣшенный изъ этой стаи славныхъ смѣльчаковъ, человѣкъ, который вносилъ въ новое дѣло не спортивное чувство, а идейную сознательность и серьезность теоретическаго знанія,—срывается на страшной высотѣ и падаетъ внизъ, какъ подстрѣленный орелъ.

И въ ужасѣ возможна трагическая красота, и въ глубокомъ горѣ возможно горькое счастье красивой печали. И ужасная поэзія обвѣяла смерть Маціевича, и молодежь чутко откликнулась на эту поэзію красивой смерти и смѣлаго подвига.

Подъ военнымъ мундиромъ Маціевича молодежь узнала и почувствовала своего родного и близкаго ей по духу человѣка.

«Человѣкъ онъ былъ» и ничто человѣческое,—наука, искусство и общественность,—не было ему чуждо.

Чувствовалось, что тутъ, по отношенію къ этому человѣку, по отношенію къ строю его чувства и мысли нѣтъ и не можетъ быть отчужденія, что и въ его груди трепетали тѣ струны, что звучатъ въ сердцахъ лучшихъ русскихъ людей, что онъ дѣлилъ съ ними и печали, и упованія.

И къ концу печально-торжественнаго шествія, въ ограду Александровской Невской лавры влилась такая же огромная толпа молодежи, какъ въ тотъ день, когда хоронили Коммиссаржевскую.

И какъ бы завершая шествіе, на Невскомъ показался плывущій по воздуху дирижабль и медленно сталъ кружить надъ мѣстомъ послѣдняго отпѣванія.

Надъ прахомъ погибшаго, сломленнаго духомъ тяжести, побѣдно парилъ этотъ волшебный воздушный корабль и сказочной, фантастической красотой своего полета вселялъ въ сердца новую увѣренность и надъ свѣжей могилой твердилъ свое:

— А все-таки побѣдимъ и полетимъ.

Красивымъ символомъ побѣды и жизни рѣялъ воздушный корабль надъ полемъ смерти.

Этотъ полетъ надъ могилой, этотъ послѣдній привѣтъ съ высоты, былъ самымъ красивымъ, самымъ лучшимъ вѣнкомъ на гробъ Маціевича.

С. Любошъ.

«Русская Мысль» кн. XI 1910 г.

Въ похоронахъ этого трагически-погибшаго смѣлаго человѣка была одна новая черта, намекъ на нѣчто новое въ русской жизни. И какъ ни слабъ былъ этотъ намекъ, тѣ, для существованія и роли которыхъ въ немъ скрыта сильная угроза, поняли его и поспѣшили отозваться. Съ одной стороны, г. Пуришкевичъ выступилъ съ заявленіемъ, что онъ не могъ принять участія въ похоронахъ кап. Маціевича, такъ какъ ими овладѣла революціонная толпа, съ другой стороны, въ одной провинціальной радикальной газетѣ послышались ясныя ноты недовольства.

Массовое участіе радикальной молодежи въ похоронахъ кап. Маціевича, дѣйствительно, придадо имъ особый интересъ. Кѣмъ былъ покойный? Офицеромъ русской арміи, всѣ свои силы и все свое мужество отдавшимъ на увеличеніе боевой мощи Россіи, сначала въ подводномъ, а затѣмъ въ воздушномъ плаваніи. Онъ служилъ народу и родинѣ, но непосредственно находился на службѣ у такого правительства, которому радикальная молодежь, какъ извѣстно, не особенно сочувствуетъ. То, что молодежь сердцемъ поняла, что армія стоитъ внѣ партій и политики, что выдающіеся ея дѣятели честные, мужественные, смѣлые принадлежать всей Россіи и дороги всѣмъ русскимъ людямъ независимо отъ ихъ политическихъ воззрѣній—и составляло самую яркую черту похороиъ Маціевича, превратило ихъ въ Общественное событіе».

А. Изюговъ.

«Петербургскія Вѣдомости» 26 сент. 1910 г. № 216.

Современная матеріальная культура, съ экспрессами и автомобилями, создала особый типъ идеалистовъ-подвижниковъ. Это—не аскеты далекаго прошлаго, не отшельники отъ міра, ради душевной чистоты которыхъ міръ стремился къ нимъ въ пустыни, это—люди, сумѣвшіе въ своихъ изысканіяхъ и попыткахъ соединить съ техническимъ успѣхомъ высочайшее духовное наслажденіе побѣдой надъ матеріей и сознаніе своей духовной мощи.

Въ лицѣ нашихъ молодыхъ авіаторовъ и, главнымъ образомъ, перваго изъ нихъ, погибшаго капитана Маціевича, этотъ типъ современныхъ героевъ духа объединилъ для насъ высокіе порывы къ идеалу и общечеловѣческому счастью съ побѣдой надъ непокоренной еще человѣкомъ стихіей—воздухомъ.

Стремленіе къ небу, въ высъ, издавна является символомъ особой духовной силы и высшаго духовнаго развитія человѣка, при которомъ онъ не можетъ удовлетвориться пошлыми, будничными интересами. «Рожденный ползать—летать не можетъ», точно такъ же и рожденный летать не захочетъ да и не можетъ приковать свой духъ къ житейскимъ мелочамъ. «Будь онъ проклятый, растлѣвающій, пошлый опытъ, умъ глупцовъ»,—говорилъ тоскующій по правдѣ, по высшемъ идеалѣ поэтъ. Духомъ такой человѣкъ всегда

будетъ витать въ небесахъ. Исконной чертой русскихъ идеалистовъ является подвижничество и мученичество, ими запечатлѣлъ свою смерть и покойный Маціевичъ. Къ именамъ народныхъ русскихъ героевъ отнынѣ будетъ присоединено и его имя, сдѣлавшееся такимъ популярнымъ за эти немногіе дни успѣховъ русской авіаціи.

Маціевичъ и его товарищи, несмотря на неблагопріятное для дѣла внесеніе спортивнаго начала въ авіацію, своей глубоко идеалистической преданностью этому дѣлу сумѣли придать ему возвышающій душу элементъ. Обаятельное впечатлѣніе отъ личности Маціевича на людей, близкихъ ему и входившихъ въ непосредственное съ нимъ общеніе, передалось и всей громадной толпѣ, которая любовалась его отважными полетами. Вслѣдъ за нимъ и всѣ наши молодые офицеры-авіаторы, по отзывамъ газетъ, успѣли составить себѣ совершенно особую репутацію людей, стремящихся не къ спортсменскимъ побѣдамъ, а самоотверженно преданныхъ дѣлу и проникнутыхъ серьезнымъ сознаніемъ своего долга передъ народомъ и родиной. Маціевичъ особенно выдавался среди своихъ товарищей этими качествами, наряду со своей интеллигентной простотой и скромностью.

Пусть его чистый образъ будетъ вѣчно руководящимъ въ борьбѣ за счастье и успѣхи человѣчества!

Л. С—ій.

«Петербургскія Вѣдомости» 26 сент. 1910 г. № 216.

Еще одна тяжкая драма на пути завоеванія воздуха, еще новая жертва на пути познанія мало изслѣдованной стихіи! Герой этой ужасной трагедіи, сознательно отдавшій жизнь свою новому дѣлу авіаціи, молодой, полный энергіи и силъ капитанъ Маціевичъ—далеко не заурядная фигура среди авіаторовъ. На путь авіаціи увлекли его не спортивный духъ нашего времени, не жажда славы или наживы: увлекъ его теоретическій интересъ ученаго-спеціалиста и практическій интересъ новой отрасли техники для военнаго дѣла, интересъ военнаго инженера...

Покойный Левъ Макаровичъ былъ выдающимся спеціалистомъ, работавшимъ до самого недавняго времени надъ созиданіемъ подводнаго флота,

и въ лицѣ его русскій флотъ потерялъ, быть можетъ, самую крупную величину.

Полный постоянной кипучей энергіи, всю жизнь свою проведеній въ напряженномъ, неослабномъ трудѣ, Левъ Макаровичъ почти не имѣлъ ни минуты покоя или отдыха, почти не имѣлъ постоянного мѣста жительства. Едва закончивъ проектъ подводной лодки, онъ уѣзжалъ въ командировку въ Германію, едва вернувшись изъ-за границы—ѣхалъ въ Либаву читать лекціи офицерамъ подводнаго флота. Заинтересовавшись всего лишь въ 1909 году теоретическими вопросами воздухоплаванія, лѣтомъ нынѣшняго года онъ—уже въ Парижѣ, затѣмъ—въ школѣ практическаго воздухоплаванія въ По во Франціи, въ сентябрѣ уже онъ—выдающійся авіаторъ, овладѣвшій практически тѣмъ дѣломъ, теоретической и практической разработкѣ котораго онъ намѣревался посвятить себя въ ближайшее время. По окончаніи недѣли авіаціи, онъ собирался въ Севастополь для обученія воздухоплаванію офицеровъ флота.

Левъ Макаровичъ зналъ очень хорошо, куда онъ идетъ и чего онъ можетъ ждать на пути своемъ. Еще на-дняхъ, встрѣтивъ знакомаго въ театрѣ, на вопросъ, какъ идутъ дѣла съ полетами, онъ сказалъ:

— Пока еще не переломалъ себѣ ногъ.

— А развѣ опасность такъ велика?

— Одного порыва вѣтра достаточно, чтобы опрокинуть аэропланъ. Я уже пережилъ мгновенія, когда отъ четверти секунды зависѣло упасть или не упасть на землю.

Опасности этой онъ смотрѣлъ прямо въ глаза. На вопросъ интервьюера на прошлой недѣлѣ, онъ сказалъ:

— Мы обязаны каждую минуту рисковать своей жизнью.

Своей смертью онъ доказалъ, что это не было фразой: онъ отдалъ себя сознательно въ жертву новому, любимому дѣлу и долгу.

Левъ Макаровичъ родился въ Малороссіи, страстно любилъ свою родину Украину, и любимымъ его языкомъ въ интимномъ кругу былъ украинскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ свободно. «Нехай йому земля перомъ!»—скажутъ отъ всей души его друзья-украинцы и всѣ, знавшіе этого тихаго, задумчиваго, мечтательнаго и энергичнаго сына далекой родины его—Украины.

Не пора-ли, однако, хотя бы въ знакъ траура по погибшемъ скромномъ героѣ нынѣшняго печальнаго дня прекратить «праздникъ» воздухоплаванія и на будущее время отказаться отъ подобныхъ «праздниковъ»? Серьезныя и большія задачи воздухоплаванія едва ли разрѣшаются въ той обстановкѣ, которая извѣстна всѣмъ, посѣщавшимъ послѣднюю недѣлю аэродромъ въ Коломягахъ. Быть можетъ, цѣнная жизнь выдающагося работника была бы еще надолго сохранена для великаго дѣла, для государства, общества и семьи, если бы работа Маціевича и его товарищей происходила въ спокойной, дѣловой атмосферѣ, а не подъ аплодисменты возбужденной нервно толпы, подъ аккомпаниментъ газетныхъ статей, въ атмосферѣ спорта, наживы и сильныхъ ощущеній...

Н. Могиланскій.

«Петербургскія Вѣдомости» 26 сент. 1910 г. № 216.

«Всероссійскій праздникъ воздухоплаванія» заканчивается всероссійской панихидой... Не стало гордости Россіи! Погибъ Л. М. Маціевичъ, въ нѣсколько дней поднявшій общій духъ во всей родной странѣ, возвратившій ей славу земли, рождающей смѣлыхъ, мужественныхъ людей. Весь міръ въ теченіе двухъ недѣль слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на Комендантскомъ полѣ Петербурга, и, перечисляя имена прославившихся на немъ, наиболѣе часто поминалъ имя неумимаго Маціевича.

Бывавшіе на аэродромѣ за эти дни съ любовью смотрѣли на родныхъ авіаторовъ и знали всѣхъ въ лицо, изучили всѣ ихъ привычки и съ гордостью говорили о русскомъ летунѣ Маціевичѣ, надѣясь въ близкомъ будущемъ увидѣть его во главѣ русскаго воздушнаго флота.

Не бывавшіе на полетахъ,—какъ живущіе въ Петербургѣ, такъ и находящіеся въ отдаленныхъ углахъ Россіи,—съ нетерпѣніемъ ждали газетъ, чтобы узнать о томъ, что происходитъ на Комендантскомъ полѣ.

Это было повтореніемъ того же, что происходило въ русско-японскую войну въ первый ея періодъ, когда мы были еще полны надеждъ на благополучный исходъ нашей войны, съ той, однако, разницей, что теперь съ первыхъ же дней кампаніи мы почувствовали въ себѣ силу. И это чувство со-

обшили намъ наши военные воздухоплаватели. Назначенный праздникъ сталъ уже дѣйствительнымъ праздникомъ. Уже масса постороннихъ лицъ, помимо летуновъ, испытала возможность воздухоплаванія; и не на дирижабляхъ, а на аэропланахъ, чего до сихъ поръ нигдѣ не было.

Левъ Макаровичъ не мало способствовалъ этому. Онъ сдѣлалъ наибольшее количество полетовъ за это время. Сила, мощь, энергія были на его сторонѣ, но, помимо ежедневныхъ полетовъ въ послѣднее время, онъ былъ занятъ многочисленными работами, посвященными тому же воздухоплаванию. Въ день своей смерти Л. М. былъ занятъ мыслью объ устройствѣ ремонтной мастерской для аэроплановъ и въ тотъ же день на эту работу получилъ необходимые средства... И его не стало...

За нимъ числится восемь лѣтъ неустаннаго труда... Передъ послѣднимъ полетомъ онъ, какъ передаютъ газеты, говорилъ:

— Усталъ я ужасно за эти дни. Почти не могу разогнуть спины... Я сегодня много летать не хочу. Долечу до 500 метровъ и спущусь обратно. Тогда ужъ испробую аппаратъ Соммера, который сегодня собралъ.

«Усталъ», «спущусь» и снова за работу...

Не мы ли виноваты въ томъ, что допустили его до усталости, не мы ли виновники его смерти?.. Тогда не смѣть намъ никакими слезами нашей вины.

А теперь склонимъ наши головы надъ прахомъ почившаго и сохранимъ вѣчную память по славномъ русскомъ воинѣ-летунѣ Львѣ Макаровичѣ Маціевичѣ: да живетъ эта память въ нашихъ сердцахъ до конца нашей жизни и съ благодарностью перейдетъ въ потомство!..

В. Пинчукъ.

«Петербургскій Листокъ» № 271 3/х 1910 г.

Уже девять дней съ нами нѣтъ незабвеннаго Льва Макаровича Маціевича.

Ровно девять дней тому назадъ безумно-храбрый Икаръ понесся привѣтствовать яркое солнце; но гордая стихія возмутилась смѣлымъ поступкомъ челоѣка и низринула дерзкаго въ пропасть.

Спокойно лежалъ въ гробу Икаръ, и взоръ его съ нѣмымъ укоромъ смотрѣлъ на небо:—«Вѣдь я привѣтствовалъ тебя»... И плакало небо; горькими слезами просило оно прощенія у челоѣка.

«Встань, Икаръ!..»

И Икаръ простилъ небу.

Теплыми, свѣтлыми лучами провожало уснушаго солнце, челоѣкъ простилъ ему.

Умеръ Маціевичъ! Сколько безграничнаго горя, безпредѣльной скорби было въ выраженіи тѣхъ, которые провожали отважнаго летуна къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія. Всѣмъ онъ сталъ дорогъ. Кровавою жертвою палъ смѣлый герой въ борьбѣ съ воздушной стихіей.

— Погибъ воздухоплаватель, да здравствуетъ воздухоплаваніе!—воскликнуть кто-то на могилѣ покойнаго. И казалось, что этими словами гордый духъ уснушаго Икара благословилъ своихъ послѣдователей.

Пусть помнятъ они, что наука и знанія не могутъ обойтись безъ жертвъ. Жертвы есть, были и будутъ.

Погибъ Маціевичъ, умеръ Шавезъ, искалѣченъ Моранъ, но живы Ефимовъ, Піотровскій, Рудневъ, Лебедевъ и другіе герои, имя которымъ легіонъ. Вѣчная память герою, вѣчная слава живымъ!..

С. Пар—въ.

«Копѣйка» № 788. 25 сент. 1910.

Вчера русское воздухоплаваніе понесло тяжелую утрату.

Разбился на смерть, упавъ съ высоты 400 метровъ, отважный авіаторъ кап. Л. М. Маціевичъ. Молодой, смѣлый, жизнерадостный, полный надеждъ, упоенный побѣдой надъ непобѣдимой до сихъ поръ стихіей, за нѣсколько минутъ до катастрофы онъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ окружающихъ своимъ свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ.

А черезъ нѣсколько минутъ, забравшись подъ облака, онъ упалъ оттуда на землю бездыханнымъ трупомъ.

Л. М. Маціевичъ погибъ, служа родинѣ, служа всѣмъ намъ; его жизнь принесена въ жертву нашему благополучію, и страна, народъ должны,

не могут не увековечить для потомства имя того, кто так беззавѣтно жертвовалъ ради нихъ своей молодой—и, вѣроятно, счастливой—жизнью, каждую минуту, каждое мгновение въ своемъ пребываніи въ воздухѣ.

Русскій народъ долженъ воздвигнуть памятникъ безстрашному пионеру русскаго военнаго воздухоплаванія и мы, открывая для этой цѣли сборъ пожертвованій, призываемъ всѣхъ нашихъ читателей откликнуться на нашъ призывъ и жертвовать—кто сколько можетъ.

Мы знаемъ, что большинство читателей «Газеты Копѣйки»—люди небогатые, но не надо смущаться размѣрами пожертвованій. Важнѣе не размѣръ пожертвованій, а самый фактъ его, участіе въ этомъ народномъ дѣлѣ. Копѣйки бѣдняковъ, въ концѣ концовъ, не будутъ меньше тысячъ, что дадутъ богачи: бѣдныхъ много. Нужно только, чтобы въ этомъ участвовали всѣ, кому дорого счастье и благополучіе его родной страны.

«Копѣйка» № 789. 26 сент. 1910 г.

Вчера утромъ, развертывая «Газету-Копѣйку», я нашла на мѣстѣ обычной передовой статьи, строки о Маціевичѣ, обведенныя траурной каймой. Я не знала этого человѣка, я только издали видѣла его на аэродромѣ, только любовалась его отважными полетами, его прекрасными дерзновеніями, его орлинымъ размахомъ, но жгучая боль пронзила мое сердце и слезы брызнули изъ глазъ... Да, онъ не былъ чужимъ для насъ—этотъ скромный молодой капитанъ, улетавшій къ солнцу, онъ не былъ для насъ чужимъ, потому что онъ осуществлялъ и воплощалъ то, что всѣмъ намъ грезилось отъ ранняго дѣтства, потому что онъ давалъ новую пищу нашей оскудѣвшей гордости, потому что въ вѣкъ эгоизма и алчности онъ тихо и просто дѣлалъ «государево дѣло», готовый каждую минуту принести ему въ жертву свою жизнь...

Капитанъ Маціевичъ... Говорите о томъ, что судьба слѣпа—послѣ такого мѣткого удара! Выхвативъ изъ лучшихъ лучшаго... о, это не удалось бы слѣпой судьбѣ, для этого нужно было намѣренное, сознательное коварство!.. Маціевичъ даже среди нашихъ молодцовъ-летчиковъ, среди этихъ

неожиданныхъ и потому вдвойнѣ дорогихъ завоевателей воздуха, чрезвычайно выдавался. Каждый его полетъ—вызывалъ безконечное восхищеніе. Глава государственнаго правительства не поколебался вѣрить ему свою жизнь... На его аэропланъ просились всѣ—и юноши, и старики, и студенты, и сановники...—«Съ этимъ не опасно!»—думалъ каждый...

Маціевичъ леталъ, какъ птица,—и погибъ, какъ орелъ. Только теперь, передъ его растерзаннымъ тѣломъ, такъ сказать, наглядно осязая, мы можемъ понять величіе подвига этой новой породы людей. Подумать только, что каждый авіаторъ знаетъ, всегда знаетъ, что всякій взлетъ можетъ окончиться катастрофой, что смерть подстерегаетъ его всюду въ этомъ голубомъ воздухѣ, который кажется намъ такимъ ровнымъ и безмятежнымъ... Какъ чиновникъ ежедневно пишетъ свои исходящія, не рискуя ничѣмъ, такъ военный летчикъ, ежедневно сѣдлаетъ свой аэропланъ, играя съ жадной смертью... Служба, которая всегда проходитъ надъ бездною и почти всегда кончается кровью... Какъ это не похоже на шаблонное представленіе о службѣ и избитую сказку о двадцатомъ числѣ!... Авіаторъ-профессіоналъ, по крайней мѣрѣ, играетъ со смертью на крупную ставку, но военный летчикъ въ этой страшной игрѣ только тихо и скромно выполняетъ свой долгъ...

Маціевича, нашего лучшаго летчика, больше нѣтъ. Говорятъ: какая утрата! А я сквозь слезы хочу сказать: какая побѣда! Какая великая побѣда надъ бессмысленной стихіей—эта отважная смерть!... Человѣкъ отдастъ все, чтобы завоевать стихію—золото, время, трудъ, свой геній, но если и этого всего мало — такъ вотъ и самое дорогое—сама жизнь! Стихія не можетъ не сдаться передъ такимъ упорствомъ, передъ такимъ непреклоннымъ стремленіемъ. Каждая славная смерть окрыляетъ новыхъ борцовъ и приближаетъ минуту полнаго торжества.

Маціевичъ погибъ, но не должна умереть память объ этомъ дивномъ самопожертвованіи. Древность бережно донесла до нашихъ дней имя мечтателя Икара, пытавшагося летѣть къ солнцу. Наша задача—сохранить для нашихъ потомковъ имя того, кто взлеталъ къ солнцу и упалъ на землю, отдавъ жизнь ради силы отечества. Мысль воздвигнуть Маціевичу памятникъ по всенародной подпискѣ—чуткая и нужная мысль. Я знаю, что вокругъ есть много несчастныхъ, страждущихъ и голодныхъ, но я знаю также, что не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, и душа народная не мо-

жеть замкнутися в кругу одніх осязательних польз. Мы должны умѣть хоть чѣм-нибудь пожертвовать ради тѣх, которые жертвуют всѣм ради величія отчизны и ради счастья грядущих поколѣній.

Я не сомнѣваюсь, что призывъ «Газеты-Копѣйки» о пожертвованіях на памятникъ Маціевичу найдетъ живой откликъ среди огромной массы читателей. Богъ дастъ—прекрасная мысль будетъ скоро осуществлена и создастся памятникъ достойный Маціевича и Россіи. Въ одной газетѣ было высказано, что памятникъ слѣдуетъ воздвигнуть на мѣстѣ гибели Маціевича. Это—большая ошибка, на этомъ проклятомъ мѣстѣ въ пустынномъ полѣ довольно положить каменную плиту и печальный крестъ, но память о гибели героя, который зналъ, что идетъ на гибель, должна быть прославлена и увѣковѣчена на одномъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ столицы, чтобы бронза или мраморъ постоянно говорили непрерывно смѣняющейся людской волнѣ о великомъ самопожертвованіи одного и великой благодарности всѣхъ.

Ольга Гридина.

«Українська Хата» № 10. 1910 г.

«Е люди, що з залізною послідовністю, крок за кроком, і «безгвалту крику» виконують свою програму життя, і тільки близькі дотичні сфери бувають ознайомлені з їх діяльністю; благородні і тактовні, вони, завдяки своїй людяній вдачі, притягають до себе загальні симпатії, і пошану, і любов, але справедливе розуміння, належну оцінку їм складають лише через довгий час по їх смерті, коли при нагідних обставинахъ буває можливість розкрити та оголосити сторінки їх інтимного життя. Тоді лише на весь зріст виявляється їх велетенська постать.

«Е імена, скромні і непомітні, навіть неznані ширшому заголові, що серед тиші і темряви несподівано враз спалахують огняним смолоскипом, загораються зіркою і сяють провідними маяками в історії людскости. Се-імена таємничих безумців, що засягають собі світової слави!

До таких людей і до таких імен належить нині той, що називався «Лев Маціевич», той, що на російськѣм святі повітрелітання 24 вересня сього року так трагічно скінчив своє славне життя...

Як про авіатора, про нього нехай говорять спеціалісти. Моральна краса його «святого безумства», його надзвичайної героїчної саможертви промовляє сама за себе.

Але ми, українці, в особі небіжчика потеряли певного товариша,—свідомого національного—співробітника, і цієї сторони його життя не можемо помянути мовчаннем...

Слава Маціевича розляглася по всьому світу, але Україні належить честь, що один з її синів записав своє благородне імя на скрижаляхъ вселюдського поступу. Маціевич був одним з перших безумців—піонерів, що прокладають нові шляхи в безмежні високости світознання, підкоряють людському генію світові таємниці.

Честь йому і невмируща слава!

Sic itur ad astra!

М. Вороний.

«Рада» № 222 1/х 1910 г.

Сижу і думаю над смертю Маціевича. І у мене якось чудно на душі. Мені не сумно, не боляче, ні, щось —інше, чого не висловиш ясно. Умер такою славною, надзвичайною смертю.

Це навіть не смерть,—це блискучий льот у вічність.

Так умірають герої і остаються живими.

Іх не жаліють.

Над ними не плачуть,—вони над нами.

По них не дзвонять—до їх не долітають погрібальні дзвони.

Слава надіває вінок на їх достойні чола і їхньою кровію на кожному серці записує їх імена.

«Смертю смерть поправ»...

Але я над цим не думаю.

Єсть такі діла, єсть такі смерті, які роблять честь всім країнам, всім націям, всій людности.

І смерть Маціевича була честью для француза, німця, португальця, грузина...—Однаково. Але той народ, вірний син якого такъ героїчно

умирає, мусить мимоволі якось глибше і сильніше відчути всю красу, весь зміст такої смерті.

Це натурально.

В данім разі для української нації мусить бути особливо близькою смерть Мацієвича, ця велика втрата і це велике національне свято.

«Ви, що розчавлені волею обставин лежите на землі, вірьте, що між вами єсть іще велетні—орли, що високо-високо здіймуться вгору і кровію своєю засвідчать свою відвагу.

І коли ця кров бризне над вами, хіба ви не піднімете своїх голів, хіба не блеснуть на ваших очах сльози, хоча б простої вдячності?!

Коли віру вашу вбито, коли радісна усмішка навіки покинула вас, серце ще б'ється в грудяхі, очі ще можуть плакати!».

Так хотілося б сказати до нашого суспільства, так хотілось би спитати його і розгадати його мертву нерухомість.

Як сфінкс, стоїть воно на життєвому аеродромі і спокійно дивиться, як з страшної висоти летить на землю той, якого ще так недавно воно бачило у Києві в «Українському клубі».

200 депутатів іде за останками Мацієвича, 350 вінків вінчають його голову...

О, коли б наші голоси могли утонуті в морі інших голосів, як шум прибережної хвилі тоне в шумі морським!.. Сонце... сяє для всіх, і вільно кожному дивитись на його, але наш голос мусить бути, мусить чути і біля рідної могили ми мусимо стати ближче від усіх.

Він був наш по духу і по крові.

Українське громадянство повинно вшанувати його самостійно і незалежно від других. В Петербурзі уже збираються жертви на пам'ятник Мацієвичу. Ця втішна звістка може нас тільки порадувати, але не заспокоїти.

Ми повинні самі з чуттям глибокого здивування і гордості вшанувати пам'ять Мацієвича і в самому серці України, у Києві, поставити йому принаймні бюста.

Лев Мацієвич був наш, українець, наш співник і навіки останеться окрасою і честю насамперед нашої забутої нації.

О. Олесь.

«Рада» № 218 26/9 1910 г.

Головне, що завдає нашому громадянству суму й горя, це те, що в особі Мацієвича з копу життя зійшов не тільки рідний, свідомий син нашого народу, але й активний воїн нашої нечисленної національної раті. Як людина дугої волі і залізної логіки, і в справах національно-громадських не визнавав Мацієвич ніяких компромісів, і з тими ж світлими, чистими національними і громадськими ідеалами, якими були вони за юнацьких часів свого народження, зійшов він так трагічно в домовину.

Микола П.

«Вѣстникъ воздухоплаванія» № 16, августъ 1910 г.

Тяжелое чувство охватило всѣхъ друзей воздухоплаванія, когда разнеслась вѣсть о трагической кончинѣ авіатора Мацієвича... Ужасная смерть! И какъ близки къ такому концу всѣ эти отважные, смѣлые люди, посвятившіе себя развитію дѣла воздухоплаванія! Каждый день, каждый взлетъ грозитъ каждому изъ нихъ ужасной гибелью. И все-таки съ каждымъ днемъ растетъ число рвущихся «въ небо» авіаторовъ. Смыкаются ряды надъ павшимъ въ борьбѣ со стихіей товарищемъ—и снова впередъ и выше, все впередъ и все выше несется гордый геній человѣка... На ошибкахъ и несчастіяхъ другихъ учатся новые летуны—и съ каждымъ днемъ становится все ближе окончательная побѣда человѣка надъ воздухомъ.

Казалось бы, въ нашъ «трезвый», чуждый всякаго «идеализма» вѣкъ уже не найдется людей, которые стали бы такъ «безразсудно» подвергать явной опасности свою жизнь, принося ее на пользу науки и техники. А вѣдь безъ нихъ воздухоплаваніе и до сихъ поръ не вышло бы изъ стадіи робкихъ мечтаній, нерѣшительныхъ попытокъ, мелкихъ опытовъ, оно по-прежнему стояло бы на точкѣ замерзанія и, Богъ вѣсть, когда двинулось бы впередъ.

Но они находятся, эти самоотверженные смѣлые люди. Они приходятъ во время, и приходятъ въ числѣ достаточномъ, чтобы двинуть съ такой голово-

кружительной быстротой прогрессъ науки и техники, съ какой онъ движется въ наше время.

Съ сумрачной душой, съ безконечной печалью стоимъ мы передъ открытой могилой. Не только опытный авіаторъ, талантливый завоеватель воздуха, умѣлый организаторъ и хорошій товарищъ ушелъ отъ насъ:—отъ насъ ушелъ *человѣкъ*, смѣлый, благородный *человѣкъ*, не остановившійся передъ рискомъ собственной жизнью для блага культуры и прогресса,—онъ палъ жертвою своей отваги и никогда не увидитъ плодовъ своей борьбы со стихіей...

Вѣчная память тебѣ, положившему жизнь за благо другихъ!

Б. В.

Телеграммы,

вдовой покойнаго.

1) Великаго Князя Александра Михайловича.

Удрученъ извѣстіемъ. Ужасная потеря для нашего дѣла. Передайте вдовѣ мое искреннее сочувствіе въ постигшемъ горѣ.

(получена на имя капитана 2-го ранга Фогеля).

2) Великаго Князя Михаила Александровича.

Глубоко потрясенъ ужаснымъ несчастіемъ кончины доблестнаго Льва Макаровича Маціевича. Прошу передать его супругѣ мое искреннее и горячее соболѣзнованіе въ постигшей тяжелой утратѣ.

Михаилъ.

Воздухоплавательное о-во и летчики.

3) Глубоко пораженный страшнымъ извѣстіемъ отъ всего сердца скорблю вмѣстѣ съ вами о столь тяжелой для васъ и всего отечества утратѣ.

Предсѣдатель Императорскаго Всероссійскаго Аэроклуба
Графъ Стенбокъ.

4) Русское товарищество воздухоплаванія «Крылья» съ глубокимъ участіемъ относится къ вашей тяжелой утратѣ и проситъ васъ принять его искреннія соболѣзнованія.

Суворинъ.

5) Императорскій всероссійскій аэроклубъ просить васъ принять выраженія глубокаго сочувствія и искренняго соболѣзнованія въ постигшемъ васъ горѣ.

Корнъ.

6) Командиръ и офицеры воздухоплавательной школы глубоко поражены горестной и безвременной кончиной Льва Макаровича. Послѣ панихиды, отслуженной въ церкви школы, просятъ васъ принять ихъ чувства сердечнаго соболѣзнованія и искренняго сочувствія въ тяжелой для Россіи и Русскаго воздухоплаванія утратѣ. Память о его заслугахъ и смѣлыхъ подвигахъ будетъ неизгладимо жить въ сердцахъ видѣвшихъ его отвагу и на вѣки будетъ сохранена исторіей.

Генераль-маіоръ Кованько.

Флотъ и войска.

Прошу принять глубокое соболѣзнованіе въ постигшемъ васъ тяжеломъ горѣ. Увѣренъ, что слѣдившіе съ громаднымъ интересомъ за успѣхами вашего доблестнаго мужа-героя оплакиваютъ вмѣстѣ съ вами безвременную утрату перваго отважнаго піонера воздухоплаванія въ Россіи.

Управляющій Морскимъ министерствомъ вице-адмиралъ *Григоревичъ.*

7) Вчера вечеромъ въ Кронштадтѣ получилъ вѣсть о безвременной кончинѣ Льва Макаровича, незабвеннаго стараго товарища, подвижника родного воздухоплаванія. Только мы, видѣвшіе его въ дѣлѣ, способны понять громадность потери.

Лейтенантъ Піотровскій.

Изъ газетъ.

8) Члены воздухоплавательнаго кружка студентовъ Варшавскаго политехникума на первомъ очередномъ собраніи рѣшили выразить свое глубокое сочувствіе по поводу утраты незабвеннаго Льва Макаровича Маціевича, цѣной жизни приблизившаго моментъ торжества человѣка надъ воздушной стихіей.

9) *Sommes de coeur avec vous dans terrible catastrophe chez capitaine Mazieviez mort en héros Makovetzkie et école Antoinette.*

10) *Partageons épouvantable douleur soyez forte pour votre enfant Strass.*

13) Глубоко потрясенный ужасной смертью вашего добраго мужа, принадлежностью котораго къ морской семьѣ мы такъ гордимся, увѣренъ, что, свидѣтельствуя вамъ глубокое соболѣзнованіе, явлюсь выразителемъ чувствъ всего вѣреннаго мнѣ дѣйствующаго флота Балтійскаго моря. Вице-адмиралъ Фонъ-Эссень.

14) Потрясенные трагической кончиной Льва Макаровича командиръ и офицеры крейсера «Аврора» выражаютъ вамъ свое глубокое сочувствіе въ постигшемъ васъ большомъ горѣ.

15) Товарищи и сослуживцы Льва Макаровича, раздѣляя ваше горе, просятъ принять свое искреннее сочувствіе въ постигшей васъ тяжелой утратѣ. Офицеры дивизіона подводныхъ лодокъ Чернаго моря.

16) Помолившись объ упокоеніи души безвременно погибшаго дѣятеля на новомъ поприщѣ завоеванія воздуха Льва Макаровича Маціевича, выражаемъ вамъ глубокое соболѣзнованіе въ вашей тяжелой утратѣ. Начальникъ, офицеры, гардемарины и воспитанники Морского инженернаго училища и присутствовавшій въ церкви генераль-лейтенантъ Артамоновъ.

17) Офицеры Гродненскаго гарнизона, чины гражданскихъ учрежденій и члены мѣстнаго общества, помолившись за упокой души покойнаго мужа вашего и раздѣляя со всѣми русскими людьми тяжесть понесенной утраты, просили выразить вамъ соболѣзнованіе въ постигшемъ васъ горѣ. Губернаторъ Борзенко, начальникъ гарнизона генераль-лейтенантъ Кайгородовъ.

Клубы и общества.

18) Київський Український клубъ—боляче відчуваючи невчасну смерть щирого українця, висловлює дружині його глибоке співчуття.

19) Петергофскій кружокъ любителей спорта, глубоко пораженный безвременной кончиной героя-авиатора Льва Макаровича Маціевича, проситъ васъ передать супругѣ покойнаго выражение глубочайшаго соболѣзнованія въ постигшемъ ее горѣ. Да послужить ей хотя маленькимъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что ея скорбь въ настоящую тяжелую минуту раздѣляетъ вся Россія. Миръ праху почившаго, слава его памяти. Предсѣдатель комитета подполковникъ Маковский.

20) Дружная семья членовъ Петровскаго яхтъ-клуба, собравшись на спускъ флага по случаю окончанія спортивнаго сезона, горячо скорбитъ о гибели капитана Маціевича, этого великаго борца съ невѣдомой грозной стихіей воздушнаго океана, героически прервавшего свою полезную дѣятельность, направленную на благо дорогого отечества.

Училища.

21) Потрясенные до глубины души безвременной смертью Льва Макаровича, славнаго русскаго авиатора, ученики дополнительнаго класса частнаго реальнаго училища Черняева выражаютъ горячее соболѣзнованіе семьѣ погибшаго, твердо вѣря, что имя его навѣки запечатлѣется въ великомъ дѣлѣ покоренія воздуха.

Друзья и знакомые.

22) Дай Богъ силъ перенести вамъ ваше горе; будемъ жить памятью о нашемъ незабвенномъ Левушкѣ. Личко.

23) Оплакивая безвременную кончину дорогого Льва Макаровича, искренне соболѣзную вашему горю. Да укрѣпить васъ Богъ въ постигшей утратѣ. Фонталовъ.

24) Пораженный случившейся трагедіей, выражаю Вамъ искреннѣйшее сочувствіе. Онъ умеръ геройской смертью—борцомъ за лучшее будущее человѣчества. Да послужить это Вамъ утѣшеніемъ въ эти ужасные дни.

Хворостухинъ.

25) Потрясенные несчастьемъ, съ глубокой скорбью участвуемъ въ горѣ, утратѣ лучшаго русскаго гражданина. Да будутъ вѣчно живы завѣты его жизни—подвига.

Докторъ Радзаевскій съ семействомъ.

26) Прошу принять мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Шретеръ.

Телеграммы по поводу смерти Л. М. Маціевича.

На имя Великаго Князя Александра Михайловича въ Парижѣ получена слѣдующая телеграмма отъ французскихъ военныхъ авиаторовъ:

«Военные авиаторы присоединяются къ трауру, который окуталъ русскихъ товарищей, и просятъ Васъ принять выраженіе почтительнаго сочувствія.

Капитанъ Этэве.

На эту телеграмму Великій Князь отвѣтилъ:

Капитану Этэве. Версаль. Глубоко тронуть. Сердечно благодарю французскихъ товарищей авиаторовъ за то участіе, съ которымъ они отнеслись къ нашему горю.

Александръ.

**Списокъ вѣнковъ возложенныхъ на гробъ
Л. М. Маціевича ¹.**

Отъ родныхъ:

жены.
дочери.
матери—дорогому моему сыну.
брату—другу.

Высокихъ особъ:

Великаго Князя Александра Михайловича:
«Дорогому моему помощнику» (серебряный).
Великаго Князя Дмитрія Павловича:
«Капитану Л. М. Маціевичу (изъ живыхъ цвѣтовъ).
Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина:
«Жертвѣ долга и отваги».

Летчиковъ и воздухоплав. учрежденій:

М. Н. Ефимова:
«Л. М. Маціевичу. Прощай, товарищъ—не забуду тебя».
«Товарищу Л. М. Маціевичу» (изъ живыхъ цвѣтовъ).
Офицеровъ-летчиковъ:
«Дорогому товарищу».

¹ Изъ настоящей перечень вошли далеко не все вѣнки, возложенные на гробъ Л. М. Маціевича, такъ какъ не было никакой возможности составить проверенный точный ихъ списокъ.

Офицеровъ воздухоплавательной школы:

Л. М. Маціевичу.

М. Н. Ефимова (серебрян.).

Заикина (серебрян.).

Русскаго Т-ва воздухоплавания «Крылья» (серебрян.).

Императорскаго всероссийскаго аэроклуба:

«Л. М. Маціевичу».

Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Всероссийскаго аэроклуба:

«Национальному герою».

VII Воздухоплавательнаго отдѣла Императорскаго російскаго торговаго общества:

«Л. М. Маціевичу».

II воздухоплавательной роты: (Золотая пальмовая вѣтвь).

1-го Російскаго Т-ва воздухоплавания «С. С. Шетининъ»:

«Пионеру и герою національнаго воздухоплавания».

Отъ сослуживцевъ и соработниковъ:

Товарищей-подводниковъ:

«Дорогому Л. М. Маціевичу».

Сослуживцевъ Балтійскаго судостроительнаго завода (серебрян.).

Кораблестроителей политехниковъ (серебрян.).

Второго Балтійскаго флотскаго экипажа:

«Доблестному погибшему сослуживцу».

Отъ земляковъ украинцевъ:

Земляковъ—украинцевъ:

«І скільки вас разбилося об граніти

І скільки вас сконало серед мук

Але смерть була безсила вас спинить

І вбить ваш вільний дух

Петербургскихъ земляковъ:

«Широму українцю-громадянину Льву Маціевичу».

Товаришів:

«Дорогому Левкові».

Отъ студентовъ и слушательницъ высшихъ учебн. заведеній:

Студентовъ Военно-медицинской академіи:

«Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню».

Студентовъ-Лѣсниковъ:

«Герою летуну».

Студентовъ Института путей сообщенія:

«Геройски павшему въ борьбѣ со стихіей».

Студентовъ С.-Петербургскаго университета:

«Летуны Летуну».

Слушателей высшихъ коммерческихъ курсовъ:

«Побѣдителю».

Слушателей Александровской военной Академіи:

«Первой русской жертвѣ побѣды надъ воздухомъ».

Гардемариновъ Морского корпуса:

«Храброму летуну и офицеру родного флота».

Слушателей и слушательницъ общеобразовательныхъ курсовъ Черняева:

«Имя твое намъ символъ борьбы со стихіей».

Учащихся Императорской академіи художествъ:

«Съ глубокимъ уваженіемъ».

Студентовъ и преподавателей С.-Петербургскаго Технологическаго Института (серебрян.).

Слушателей Михайловской артиллерійской академіи: (серебрян.).

Воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія (серебрян.).

Отъ учениковъ среднихъ учебн. завед. и школъ:

Учениковъ Спб. VI гимназіи.

«Возвременно погибшему герою».

Учениковъ Филологической гимназіи:

«Л. М. Маціевичу».

Учениковъ училища Св. Анны:

«Жертвѣ авіаціи».

Учениковъ III класса Г. И. Ч. О.:

«Русскому авіатору».

Учениковъ Рем. Уч. Цес. Николая:

«Твой подвигъ да свѣтится въ сердцахъ нашихъ».

Учениковъ III класса Спб. Императорскаго Коммерческаго училища:

«Авіатору Л. М. Маціевичу».

Ученицъ гимназіи Лентовской:

«Л. М. Маціевичу».

Ученицъ женской гимназіи въ Лѣсномъ:

«Лебедь бѣлый хотѣлъ долетѣть до небесъ

И во мракъ небесъ бѣлый лебедь исчезъ».

Учениковъ V гимназіи:

«Летуну—Герою».

Учениковъ 8-го класса Спб. VIII-й гимназіи:
 «Л. М. Маціевичу».

Воспитанниковъ XII Спб. гимназіи:
 «Доблестному воздухоплавателю».

Кадетъ и служащихъ Императора Александра II корпуса:
 «Вѣчная память и слава доблестному Л. М. Маціевичу».

Учениковъ Тенишевскаго училища:
 «Погибшему авіатору».

Ученицъ гимназіи княгини Оболенской:
 «Л. М. Маціевичу».

Воспитанниковъ общественнаго реальнаго училища:
 «Капитану Л. М. Маціевичу».

Учениковъ реальнаго училища Янсона:
 «Отважному Л. М. Маціевичу».

Воспитанниковъ Техническаго желѣзнодорожнаго училища:
 «Капитану Л. М. Маціевичу».

Юнкеровъ Михайловскаго училища:
 «Капитану Маціевичу».

Юнкеровъ Константиновскаго артиллерійскаго училища:
 «Безвременно погибшему неустрашимому герою, вѣрному сыну родины».

Учениковъ гимназіи Столцова:
 «Л. М. Маціевичу».

Отъ пажей:
 «Герою авіатору».

Учениковъ Спб. 2-го реальнаго училища:
 «Геройски погибшему Л. М. Маціевичу».

Учениковъ гимназіи и реальнаго училища д-ра Видемана:
 «Герою авіатору».

Учениковъ II-го и приготовительнаго классовъ Выборгскаго коммерческаго училища:
 «Первой жертвѣ русскаго воздухоплаванія».

Учениковъ реальнаго училища Копылова:
 «Павшему въ борьбѣ со стихіей».

Группы учениковъ и преподавателей Петровскаго училища:
 «Русскому летуну».

Ученицъ гимназіи Гедда (серебрян.).

Отъ служащихъ разныхъ учреждений:

Группы чертежниковъ морскаго вѣдомства:
 «Л. М. Маціевичу».

Чиновъ военно-судебнаго вѣдомства:
 «Пусть великая жертва твоя не будетъ напрасной».

Чиновъ главнаго артиллерійскаго управленія:
 «Герою-летчику».

Отъ рабочихъ:

Рабочихъ электро-механическаго завода Н. Глѣбовъ и К^о:
 «Борцу со стихіей».

Отъ военныхъ:

Лейбъ-Гренадеровъ:
 «Л. М. Маціевичу».

Стрѣлковъ Императорской фамиліи:
 «Л. М. Маціевичу».

Офицеровъ Михайловскаго артиллерійскаго училища:
 «Л. М. Маціевичу».

Командира и офицеровъ Л.-Гвардіи Московскаго полка:
 «Герою-Летуну».

Стрѣлковъ Его Величества:
 «Л. М. Маціевичу».

Офицеровъ 18-го сапернаго баталіона:
 «Безвременно погибшему отважному русскому летчику».

Кавалергардовъ:
 «Безвременно погибшему при исполненіи своего долга».

Офицеровъ Л.-Гвардіи Финляндскаго полка:
 «Безвременно погибшему».

Офицеровъ и юнкеровъ Николаевскаго инженернаго училища:
 «Безвременно погибшему отважному русскому офицеру-летуну».

Офицеровъ Лейбъ-Егерей:
 «Безвременно погибшему во славу своей родины».

Офицеровъ Вяземскаго полка:
 «Первой жертвѣ родного воздушнаго флота».

Офицеровъ Императорской Николаевской военной академіи (серебрян.).

Офицеровъ Николаевской инженерной академіи (серебрян.).

Гвардейскихъ саперъ (серебрян.).

Государева конвоя (серебрян.).

Отъ частныхъ лицъ.

Семьи профессора Сиротинина:
 «Незабвенному русскому военному летуну».

Предсѣдателя Императорскаго всероссійскаго аэроклуба:
 «Незабвенному Л. М. Маціевичу».

«Другу дѣтства» отъ г. Муркенъ.

Отъ неизвѣстныхъ лицъ.

Юныхъ почитательницъ:

«Всей душой грустимъ о тебѣ».
«Дивному авіатору 24—IX 1910 г.»
«Послѣднее прости!»
«Безвременно погибшему герою».

Отъ казенныхъ и частныхъ учрежденій и О-въ:

Морского генеральнаго штаба:
«Л. М. Маціевичу».
Флота и морского вѣдомства:
«Л. М. Маціевичу».
Подводнаго плаванія Тихаго океана:
«Незабвенному Л. М. Маціевичу».
Военнаго инженернаго управленія (серебрян.).
Желѣзнодорожнаго полка.
Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка:
«Безстрашному герою-летчику».
Императорскаго Спб. О-ва рысистаго коннозаводства:
«Незабвенному Русскому летуну».
Общества ревнителей военныхъ знаній:
«Самостоятельному русскому военному летуну».
О-ва Маякъ:
«Отважному герою—жертвѣ авіаціи».
Гаванскаго паруснаго О-ва:
«Памяти героя».
О-ва Взаимнаго кредита дѣятелей печатнаго дѣла:
«Высокопочтимому сочлену».
Императорскаго Спб. Балета.
Спб. городского общественнаго управленія:
«Л. М. Маціевичу».

Отъ Чешскихъ футболистовъ союзовъ и фракцій.

Всероссійскаго національнаго союза:
«Герою летуну».
Думской фракціи союза 17 октября:
«Самоотверженному сыну Россіи и герою долга».
Думской фракціи народной свободы:
«Безвременно погибшему смертию героя».

Заводы.

Николаевскаго судостроительнаго и механическаго завода:
«Безвременно погибшему талантливому инженеру».

Отъ высшихъ, среднихъ учебныхъ заведеній и школъ.

Павловскаго военнаго училища:
«Безвременно погибшему русскому герою-летчику».
Николаевской инженерной академіи:
«Славному русскому авіатору».
Интендантскихъ курсовъ (административно педагогическаго состава слушателей):
«Безвременно погибшему отважному русскому летуну».
Института гражданскихъ инженеровъ:
«Л. М. Маціевичу».
Перваго кадетскаго корпуса.
Второго кадетскаго корпуса.
Главной гимнастической фехтовальной школы.
Николаевскаго кадетскаго корпуса (серебрян.).
Ремесленнаго училища Цесаревича Николая.
Коммерческаго училища 1-го товарищества преподавателей.
Коммерческаго училища 2-го общества преподавателей.
1-го Петербургскаго Техникума.
Гимназіи Никифоровой:
«Отважному Маціевичу».
Технической школы Э. З. Г. В:
«Родному летуну».
Ларинской гимназіи.
Спб. Сельско-хозяйственныхъ курсовъ.
Гимназія Мая:
«Отважному Русскому летуну».
Реальнаго училища Багинскаго.
Гимназіи и реальнаго училища Гуревича (серебрян.).

Отъ редакцій.

Современнаго Слова:
«Excelsior».
Биржевыхъ Вѣдомостей и «Огонька» (серебрян.).
Рѣчи:
«Самоотверженному искателю» (изъ живыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ).

